

ISSN 278823067 (Print)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 2(8) | №. 2(8)
ИЮНЬ | JUNE 2023

*Искусство диалога
и общения*

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
проекты

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 2(8) | No. 2(8)
ИЮНЬ | JUNE 2023

Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

+7 (495) 252-67-88

www.nicrus.ru

institut@nicrus.ru

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

— печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека

Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал «**Россия и мир: научный диалог**» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»

119034, Российская Федерация,

Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>

Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты.

Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстранных и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2023

© АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций», 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиадеятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российской университета дружбы народов (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистана, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Арманис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Слава Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

ISSN 2782-3067
9 772782306007 >

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2023-3-2(8)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»

- print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation

ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»
22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12
Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84 www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»
Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1,
Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
Russian Federation
Website: <https://www.russia-world.ru/jour>
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.

The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2023

© ANO «National Communications Development Research Institution», 2023

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P. Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В.

От главного редактора 14

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

Нессар О.М.

Генезис и эволюция движения «Талибан»¹ 20

Митрофаненкова О.Е.

Источники финансирования движения «Талибан»* (2001–2021) 32

Лалетин Ю.П.

Экономическое и гуманитарное сотрудничество РФ и ИРА (2001–2021) 43

Христофоров В.С.

Американские войска в Афганистане (2001–2021): вывести нельзя оставить 55

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ

ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

Слинкин М.М.

Афганистан и «Великая шахматная доска» 68

Махмудов Р.Б.

Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана 80

Султанмуратов Н.

К вопросу о политике Казахстана по отношению к Афганистану 94

Хакпанах Дж.

Политика Ирана в контексте афганского кризиса после 2021 г. 107

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

Комлева В.В.

Коммуникационный режим Исламской Республики Афганистан:
социально-политический анализ 120

Искандаров К.

Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода
к власти «Талибана»: взгляд из Таджикистана 142

Окимбеков У.В.

Женский вопрос в Афганистане при талибах 158

Зимин И.А.

Социальные вызовы новому правительству «Талибана»* 171

1 *Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

CONTENTS

Naumkin V.V.

Editor-in-chief Foreword 14

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Nessar O.M.

Genesis and Evolution of the «Taliban»* 20

Mitrofanenkova O.E.

Funding Sources for the «Taliban»* (2001–2021) 32

Laletin Y.P.

Economic and Humanitarian Cooperation between the Russian Federation and the Islamic Republic of Afghanistan (2001–2021) 43

Khristoforov V.S.

American Troops in Afghanistan (2001–2021): Can Neither be Left nor Taken Out 55

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Slinkin M.M.

Afghanistan and the "Great Chessboard" 68

Makhmudov R.B.

Afghan Vector of Modern Foreign Policy of Uzbekistan 80

Sultanmuratov N.

On the Issue of Kazakhstan's Policy Towards Afghanistan 94

Haghpanah J.

Iran's Policy in the Situation of the Afghan Crisis After 2021 107

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes

Political sociology

Komleva V.V.

Communication Regime of the Islamic Republic of Afghanistan: socio-political analysis 120

Iskandarov K.

Afghanistan Humanitarian Situation and Security Problems After Coming to Power the «Taliban»* Movement: A View from Tajikistan 142

Okimbekov U.V.

Women's Issue in Afghanistan under the «Taliban»* 158

Zimin I.A.

The Social Challenges to the New Government of «Taliban»* 171

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-chief of the journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Этот выпуск журнала мы посвящаем анализу сложных процессов, протекающих в Афганистане, значение которых высоко для обеспечения мира и стабильности в регионе. Открывает номер серия из четырех статей по тематике Истории международных отношений и внешней политики. Под этой рубрикой авторы представили выявленные ими взаимосвязи исторической ретроспективы событий в Афганистане с современными процессами.

Омар Мухаммад Нессар обратился к генезису и эволюции движения «Талибан»¹. Обозначив пять основных этапов эволюции этого движения, автор пришел к выводу: «Основные цели и задачи талибов за 20 лет почти не изменились, однако трансформацию претерпел состав движения, что отразилось на динамике запретительной политики». Рассматривая ретроспективно состав «умеренных» талибов, автор приходит к выводу о том, что сейчас он выглядит более многочисленным, чем в 1990-е гг. По мнению автора, отсутствие в настоящее время сформированного и четко сформулированного мировоззрения мешает «Талибану» определиться с образом врага.

Ольга Евгеньевна Митрофаненкова представила результаты исследования источников финансирования движения «Талибан» на протяжении двадцати лет: с 2001 по 2021 г. Автор обращает внимание на следующее обстоятельство: несмотря на то, что в 2001 г. движение «Талибан»² было прак-

1* Организация признана Верховным судом России террористической организацией. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

EDITOR-IN-CHIEF FORWORD

Dear readers!

We dedicate this issue of the journal to the analysis of the controversial processes taking place in Afghanistan, the importance of which is high for ensuring peace and stability in the region.

The issue opens with a series of four articles on the history of international relations and foreign policy. Under this heading, the authors presented articles on the interconnections between history and modern processes in Afghanistan that they have identified.

Omar M. Nessar addressed the origin and evolution of the Taliban¹. Having identified five main stages in the evolution of this movement, the author came to the conclusion: «The main goals and objectives of the Taliban¹ have not changed much over 20 years, but the composition of the movement has undergone a transformation, which was reflected in the dynamics of the prohibitive policy.» Considering in retrospect the composition of the «moderate» Taliban¹, the author comes to the conclusion that now the movement is more numerous than in the 1990s. According to the author, the current lack of a well-formed and clearly articulated worldview prevents the Taliban¹ from defining the image of the enemy.

Olga E. Mitrofanenкова presented the results of a study of the sources of financing of the Taliban¹ movement for 20 years from 2001 to 2021. The author draws attention to the fact that

2* The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

тически полностью разбито в результате антитеррористической операции «Несокрушимая свобода», ровно через 20 лет оно возродилось. Основную роль в этом сыграли источники финансирования, которые помогли им получить контроль над страной. Эта тема привлекала внимание исследователей как в России, так и в других странах. Опираясь на результаты ранее проведенных исследований, автор рассмотрела процесс того, как менялись источники финансирования талибов в период с 2001 по 2021 г., проследила, какие источники дохода играли наиболее значительную роль. Как было отмечено в выводах, сделанных автором, «именно наркобизнес стал одним из первых источников финансирования, который помог талибам начать восстанавливать свои силы и влияние в Афганистане после 2001 г.».

К этому же двадцатилетию обратился и Юрий Павлович Лалетин, рассмотревший процессы экономического и гуманитарного сотрудничества Российской Федерации и Исламской Республики Афганистан в 2001–2021 гг. Автор пришел к выводу о том, что торгово-экономическое сотрудничество двух стран в этот период оставалось на низком уровне. Однако в этот период возникли и позитивные процессы: решена проблема долга Афганистана, создан ряд совместных органов, введен режим наибольшего благоприятствования. Но были и препятствия, к числу которых автор отнес следующие: «коррупция и нежелание американцев иметь в качестве конкурентов российские фирмы, которым отводилась роль не более чем субподрядчиков».

Проблематике нахождения американских войск в Афганистане в этот же период посвятили свою статью Василий Степанович Христофоров. «Вывести нельзя оставить» – таким лейтмотивом сопроводил автор заголовок своей статьи. Внедрить демократические ценности американцам, как они провозгласили в качестве своей основной задачи, не удалось. Правительство, которое держалось на американских штыках, пало еще до окончания вывода американского контингента. Причины этого, по мнению автора, заключались «в особенностях исторического, культурного, социального и религиозного развития общества, а также в слабости политического руководства страны».

Раздел «Международные, глобальные и региональные процессы в сфере международных отношений» представлен четырьмя статьями.

Михаил Михайлович Слинкин рассмотрел политику в Евразии «в контексте претензий США на ключевую роль в мире и их способность самостоятельно управлять фигурами на «Великой шахматной доске»». Автор обратил внимание на то, что после поспешного вывода американцами своих войск из Афганистана они переключились на другую «шахматную партию», взрастив своего союзника в

although in 2001 the Taliban¹ movement was almost completely defeated as a result of the anti-terrorist Operation Enduring Freedom, exactly after 20 years later it was revived. The main role in this was played by the sources of funding, which helped to gain control over the country. This topic has attracted the attention of researchers both in Russia and in other countries. Based on the results of previous studies, the author examined how the sources of funding for the Taliban¹ changed from 2001 to 2021, traced which sources of income played the most significant role. As noted in the conclusions, «it was the drug business that became one of the first sources of funding that helped the Taliban¹ begin to restore their strength and influence in Afghanistan after 2001.»

Yury P. Laletin also turned to the same 20th period and considered the processes of economic and humanitarian cooperation between the Russian Federation and the Islamic Republic of Afghanistan in 2001–2021. The author came to the conclusion that the trade and economic cooperation between the two countries during this period remained at a low level. However, positive processes have also emerged: the problem of Afghanistan's debt has been resolved, a number of joint bodies have been created, and the most favored nation regime has been introduced. But there were also obstacles: «corruption and the unwillingness of Americans to have Russian firms as competitors, which were assigned the role of nothing more than subcontractors.»

Vasily S. Khristoforov devoted his article to the problem of the presence of American troops in Afghanistan in the same period. «Can Neither be Left nor Taken Out» is the subtitle of his article. The Americans failed to introduce democratic values, as they formulated their main task. The government, which was supported by American troops, fell even before the end of the withdrawal of the American contingent. The reasons for this, according to the author, were «the peculiarities of the historical, cultural, social and religious development of society, as well as the weakness of the country's political leadership.»

The section «International, global and regional processes» in the field of international relations is represented by four articles.

Mikhail M. Slinkin considered the policy in Eurasia «in the context of the US claims to a key role in the world and the desire to independently manage the pieces on the Grand Chessboard.» The author drew attention to the fact that after the hasty withdrawal of their troops from Afghanistan by the Americans, they switched to another «chess game», raising their ally in the person of Ukraine, the leadership and part of the population of which profess the Nazi ideology. The author writes that «the connection between the events in the Near

лице Украины, руководство и часть населения которой исповедуют нацистскую идеологию. Автор пишет, что «связь событий на Ближнем и Среднем Востоке и в Европе очевидна, но все же требует доказательств», чему и посвящена статья.

Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана стал предметом исследования Рустама Баходировича Махмудова. Узбекский подход автором охарактеризован через комбинацию следующих факторов: «поддержка установлению мира и стабильности в Афганистане; развитие торгово-экономического сотрудничества с Кабулом; продвижение Узбекистаном инициатив по большему участию мирового сообщества в налаживании мирной жизни в Афганистане; интеграция этой страны в продвигаемые Ташкентом проекты взаимосвязанности Центральной и Южной Азии».

Политика Казахстана по отношению к Афганистану рассмотрена Нуриддином Султанмуратовым. Республика по-прежнему опирается на ОДКБ и ШОС, однако казахстанские власти, как показывают последние события, стремятся поддерживать контакты с движением «Талибан», рассматривая его как фактор сохранения стабильности в этой стране.

Политика Ирана в контексте афганского кризиса после 2021 г. была рассмотрена Джадаром Хакланахом. В статье автором представлен обзор взаимоотношений Исламской Республики Иран с Исламской Республикой Афганистан, их связи в политической, культурной, экономической и гуманитарной сферах. Обозначены основные рычаги влияния Ирана на ситуацию в Афганистане. Автор приходит к выводу о том, что «возвращение талибов к власти в Афганистане можно рассматривать как сочетание возможностей и одновременно с этим угроз для Исламской Республики Иран. С точки зрения официальных лиц в Тегеране, в настоящее время возможности перевешивают угрозы, и в обозримом будущем подобное положение сохранится».

Проблематика изменяющегося социума в контексте исследования социальной структуры, социальных институтов и процессов, политической социологии представлена четырьмя статьями.

Статья Валентины Вячеславовны Комлевой посвящена исследованию коммуникационного режима в современном Афганистане. Впервые в контексте Афганистана применяется методика анализа управляемости коммуникационных режимов и дается его оценка. На основе результатов пилотного исследования были выделены особенности коммуникационного режима, в частности, наличие «слепых зон», которые не всегда видят и понимают те, кто исследует коммуникации, и те, кто управляет общественными коммуникациями. Автором сделаны выводы о влиянии внутренних и внешних центров управления коммуникациями,

and Middle East and in Europe is obvious, but still requires proof," which is what the article is devoted to.

The Afghan vector of the modern foreign policy of Uzbekistan became the subject of research by Rustam B. Makhmudov. The Uzbek approach is characterized by the author through a combination of the following factors: "support for the establishment of peace and stability in Afghanistan; development of trade and economic cooperation with Kabul; promotion by Uzbekistan of initiatives for greater participation of the world community in establishing a peaceful life in Afghanistan; integration of this country into the interconnectedness projects of Central and South Asia promoted by Tashkent".

Kazakhstan's policy towards Afghanistan is reviewed by Nuriddin Sultanmuratov. The republic still relies on the CSTO and the SCO, but the Kazakh authorities, as recent events show, seek to maintain contacts with the Taliban movement, considering it as a factor in maintaining stability in this country.

Iran's policy in the context of the Afghan crisis after 2021 was reviewed by Jafar Haqpanah. The article presents a historical overview of the relationship between the Islamic Republic of Iran and the Islamic Republic of Afghanistan, their ties in the political, cultural, economic and humanitarian spheres. The main levers of Iran's influence on the situation in Afghanistan are shown. The author comes to the conclusion that "the return of the Taliban" to power in Afghanistan can be seen as a combination of opportunities and, at the same time, threats for the Islamic Republic of Iran. From the point of view of officials in Tehran, the opportunities currently outweigh the threats and will continue to do so for the foreseeable future."

The problems of "changing society" in the context of social structure, social institutions and processes, political sociology studies are presented in four articles.

The article by Valentina V. Komleva is devoted to the study of the communication regime in modern Afghanistan. For the first time in the context of Afghanistan, the methodology for analyzing the controllability of communication regimes is applied and its assessment is given. Based on the results of the pilot study, the features of the communication regime were identified, in particular, the presence of "blind zones" that are not always seen and understood by those who study and manage public communications. The author draws conclusions about the influence of internal and external communication control centers, about the weak controllability of the communication regime by the Taliban, despite the policy of controlling communication channels and information content.

о слабой управляемости коммуникационным режимом со стороны талибов, несмотря на политику контроля каналов коммуникации и содержания информации.

Взгляд из Таджикистана на гуманитарную ситуацию и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти «Талибана» была рассмотрена Косимшо Искандаровым. Режим «Талибана», в соответствии с выводом автора, угрожает уничтожением многовековому историческому и культурному наследию таджиков в этой стране: «таджики при «Талибане» не только отстраняются от власти, но и политика «Талибана» приведет к ограничению сферы применения языка дари (таджикского), который более тысячи лет являлся государственным языком, языком межнационального общения в этой стране». Именно поэтому Эмомали Рахмон настаивал на формировании инклюзивного правительства, с учетом интересов этнических таджиков, составляющих 46 процентов населения Афганистана.

«Женский вопрос» в Афганистане после прихода к власти моджахедов, а затем талибов рассмотрен Убайдом Бафобековичем Окимбековым. Автора привлекли место и положение афганских женщин в обществе, процесс развития образования и вовлечения женского населения в социально-экономическую и политическую жизнь этой страны. Введенные талибами ограничения в отношении женщин, делает вывод автор, «являются продуктом возврата самих лидеров движения, однако это преподносится как требования религии».

Социальные вызовы новому правительству «Талибана» анализируются в статье Ильи Андреевича Зимина. Автор приходит к выводу о том, что внутреннего ресурса для комплексного и глубокого решения социальных проблем талибам не хватает, поэтому целью международных гуманитарных организаций стало не допустить гуманитарной катастрофы в Афганистане. Автор считает, что «уже больше года правительство Исламского Эмиратов Афганистан продолжает контролировать большую часть страны и так или иначе реагировать на брошенные вызовы, коллапса государства так и не случилось».

Уважаемые читатели!

Материалы этого номера журнала подготовлены в рамках инициативного проекта нашего коллеги, Омара Мухаммада Нессара, старшего научного сотрудника Института Востоковедения РАН, директора Центра изучения современного Афганистана. Редакционная коллегия журнала выражает надежду на то, что представленные материалы вызовут у вас интерес и вы сами войдете в число наших авторов.

Академик РАН Виталий Наумкин

A Tajik perspective on the humanitarian and security situation in Afghanistan after the Taliban came to power is presented by Kosimsho Iskandarov. The Taliban regime, in accordance with the conclusion of the author, threatens to destroy the centuries-old historical and cultural heritage of Tajiks in this country: "Tajiks under the Taliban are removed from power, the policy of the Taliban will lead to limiting the scope of the Dari (Tajik) language, which is more for thousands of years it has been the state language, the language of interethnic communication in this country". That is why Emomali Rahmon insisted on the formation of an inclusive government, taking into account the interests of ethnic Tajiks, who make up 46 percent of the population of Afghanistan.

The "women's issue" in Afghanistan after the coming to power of the Mujahedeen, and then the Taliban, was considered by Ubayd V. Okimbekov. The author was attracted by the place and position of Afghan women in society, the development of education and the involvement of the female population in the socio-economic and political life of this country. The restrictions imposed by the Taliban on women, the author concludes, "are the product of the views of the leaders of the movement themselves, but this is presented as the requirements of religion."

Social challenges to the new Taliban government attracted the attention of Ilya A. Zimin. The author comes to the conclusion that the Taliban do not have enough internal resources for a comprehensive and deep solution of social problems, so the goal of international humanitarian organizations was to prevent a humanitarian catastrophe in Afghanistan. The author believes that "for more than a year, the government of the Islamic Emirate of Afghanistan continues to control most of the country and respond in one way or another to the challenges, the collapse of the state has not happened."

Dear readers!

The materials of this issue were prepared as part of the initiative project of our colleague, Omar Mohammad Nesser, senior researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, director of the Study of Modern Afghanistan Center.

The editorial board of the journal hopes that the materials of the issue will arouse your interest and that you yourself will become one of our authors in the future.

Academician of the Russian Academy of Sciences Vitaly Naumkin

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений
и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations
and Foreign Policy

Анализ основных направлений политики талибов после их повторного прихода к власти приводит к выводу, что основные цели и задачи талибов за 20 лет не изменились – они и сейчас стремятся установить те же порядки, к которым двигались в прошлом. Однако за 20 лет изменился состав движения. Вероятно, этим можно объяснить некоторое смягчение и замедление в запретительной политике. Сейчас лагерь «умеренных» талибов выглядит более многочисленным, чем в 1990-е гг.

Нессар М.О.

Генезис и эволюция движения «Талибан»[°]

... все источники финансирования движения Талибан[°] за двадцать лет можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним источникам дохода прежде всего относятся различные налоговые поступления (которые собирались нелегально), доходы от наркобизнеса, все виды вымогательства. К внешним источникам финансирования относятся различные нелегальные денежные поступления из арабских фондов, а также из Пакистана.

Митрофаненкова О.Е.

Источники финансирования движения Талибан[°] (2001–2021 гг.)

... хотя торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Исламской Республикой Афганистан и получило импульс развития, но оставалось на довольно низком уровне. С одной стороны, были приняты меры, способствующие росту взаимодействия – решена проблема долга Афганистана, создан ряд совместных органов, введен режим наибольшего благоприятствования. С другой стороны, препятствиями послужили коррупция и нежелание американцев иметь в качестве конкурентов российские фирмы, которым отводилась роль не более чем субподрядчиков.

Лалетин Ю.П.

Экономическое и гуманитарное сотрудничество РФ и ИРА (2001–2021 гг.)

20-летнее присутствие военных контингентов США в Афганистане не привело к кардинальным положительным результатам. Американцам удалось лишь частично решить поставленные задачи, связанные с уничтожением «Аль-Каиды», однако они не смогли внедрить демократические начала, а правительство, которое 20 лет держалось на американских штыках, фактически пало еще до окончания вывода американских контингентов. В очередной раз было доказано, что ни одна власть в этой стране не будет обладать достаточной для стабилизации ситуации легитимностью при условии иностранного военного вмешательства.

Христофоров В.С.

Американские войска в Афганистане (2001–2021): вывести нельзя оставить

[°]Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Генезис и эволюция движения «Талибан»^{*1}

Омар Мохаммад Нессар[✉]

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва,
Россия
nessar@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>

Аннотация: В статье анализируются основные вехи эволюции движения «Талибан». Рассматривая трансформацию военно-политической активности группировки, автор выделяет пять основных исторических этапов: зарождение движения «Талибан», первое правление, период затишья, период возрождения и повторное правление. По представленным в статье оценкам, основные цели и задачи талибов за 20 лет почти не изменились, однако трансформацию претерпел состав движения, что отразилось на динамике запретительной политики.

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан», военно-политические движения

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Нессар О.М. Генезис и эволюция движения «Талибан»* // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2(8). С. 20-31, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-20-31](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-20-31)

¹ *Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Genesis and Evolution of the Taliban^{*2}

Omar M. Nessar[✉]

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia
nessar@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>

Abstract: The article analyzes the main stages of the evolution of the Taliban^{*} movement. Considering the transformation of the military-political activity of the movement, the author identifies five main stages: the birth of the Taliban^{*}, the first reign, a period of calm, a period of revival and re-rule. According to the estimates presented in the article, the main goals and objectives of the Taliban^{*} have not changed much over 20 years, but the composition of the movement has changed, which was reflected in changes in the prohibition policy.

Keywords: Afghanistan, Taliban^{*}, military-political movements.

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Nessar O.M. Genesis and Evolution of the Taliban^{*}. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2(8): 20-31, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-20-31](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-20-31)

Введение

На выработку стратегий военно-политических движений влияет множество факторов, в том числе общественные и политические, поэтому цели и задачи со временем могут меняться. Движение «Талибан»^{*} в течение 29 лет является одним из основных участников военно-политической жизни Афганистана. Группировка за этот период прошла разные этапы, демонстрируя высокий уровень жизнеспособности. Несмотря на то, что талибы для достижения своих целей использовали насилиственные методы, они представляют собой часть афганской реальности. Это одна из причин, по которым сегодня международному сообществу приходится взаимодействовать с ними. Актуализировавшийся после повторного прихода в 2021 г. к власти талибов вопрос об их генезисе и эволюции является предметом отдельного и более глубокого исследования. Тем не менее в данной работе мы остановимся на анализе основных этапов эволюции «Талибана», связанных преимущественно со страновыми факторами.

² *The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Анализ характера и трансформации военно-политической активности «Талибана»* за 29 лет его существования позволяет выделить пять исторических этапов:

1. Зарождение движения «Талибан»* (1994–1996);
2. Первое правление (1996–2001);
3. Период затишья (2001–2003);
4. Период возрождения (2003–2021);
5. Повторное правление (2021–н.в.).

Материалы и методы

В исследовании в качестве источников привлечены к анализу отчеты международных организаций, заявления официальных лиц, материалы зарубежных аналитических центров и периодических изданий.

Научной источниковой базой исследования стали монографии отечественных (В.Я.Белокреницкого [3], Р.Р.Сикоева [7] и др.) и зарубежных (С.М.Акимбекова [1], А.Рашида [6], Т.Коглана [9], Д.Эдвардса [10] и др.) авторов, в том числе афганских (Н.Азими [12], Б.А.Ансари [13], В.Можды [14] и др.).

Автором были использованы общеизвестные научные методы, такие как системный анализ, синтез, метод сравнительного анализа и сопоставление данных.

Результаты исследования

Зарождение движения «Талибан»*

Переход власти в Афганистане (1992) в руки исламистов привел к резкому ослаблению левого политического лагеря. Усилились политические движения исламского толка, фактически получившие контроль над большей частью страны. Однако их совокупное влияние было ослаблено внутренними противоречиями, принявшими характер вооруженной борьбы в первой половине 1990-х гг. В этот период межэтнические разногласия стали играть более весомую роль в формировании политических альянсов и объединений. Анархия и действия местных полевых командиров провоцировали рост недовольства со стороны общества. Межэтнический конфликт двигал страну к фрагментации. Центробежные процессы и доминирование на политической арене страны политиков-непуштунов становились отдельными факторами недовольства населения, особенно пуштунского. Это создало в целом благоприятные условия для появления новой военно-политической силы, нацеленной на прекращение гражданской войны, установление порядка и доминирование пуштунов.

Движение «Талибан»* (название отсылает к студентам, обучающимся в медресе) впервые заявило о себе в октябре 1994 г. в уезде Спинбулдак южной провинции Кандагар [7, с. 17]. Решающую роль в его подъеме сыграло пополнение из числа афганских бе-

женцев, находившихся на территории Пакистана. Они проходили обучение в медресе в афгано-пакистанском приграничье, которое находилось под контролем пакистанских исламистских партий и пользовалось покровительством спецслужб. На определенном этапе на сторону талибов перешла часть офицеров-пуштунов бывшего леводемократического правительства страны [3, с. 15]. Стоит отметить, что у истоков «Талибана»* стояли представители бедных пуштунских слоев, проживавших преимущественно в сельской местности на юге Афганистана, а в его руководстве не было шиитов. Поэтому движение имело четко выраженный социальный, религиозный и этнический характер.

Генезис «Талибана»* разные исследователи рассматривают различным образом. Одни видят корень в этническом факторе, то есть полагают, что талибы возникли как пуштунское националистическое движение, ставящее целью объединить страну и положить конец гражданской войне [11]. Другие считают, что главенствующую роль в движении изначально играли религиозные доктрины³. Считается, что наиболее сильное влияние на формирование мировоззрения талибов оказали религиозная школа деобанди и взгляды пакистанской партии «Джамиат-е улама е Ислам» [3, с. 29]. Вместе с тем некоторые исследователи относят талибов к последователям отдельной школы деобанди (афганской), отколовшейся от индо-пакистанской [13, с. 56]. Есть указания на то, что образ действий талибов можно связать с их «сельской» идентичностью [10]. Ряд авторов считает, что движение «Талибан»* должно было сыграть ключевую роль в борьбе за огромные нефтяные и газовые запасы в Центральной Азии и налаживании транспортировки ресурсов [6]. Между талибами и возникшими в 1970-х гг. афганскими исламистскими партиями также можно найти общие черты, основанные прежде всего на факторе исторической памяти. Тот факт, что основатель и большинство лидеров «Талибана»* воевали в отрядах моджахедов против советских войск и просоветских правительств Афганистана, позволил авторам назвать талибов «детьми» моджахедов, обделенных властью [7].

Одной из сложных и многослойных проблем при изучении происхождения идеологии талибов представляется их связь с джихадистским салафизмом. Начало этого взаимодействия восходит к периоду войн 1970-х гг. Оно осуществлялось на различных уровнях, включая религиозное образование и создание политических движений. В этом не мог не сыграть свою роль и географический фактор: в тот период «Аль-Каида»⁴ была сконцентрирована в основном в пуштунских регионах на юго-востоке Афганистана, в районах, граничащих с Пакистаном, где и происходило формирование «Талибана»*. Это обстоятельство стало причиной идеологического взаимодействия «Талибана»* с «Аль-Каидой»* и подпадания «Талибана»* под влияние этой группировки.

3 Lister S. Understanding State-Building and Local Government in Afghanistan // Crisis States Research Centre, London School of Economics, 2007.

4 * Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

Первое правление

Очередное усиление движения «Талибан»* произошло осенью 1996 г. 12 сентября 1996 г. талибы взяли стратегически важный г. Джелалабад, а 24 сентября того же года – столицу Афганистана г. Кабул. Форму своего государственного устройства, охарактеризованную исследователями как «военно-теократический режим», сами талибы именовали «Исламским эмиратом Афганистана» (ИЭА) [3, с. 57]. На начальном этапе, когда о политических амбициях талибов еще не было четкого представления, их появление было встречено в целом положительно, однако после взятия Кабула оценки изменились. На это повлияло и то, что в качестве одного из первых шагов талибы казнили бывшего президента Мохаммада Наджибуллу, укрывавшегося в офисе ООН.

По мере распространения своей власти талибы устанавливали правила и нормы государственного и общественного устройства в соответствии с характерными для их понимания принципами шариата. Вводились ограничения, затрагивающие разные сферы жизни. В рамках данной работы обозначим основные особенности первого правления талибов.

Женщины были лишены основных прав. Им было запрещено: получать образование, работать, выходить на улицу без сопровождения «махрама» (близкого родственника мужского пола). Женщины должны были носить паранджу. В течение всего периода первого правления (1996–2001) решение талибов о запрете для женщин на образование и работу носило временный характер. Российский афганист Р.Р. Сикоев так описывает положение женщин: «Женщина оказалась лишенной всех прав, полностью изолированной, исключенной из общественной жизни, ее существование оказалось полностью ограниченным рамками семьи и дома» [7, с. 168].

После прихода талибов к власти (1996) положение представителей религиозного меньшинства стало ухудшаться. По утверждению иранских авторов, шииты не занимали ни высоких правительственные постов, ни постов среднего уровня в государственных структурах. На их общее положение не могли не оказывать влияние и карательные акции талибов против хазарейцев в провинциях Бамиан и Балх [3, с. 53].

Одним из первых шагов талибов после прихода к власти (1996) было установление контроля над национальной корпорацией телерадиовещания. После этого единственным официальным СМИ в стране было радио «Голос Шариата». Слушать музыку и иметь музыкальные инструменты считалось преступлением.

Талибы выступали в качестве проводника идеи пуштунского политического и религиозного доминирования, что в значительной мере превращало конфликт в противостояние между пуштунами и этническими меньшинствами страны. В связи с этим усиление талибов после 1996 г. привело к консолидации этнических сил на антиталибской платформе. Как итог – появилась возможность сформировать широкий антиталибский блок (Северный альянс) из многочисленных оппозиционных талибам афганских военно-политических группировок [1].

Могло показаться, что сельские и этнические истоки лишают талибов вне-афганских амбиций, однако не все было однозначно. Само провозглашение титу-

ла «амир уль-муминин» (правитель правоверных) лидеру движения мулле Омару, на наш взгляд, открывало просторы для широких стремлений талибов. Кроме того, их союзнические отношения с внеафганскими джихадистскими группировками («Аль-Каида», ИДУ и др.)⁵ рассматривались как возможность экспорта талибской общественно-политической модели в сопредельные страны [8].

Степень взаимодействия между «Талибаном»* и «Аль-Каидой»* дошла до того, что талибы предоставили ее членам военно-политическое убежище, пока сами не стали жертвой активности группировки. С территории Афганистана «Аль-Каида»* организовала операцию 11 сентября, что в конечном итоге привело к началу операции США в Афганистане и крушению правительства «Талибана»*.

Период затишья

После взятия Кабула в 1996 г. талибы не смогли установить немедленный контроль над всей страной. Они расширяли зону влияния постепенно – к октябрю 2001 г. им удалось захватить почти 95% территории Афганистана. Однако начало операции США против талибов привело к изменению политической ситуации. После теракта 11 сентября, получив широкую международную поддержку, США в сотрудничестве с Северным альянсом быстро отстранили «Талибан»* от власти. С декабря 2001 г. по август 2002 г. движение «Талибан»* фактически распалось: не наблюдалась признаки существования действующего руководства и структуры. С точки зрения проблем безопасности период 2001–2003 гг. можно охарактеризовать как самый благополучный за всю историю афганского конфликта. Многим эти годы запомнились как время, когда можно было свободно перемещаться по стране, посещая любые районы. Военно-политическая активность вооруженной оппозиции в этот период находилась на самом низком уровне, поэтому он запомнился как «золотой этап постталибского периода»⁶.

Период возрождения

Начиная с лета 2003 г. участились случаи нападений талибских групп численностью в 100–200 человек. Им удавалось выводить из-под контроля правительственные силы значительные территории в сельской местности, в особенности в восточной и южной частях страны. В возрождении «Талибана»* сыграли роль внутренние и внешние факторы, наиболее значимыми из которых были следующие: 1) доминирование военно-политических противников талибов во власти, что сводило к минимуму возможность сделки с ними; 2) игнорирование талибов, а в их лице – части общества в бонинском процессе, направленном на формирование государственных

5 Организации запрещены в Российской Федерации. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

6 Кава А. Роль Карзая и Гани в поражении демократии в Афганистане // Хашти-Собх, 27.11.2021. URL: <http://8am.af/the-role-of-karzai-and-ghani-in-the-defeat/> (перс. яз.).

институтов; 3) недооценка способности талибов к сопротивлению; 4) переключение внимания США на иракскую кампанию [5].

Идеологическим центром движения «Талибан»^{*} по-прежнему считался мулла Мохаммад Омар и его ближайшее окружение. Он пользовался огромным авторитетом в движении, однако его действительное участие в командовании вооруженной оппозицией вызывало серьезные сомнения [9, р. 138-139]. Судя по всему, реально в управлении движением огромную роль играли т.н. «шуры» (советы или коллективные органы), расположенные на территории Пакистана и созданные после 2003 г.: Кветская шура (высший совет), Миракабская шура, Пешаварская шура, Мирамшахская шура. Функции шуры отличались наличием влияния над отдельными отрядами талибов. Например, Пешаварская шура координировала деятельность Сети Хаккани, а Миракабская – осуществляла координацию между советами и неталибскими группировками. Следует подчеркнуть, что название органов и групп талибов в честь определенных населенных пунктов – почти условность.

На наш взгляд, одним из ключевых изменений в деятельности талибов после 2003 г. является «арабизация» афганского конфликта – массовое применение в Афганистане боевиков-смертников, чего ранее в таких масштабах не наблюдалось. После начала операции США в Афганистане «Талибан»^{*} идеологически стал еще ближе к джихадистским течениям, и война талибов приобрела более салафитскую окраску. Применение тактики «Аль-Каиды»^{*} способствовало усилению позиций талибов в войне с американцами, однако в то же время это превратилось в слабое место «Талибана»^{*}. Слабость заключалась в том, что в результате теоретической путаницы и смешения с «Аль-Каидой»^{*} некоторые члены «Талибана»^{*} приобрели более явные тауфиристские взгляды, что впоследствии привело к расколу внутри движения и оттоку этих членов к ИГИЛ-Х^{*}. После прихода к власти в 2021 г. талибы оправдывали свои действия тем, что жизнь в условиях оккупации не оставляла им иного выхода, несмотря на то, что убийство людей при атаке на врага не находилось в повестке дня. Исследователи считают, что это противоречит учению деобандизма [13].

Серьезным вызовом для талибов стало появление в Афганистане в 2015 г. Хорасанского отделения ИГ (ИГИЛ-Х⁷)^{*}. На определенном этапе к нему стали присоединяться не только находящиеся на территории страны иностранные радикалы, но и отдельные фракции талибов. Командование движения «Талибан»^{*} в новой группировке видело угрозу, прежде всего из-за идеологической «близости», которая позволяла Хорасанскому отделению легко переманивать к себе людские ресурсы талибов. В дальнейшем конфликт между сторонами принял вооруженный характер. Так, только за 2017-2018 гг. было зафиксировано 207 столкновений между талибами и ИГИЛ-Х^{*}, которые охватили 14 из 34 афганских провинций⁸. Несмотря на то, что конфликт меж-

7 Целью ИГИЛ-Х^{*} было названо создание исламского халифата в Центральной и Южной Азии.

8 Islamic State Khorasan (IS-K)^{*} // CSIS, 09.11.2018. URL: <https://www.csis.org/programs/transnational-threats-project/past-projects/terrorism-backgrounder/islamic-state-khorasan>.

ду сторонами продолжился, талибам удалось предотвратить большой отток своих сторонников в ИГИЛ-Х⁹.

В период вооруженной борьбы талибов ограничения, затрагивающие разные сферы жизни населения, действовали в большинстве подконтрольных им районов. Однако следует отметить, что запрет на учебу девочек носил двойственный характер. В ряде мест талибы не разрешали им посещение школ – особенно это касалось девочек в возрасте до 12 лет.

Еще одной особенностью этого периода стало ослабление пуштуноцентричной политики «Талибана»^{*}, что позволило ему включить в вооруженную борьбу представителей других этносов, в том числе таджиков и узбеков с севера. Эта тактика повысила эффективность движения в годы вооруженной борьбы и, пожалуй, стала одним из главных факторов успеха. Благодаря межэтнической консолидации талибы резко расширили подконтрольную им зону, активизируя свою деятельность на севере страны.

Переломным моментом в деятельности талибов является начало мирного процесса (мирные переговоры с талибами), который впоследствии привел к появлению нового центра влияния внутри движения и, соответственно, к изменению расстановки сил в нем. По сути, мирный процесс был вызван переменой в американской политике по Афганистану – подготовкой к завершению афганской миссии. В рамках мирного процесса в 2013 г. при содействии США в Катаре начало функционировать представительство талибов. 29 февраля 2020 г. было подписано мирное соглашение между США и движением «Талибан»¹⁰. Одним из основных условий соглашения были межафганские переговоры (переговоры между правительством Афганистана и легальными политическими движениями, с одной стороны, а с талибами – с другой), которые должны были завершиться формированием коалиционного правительства. Однако дело до реальных переговоров не дошло – они неоднократно срывались из-за действий президента А.Гани и существования огромной пропасти между политическими взглядами талибов и взглядами других афганских политических сил. В итоге вывод последних групп военных США, оказавшийся неожиданным для Кабула, спровоцировал падение правительства и приход к власти талибов [4].

Повторное правление

Предшествовавшие повторному приходу талибов к власти в 2021 г. обстоятельства описаны во многих публикациях [4]. Отличительной чертой этих изменений стало то, что с распадом правительства А.Гани 15 августа 2021 г. талибам удалось быстро распространить контроль над всей страной. Впервые за более чем 40 лет Афганистан полностью перешел под контроль одной военно-политической силы.

9 Остановился ли отток командиров талибов к ИГИЛ? // Иранский центр стратегических исследований «Шарк», 18.11.2019. URL: <https://www.iesr.ir/fa/event/1087/> (перс. яз.).

10 Официальное название документа звучит так: «Соглашение о мире в Афганистане между Исламским Эмиратом Афганистан, которое США не признается в качестве государства и известно как движение «Талибан», и США».

При установлении правил и норм государственного и общественного устройства талибы во многом повторяют то, что делали в ходе предыдущего правления (1990-х гг.). Наиболее резонансным стало решение лишить женскую часть населения возможности получать среднее образование и иметь полноценный доступ к работе.

В других сферах талибы тоже фактически придерживаются «старой линии». Однако следует отметить смягчение в ряде запретительных мер по сравнению с 1990-ми гг.: некоторые инициативы стали носить «плавный» характер. Например, запрет на прослушивание музыки официально был принят только в июне 2023 г., хотя на практике действовал и ранее. Также можно обратить внимание на отказ от категоричности по отношению к шиитам¹¹, несмотря на то, что группа анализа и мониторинга при Совете Безопасности ООН обвинила талибов в проведении «пуштуноцентричной» политики, нарушении прав религиозных меньшинств и сохранении связи с террористическими группировками¹².

Нет никаких достоверных данных о разрыве отношений между талибами и экстремистскими группировками. В августе 2022 г. США сообщили о ликвидации с помощью БПЛА лидера «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири в центре Кабула, что стало свидетельством продолжения сотрудничества между талибами и внеафганскими группировками. В июне 2023 г. авторитетное издание «Long War Journal» сообщило о назначении ряда активистов «Аль-Каиды»* в силовых структурах талибов¹³.

Несмотря на это, прийдя к власти, талибы объявили «войну» последователям салафизма, официально запретив деятельность течений, имеющих салафитскую направленность, таких как «Хизб ут-Тахрир»¹⁴, «Джамиат-е Эслах» и организация «Наджм»¹⁵.

Выводы

Таким образом, возникшее в 1994 г. движение «Талибан»* формально принадлежало к исламистским группировкам, но имело другую кадровую и социальную базу. Во многом оно выражало общественный протест пуштунского населения против предыдущей политической генерации исламистов, не оправдавших ожиданий. Это эт-

11 Например, должность замминистра экономики занимает хазареец-шиит Абдул Латиф Назари. Стоит отметить тот факт, что лидеры талибов периодически проводят встречи с представителями хазарейской общины.

12 Fourteenth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. URL: https://www.hronikatm.com/wp-content/uploads/2023/06/2023_06_01_afghanistan_taliban_un_report.pdf.

13 Al Qaeda leaders are prominently serving in Taliban' government // LWJ, 10.06.2023. URL: <https://www.longwarjournal.org/archives/2023/06/al-qaeda-leaders-are-prominently-serving-in-taliban-government.php>.

14 * Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

15 Талибы запретили деятельность Хизб ут-Тахрир в Афганистане // Independent Persian, 25.11.2022. URL: <https://www.independentpersian.com/node/286131/> (перс. яз.).

норелигиозное военно-политическое движение, на мировоззрение которого оказала влияние школа деобандизма, несмотря на то, что его действия не всегда соответствовали учениям данной школы.

«Талибан»* не относят к салафитским течениям, однако в ходе борьбы с американцами он применял отдельные элементы тактики салафитских джихадистских движений, считая их эффективными. Взаимоотношения талибов с салафитскими течениями приводят к выводу, что «Талибан»*, с одной стороны, невольно находится под влиянием их идеологии, а с другой – сознательно сужает жизненное пространство местных салафитов. В результате такого подхода талибы до сих пор не имеют четкого определения для салафизма. Отсутствие сформированного и четко сформированного мировоззрения мешает «Талибану»* определиться с образом врага.

Что касается установления жесткого порядка, то оно наблюдается на всех вышеперечисленных исторических этапах. Следует отметить, что талибы ни в 1990-х гг., ни сейчас не могут с религиозной точки зрения обосновать запрет на образование для женщин. Именно поэтому они это решение называют «временным», ссылаясь на необходимость приведения учебных заведений в соответствие с нормами шариата. При этом обращает на себя внимание то, что в 1990-х гг. школы не были приведены в нужный режим.

Если в последние годы вооруженной борьбы наблюдалось некоторое ослабление пуштуноцентричной политики талибов, что позволяло им усилить свою позицию на севере, то после прихода к власти начался обратный процесс¹⁶.

Анализ основных направлений политики талибов после их повторного прихода к власти приводит к выводу, что основные цели и задачи талибов за 20 лет не изменились – они и сейчас стремятся установить те же порядки, к которым двигались в прошлом. Однако за 20 лет изменился состав движения. Вероятно, этим можно объяснить некоторое смягчение и замедление в запретительной политике. Сейчас лагерь «умеренных» талибов выглядит более многочисленным, чем в 1990-е гг.

Список источников

1. Акимбеков С. М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии [The Afghan knot and security problems in Central Asia]. Алматы, 2003.
2. Акимбеков С.М. История Афганистана [History of Afghanistan]. Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015.

16 Например, талибы провели карательные операции против ряда влиятельных командиров из числа представителей узбеков, таджиков и хазарейцев, недовольных политикой руководства движения.

* Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

* The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

3. Белокренитский В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан* и перспективы Афганистана и Пакистана [The Taliban* Movement and the Perspectives of Afghanistan and Pakistan]. Москва: Институт востоковедения РАН, 2014.
6. Рашид А. Талибан*. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии [Islam, oil and the new Great Game in Central Asia. Trans. from English] / пер. с англ. М.Повалеяева. М.: Библион. Русская книга, 2003.
7. Сикоев Р. Р. Талибы: религиозно-политический портрет [Taliban: religious and political portrait]. Москва: Институт Востоковедения РАН, 2004.
8. Жаккар Р. Секретные архивы Аль-Каиды*. Разоблачающие материалы о последователях бен Ладена [Secret archives of al-Qaeda*. Exposing materials about the followers of bin Laden]. Перевод с французского Н. Качахидзе. Москва: Столица-Принт, 2007.
9. Coghlan T. The Taliban* in Helmand: An Oral History. Decoding the new Taliban*: insights from the Afghan field. Ed. by A. Giustozzi. New York – Chichester: C. Hurst&Co Ltd, 2009.
10. Edwards D. B. Before Taliban*. Genealogies of the Afghan Jihad. Berkeley-Los Angeles-London, 2002.
11. Elliot A. Political Party Development in Afghanistan: Challenges and Opportunities 'Policy Options for State-Building in Afghanistan'. SAIS Spring, 2009.
12. Азими Н. Армия и политика в Афганистане в течение последних трех десятилетия. Пешавар, 1997 [Azimi N. Armiya i politika v Afganistane v techenie poslednih trekh desyatiletija. Peshavar, 1997. /Army and politics in Afghanistan over the past three decades] [Перс. яз.]
- 13.Ansari B.A. Религия талибов. Тегеран, 2012 [Ansari B.A. Religiya talibov. Tegeran, 2012/Religion of the Taliban*] [Перс. яз.]
14. Можда В. Пять лет правления Талибана*. Тегеран, 2004 [Mozhda V. Pyat' let pravleniya Talibana*. Tegeran, 2004/Five years of the Taliban* rule]. [Перс. яз.]

Информация об авторе

НЕССАР Омар Мухаммад. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>. Адрес: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12; nessar@ya.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 марта 2023. Одобрена после рецензирования: 1 мая 2023. Принята к публикации: 15 мая 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akimbekov S. M. The Afghan knot and security problems in Central Asia. Almaty, 2003 [In Russian].
2. Akimbekov S. M. History of Afghanistan. Almaty: IMEP under the First President's Fund, 2015 [In Russian].
3. Belokrenitsky V. Ya., Sikoev R. R. The Taliban* Movement and the Perspectives of Afghanistan and Pakistan. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2014 [In Russian].

4. Konarovskiy M. A., Nessar M. O. Taliban* Afghanistan: what's next? International Life. 2022. No. 1 (January):38-62 [In Russian].
5. Nessar M. O. Political Development of Afghanistan: Estimates and Forecasts (2001-2014). Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2016 [In Russian].
6. Rashid A. Taliban*. Islam, oil and the new Great Game in Central Asia. Trans. from English. Moscow: Povalyaeva. Moscow: Biblion. Russian book, 2003 [In Russian].
7. Sikoev R. R. Taliban*: religious and political portrait. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2004 [In Russian].
8. Jacquard P. Secret archives of al-Qaeda*. Exposing materials about the followers of bin Laden. Trans. from French by N. Kachakhidze. Moscow: Stolitsa-Print, 2007 [In English].
9. Coghlan T. The Taliban* in Helmand: An Oral History. Decoding the new Taliban*: insights from the Afghan field. Ed. by A. Giustozzi. New York-Chichester: C. Hurst&Co Ltd, 2009 [In English].
10. Edwards D. B. Before the Taliban*. Genealogies of the Afghan Jihad. Berkeley-Los Angeles-London, 2002 [In English].
11. Elliot A. Political Party Development in Afghanistan: Challenges and Opportunities 'Policy Options for State-Building in Afghanistan'. SAIS Spring, 2009 [In English].
12. Azimi N. Army and politics in Afghanistan over the past three decades. Peshawar, 1997 [In Persian]
13. Ansari B. A. Religion of the Taliban*. Tehran, 2012 [In Persian]
14. Mozhda V. Five years of the Taliban* rule. Tehran, 2004 [In Persian]

About the author

Omar M. NESSAR. CandSc (Hist.). Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>. Address: 12, st. Rozhdestvenka, Moscow, 107031; nessar@ya.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 2, 2023. Approved after peer review: May 1, 2023. Accepted for publication: May 15, 2023. Published: June 25, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Источники финансирования движения «Талибан»^{*1} (2001–2021)

Ольга Евгеньевна Митрофаненкова[✉]
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
mitrofanenkova.olga@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0076-2956>

Аннотация. В статье исследуются источники финансирования талибов на протяжении двадцати лет. Автор выделяет внутренние и внешние источники доходов движения «Талибан». Отмечена роль незаконного производства наркотиков в финансировании деятельности талибов в борьбе за власть.

Ключевые слова: Афганистан, движение «Талибан», наркобизнес, источники финансирования

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Митрофаненкова О.Е. Источники финансирования движения «Талибан»* (2001–2021) // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2(8). С. 32–42, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-32-42](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-32-42)

¹ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Funding Sources for the Taliban^{*2} (2001–2021)

Olga E. Mitrofanenkova[✉]

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0076-2956>, mitrofanenkova.olga@bk.ru

Abstract. The article examines the sources of financing of the Taliban* for twenty years. The author identifies internal and external sources of income of the Taliban* Movement. The role of illegal drug production in financing the activities of the Taliban in the struggle for power is emphasized.

Keywords: Afghanistan, Taliban* Movement, drug business, sources of financing

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Mitrofanenkova O.E. Funding Sources for the Taliban* (2001–2021). Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2(8): 32–42, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-32-42](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-32-42)

Введение

Несмотря на то, что в 2001 г. в результате антитеррористической операции «Несокрушимая свобода» движение «Талибан»^{*} практически полностью было разбито, в августе 2021 г. им снова удалось прийти к власти в Афганистане. Безусловно, немалую роль в их повторном возвращении сыграли источники финансирования, которые помогли им не только восстановиться, но и снова получить влияние и контроль над страной.

Источники финансирования талибов в период с 2001 по 2021 г. были рассмотрены в работах как зарубежных (преимущественно западных), так и отечественных исследователей. Среди зарубежных работ особенно выделяется работа Д.Мэнсфилда «Государство, построенное на песке. Как опиум разрушает Афганистан» [8]. Несмотря на то, что центральное место в работе уделено незаконному производству наркотиков и борьбе с ним в Афганистане, автор также рассматривает роль наркобизнеса в финансировании движения «Талибан»^{*}. Помимо того, в зарубежных исследовательских центрах также публиковались исследования, связанные с источниками финансирования

² The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

талибов. Здесь стоит выделить аналитические материалы В.Фельбаб-Браун³ из Института Брукингса.

В работе отечественного исследователя Е.А.Степановой «Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма» [2] также были рассмотрены источники финансирования движения «Талибан». Кроме роли наркобизнеса в финансировании талибов, автор также отмечает и внешние источники (преимущественно финансовую помощь от Пакистана и некоторых арабских государств). Стоит отметить, что в работе Е.А.Степановой преимущественно был рассмотрен период 1990-х и начало 2000-х гг. Среди отечественных исследователей стоит выделить также статью У.В.Окимбекова «Афганистан: социально-экономическая жизнь под параллельной властью талибов» [1]. Автор рассматривает период с 2001 по 2019 гг. Помимо источников доходов талибов и особенностей финансирования Кветта Шуры, автор также отмечает особенности афганской экономики.

Основной целью данной статьи является проследить, как менялись источники финансирования талибов в период с 2001 по 2021 гг., а также отследить, какие источники дохода играли наиболее значительную роль.

Материалы и методы

Основными первоисточниками исследования выступили материалы международных организаций и западных научно-аналитических центров. Прежде всего, это материалы Управления ООН по наркотикам и преступности⁴, которые уже около 30 лет в своих ежегодных отчетах по наркоситуации в мире дают данные касательно афганской наркоиндустрии, включая и доходы от нее. Стоит также выделить и отчеты FATF⁵, которая приводит данные о потенциальных доходах талибов от их незаконной деятельности.

В данном исследовании был применен метод исторический периодизации. Отрезок в 20 лет, с 2001 по 2021 гг., был разделен на два временных периода: 1) 2001-2014 гг., которые связаны с действиями талибов по восстановлению своей боевой силы и влияния в Афганистане; 2) 2015-2021 гг., связанные с усилением влияния талибов в Афганистане, они уже становятся значимой силой и в ряде провинций (преимущественно на юге страны), имеют власть и влияние параллельно с официальным правительством. При этом некоторые источники нелегального дохода практически полностью контролируются ими (пример: наркобизнес). Другим методом, использованным в исследовании, стал историко-сравнительный метод, так как были сравнены источники доходов Движения «Талибан»* (ДТ) на протяжении двух периодов: с 2001 по

³ Brookings Institute [Electronic source]. URL: <https://www.brookings.edu/experts/vanda-felbab-brown/>.

⁴ UNODC [Electronic source]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2022.html>.

⁵ (ФАТФ [Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег - Financial Action Task Force, FATF]). Electronic source]. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/home.html>.

2014 гг. и с 2015 по 2021 гг. Помимо того, также был использован историко-системный метод, с помощью которого была показана взаимосвязь источников финансирования ДТ* и их повторный приход к власти.

Результаты исследования

Роль наркобизнеса в финансировании ДТ* (2001-2014 гг.)

Как было ранее отмечено, в результате ввода иностранных войск во главе с США в 2001 году ДТ* и другие антиправительственные группы сильно пострадали и были вынуждены бежать в соседний с Афганистаном Пакистан. В этот период талибы крайне остро нуждались в финансовых ресурсах, так как помимо обеспечения своей антиправительственной деятельности им было также необходимо противостоять иностранному военному контингенту.

Основными задачами их в 2000-е гг. было нарастить силы, а также вернуть свои былые позиции в Афганистане.

Постепенно, после событий 2001 г. остатки талибов начали перегруппировываться и восстанавливаться. Сообщалось, что мулла Омар связался со своими заместителями и поручил им организовать своих бойцов, забрать новобранцев из пакистанских медресе, найти тайники с оружием и собрать средства. Торговцы наркотиками стали одними из первых, кто предоставил средства для помощи талибам [9, с. 17].

По некоторым оценкам, доход от наркотиков мог составлять от 20 до 40 % от всего дохода талибов в этот период⁶. Данный источник финансирования всегда играл значительную роль в их финансовом обеспечении. Наркобизнес стал значимым источником, который способствовал началу восстановления ДТ*. При этом его можно отнести к внутренним источникам финансирования.

Несмотря на то, что в 2003 году талибы еще полностью не восстановили свои силы (а также и влияние в Афганистане) и были плохо организованы, им удалось установить контроль над производством наркотиков в ряде областей на юге страны. В этот период за счет финансовых поступлений от наркоторговли «Кветте шуре» (главный военно-политический орган исламистского движения «Талибан»*, действовавший на территории Пакистана) удавалось сохранять контроль над слабо организованными талибами [9, с. 17].

Другим внутренним ресурсом финансов, кроме наркобизнеса, стали налоговые поступления от крестьян. В 2000-е годы талибы тайно собирали налоги на опий с крестьян на подконтрольных им территориях. К подобному сбору налогов они начали

⁶ Felbab-Brown V. High and low politics in Afghanistan: The terrorism-drugs nexus and what can be done about it// Brookings Institute [Electronic source]. URL: <https://www.brookings.edu/articles/high-and-low-politics-in-afghanistan-the-terrorism-drugs-nexus-and-what-can-be-done-about-it/>.

прибегать еще в 1990-е годы. В тех областях, где не было явной доминирующей силы, периодически происходили столкновения между командирами талибов, преступными группировками и чиновниками, которые также получали нелегальные доходы от наркобизнеса. В этот период шла активная конкуренция между различными силами за контроль над наркобизнесом. Отсутствовал единый центр, который бы полностью держал в своих руках производство наркотиков в стране. В свою очередь, сложившаяся ситуация способствовала как дестабилизации ситуации в отдельных областях Афганистана, так и подрыву влияния центральной власти.

Для того чтобы получать стабильный доход от наркотиков, талибы выступили в качестве защитников крестьян, выращивающих опийный мак.

Традиционный сбор дохода от наркотиков в 2000-е гг. выглядел следующим образом (как было отмечено ранее, схема сбора налогов с крестьян осталась неизменной с 1990-х гг.):

1. Командиры Талибана* собирали с крестьян, выращивающих мак, налог ушр, который равен 10% стоимости урожая.
2. Для увеличения своего дохода бойцы талибов весьма часто работали на маковых полях во время сбора урожая (из всего процесса наркопроизводства именно сбор опия-сырца является самым высокооплачиваемым, а также и наиболее трудоемким).
3. Мелкие торговцы, покупавшие опий-сырец у крестьян, также платили талибам налог. Помимо этого, водители, которые занимались перевозкой наркотиков, платили талибам транзитный тариф за каждый килограмм опия-сырца или готового наркотика, вывезенного контрабандой из Афганистана.
4. Талибы также получали плату за охрану нарколабораторий, где из опия-сырца производили героин.
5. Самым значительным источником дохода для талибов от наркотиков стали регулярные платежи крупных организаций, занимающихся незаконным оборотом наркотиков. Данные платежи поступали напрямую в «Кветта шуру» («Совет Кветты»), куда входили лидеры талибов, проживавшие в городе или близ города Кветты, столицы провинции Белуджистан в Пакистане [6, с. 42-43].

Из вышесказанного очевидно, что наркобизнес был для талибов важным источником их финансирования. При этом значимой его особенностью стала возможность получать доход в весьма короткие сроки, что позволило им вначале 2000-х гг. снова заявить о своих притязаниях на влияние в Афганистане.

Стоит отметить, что соседние с Афганистаном страны также играли значительную роль в росте их доходов от наркобизнеса. Прежде всего, через их территорию пролегли основные маршруты афганского наркотрафика. В то же время через эти же страны совершались нелегальные денежные переводы через систему «хавала» (ненормальная система перевода денежных средств и ценностей на основе взаимозачета требований и обязательств между брокерами).

Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) стали основными центрами транзакций для «финансовых потоков, связанных с производством и незаконным оборотом афганских опиатов». В этих же странах происходил и процесс отмывания денег. В последующем отсюда деньги переводились обратно наркоторговцам в Афганистан [3, с. 31].

Диверсификация источников финансирования ДТ* в 2001–2014 гг.

В 2000-е гг. стала отчетливо прослеживаться диверсификация источников финансирования талибов. Было очевидно, что в обеспечении финансами своей деятельности они старались опираться не на один источник дохода, а иметь возможность получать деньги из разных источников. Ими были созданы условия, в которых, лишившись одного вида дохода, можно было заменить его другим. Ситуация, в которой талибы могли оказаться полностью без средств, таким образом, сводилась к минимальной вероятности.

Постепенно угроза талибов в Афганистане снова начала набирать актуальность.

В начале 2000-х гг. «Талибан»* по характеру своих действий напоминал больше мафию (вымогательство у бизнеса и т.д.). В этот период талибы были не настолько четко организованы, как в 1990-е гг.. Можно сказать, что они больше представляли собрание отдельных «бандитских» групп, относительно объединенных в единое целое, каждая из этих групп действовала с разной степенью автономии в Афганистане, имея тыл в Пакистане [5, с. 9].

Кроме сбора налогов на опий с крестьян и наркобизнеса, талибы также собирали 10% «налог» (ушр) с местных владельцев малого бизнеса. Весьма часто они также прибегали к откровенному вымогательству [5, с. 9].

Целый ряд незаконных видов деятельности выступал в качестве источника финансирования для ДТ*. Согласно источникам (например, FATF, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), каждый из видов дохода в бюджете талибов служил для обеспечения конкретных задач. Так, доходы, полученные от налогообложения местной экономики, служили для проведения локальных операций и лишь в некоторых случаях направлялись наверх, к высшему руководству движения. Часть доходов, полученных от наркобизнеса, а также отчисления от строительных и автотранспортных компаний, от операторов мобильной связи, горнодобывающих компаний и от проектов помощи и развития, поступала в финансовую комиссию «Талибана»* (движение «Талибан»* уже имело к тому времени четкую структуру, в состав которой в 2010-е годы входили различные «министерства»). Комиссия была подконтрольна высшему руководству движения. Различные виды пожертвований, в основном из арабских стран, поступали непосредственно высшему руководству талибов. Согласно данным ООН, в период с 2011 по 2012 г. бюджет талибов составлял 400 млн долл., одна треть из него была получена за счет

торговли наркотиками [6, с. 42]. Безусловно, значительную долю в бюджете ДТ* составляли внутренние источники финансирования. Кроме наркобизнеса к ним относились различные нелегальные налоги с крестьян и бизнеса, транспортные пошлины, рэкет и всевозможные виды вымогательства. К внешним источникам относились, безусловно, пожертвования из арабских фондов (преимущественно из Саудовской Аравии), которые поддерживали террористическую деятельность.

Доходы талибов от наркобизнеса в 2015–2021 гг.

В период с 2015 г. большая часть доходов от наркоторговли стала поступать непосредственно талибам. Кроме того, переработка опия-сырца в готовый продукт также находилась практически под полным их контролем. Доходы ДТ* от наркотиков, как и прежде, складывались по цепочке налогов, которые они собирали с урожая на опий у крестьян, с лабораторий, где производили героин, и с налогов, которые платили торговцы за вывоз наркотиков из страны⁷. Можно сказать, что в этот период они стали ключевой силой, которая контролировала наркоторговлю в Афганистане.

Талибы также продолжали использовать разветвленную и многоканальную сеть получения дохода от наркобизнеса. Так, с водителей взималась транспортная пошлина за использование автомагистралей в регионах, контролируемых талибами. Они также продолжали собирать ушр и закят. Эти налоговые поступления, которые можно рассматривать как вымогательство, приносили до 160 млн долл. в год⁸. Поскольку некоторые из тех, кто облагался налогом, также мог иметь причастность к наркобизнесу, между налоговыми поступлениями и доходами от наркотиков в ряде случаев было некоторое финансовое совпадение.

Если рассматривать доходы антиправительственных групп, местных полевых командиров и талибов от налогообложения урожая наркотиков, то все вместе они могли получить от 50 млн долл. до 90 млн долл. дохода. В 2018 г. «Талибан» мог получить от налогов на урожай опийного мака около 10 млн долл. Если рассматривать всю деятельность талибов, связанную с наркотиками, то доходы талибов могли достигать 400 млн долл. в год [4, с. 6].

Важно отметить, что оценки УНП ООН касательно доходов талибов включали преимущественно доход от опия-сырца и налогов. Отчеты других международных организаций (например, RAND corporation) рассматривали уже доход в совокупности от всей наркоиндустрии. При этом отмечалось, что наркоторговля была не единственным источником дохода талибов⁹. Наибольший доход приносили поставки в конечные рынки сбыта переработанного в героин опия-сырца, а также процесс последующего отмывания денег.

⁷ The Taliban* are megarich – here's where they get the money to wage war // ThePrint [Electronic source]. URL: <https://theprint.in/opinion/the-taliban-are-megarich-heres-where-they-get-the-money-to-wage-war/564305/>.

⁸ Ibid.

⁹ Azami D. Afghanistan: how do the Taliban* make money? // BBC news [Electronic source]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-46554097>.

Производство и контрабанда наркотиков вплоть до августа 2021 г. оставались весьма прибыльным источником дохода для талибов. Связь между вооруженной группировкой и наркомафией расширила возможности последней, позволив ей снова прийти к власти в Афганистане¹⁰.

По мере захвата власти талибами в Афганистане в последние годы рос и уровень их доходов от наркоторговли, а также и от сбора транспортных пошлин. Кроме этого, они активно взимали налоги практически во всех сферах в тех областях, которые находились под их контролем [7].

Роль других источников дохода в финансировании ДТ* с 2015 по 2021 г.

В период после 2015 г. талибы также продолжали использовать и другие источники финансирования, кроме наркобизнеса. Эти источники дохода с наркобизнесом роднила зачастую их нелегальная природа происхождения. К примеру, они весьма часто занимались откровенным вымогательством денег у легального бизнеса, действуя как организованная преступная группировка. Как было отмечено ранее, данный вид деятельности для них не был новым.

Многие компании горнодобывающей промышленности – как мелкие предприятия, так и крупные компании – были вынуждены платить талибам, чтобы иметь возможность продолжать свой бизнес. Часто талибы использовали угрозы смертью против тех, кто отказывался им платить¹¹. А так как у местного населения сохранялся страх перед ДТ*, зная об их способности на крайне жестокие действия, это вынуждало многих все-таки платить им. Основными инструментами талибов по получению денег от населения оставалось насилие и внушаемый ими страх.

Помимо этого, они продолжали получать тайные финансовые пожертвования от частных доноров по всему миру. Многие из этих пожертвований поступали от благотворительных организаций и частных фондов, расположенных в странах Персидского залива – из региона, с которым у ДТ* всегда были тесные связи и который поддерживал их в прошлом. Эти пожертвования могли составлять от 150 до 200 млн долл. в год. Согласно данным правительства США, эти благотворительные организации входят в список групп, финансирующих терроризм¹².

Среди них особое место занимают фонды из Саудовской Аравии, и других. На их долю приходился наибольший объем пожертвований талибам.

¹⁰ Afghan neighbors need to intervene if they want stability // AlJazeera [Electronic source]. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2021/7/26/afghanistans-neighbours-need-to-step-in-if-they-want-stability>.

¹¹ The Taliban* are megarich – here's where they get the money to wage war // ThePrint [Electronic source]. URL: <https://theprint.in/opinion/the-taliban-are-megarich-heres-where-they-get-the-money-to-wage-war/564305/>.

¹² The Taliban* are megarich – here's where they get the money to wage war // ThePrint [Electronic source]. URL: <https://theprint.in/opinion/the-taliban-are-megarich-heres-where-they-get-the-money-to-wage-war/564305/>.

Среди фондов из Саудовской Аравии стоит отметить следующие: Al-Haramain foundation*, Al-Furqan.

Al-Haramain Islamic foundation* имеет свои отделения также в Индонезии, Сомали. Якобы был ликвидирован, но встречаются упоминания о его активности в первой половине 2022 г.¹³.

Al-Furqan¹⁴ связана с Al-Haramain Islamic foundation¹⁵, базировалась в Боснии. В 2015 г. находилась уже на территории Пакистана и в Афганистане. По данным ООН на начало 2022 г., базируется в Нигерии на озере Чад. Обе организации за последние годы были замечены в финансировании ДТ¹⁶.

Деньги талибам также поступали из Пакистана. Кроме того, они получали деньги от браконьерства дрофы¹⁷ для саудовских и эмирских шейхов¹⁸. Источники финансирования талибов были весьма разнообразны, что давало их антиправительственной деятельности стабильное финансирование. В результате они не находились в зависимости от одного или двух источников дохода.

Выше уже было отмечено, что талибы получают деньги от криминальных источников дохода. В среднем, с учетом всех источников финансирования, их доход колеблется в последние годы в пределах от 300 млн долл. до 1,6 млрд долл. В источниках также отмечается, что в 2020 г. талибы могли заработать порядка 460 млн долл. на наркобизнесе¹⁹, что включало не только собираемые налоги, но и последующие процессы производства, незаконного сбыта наркотиков и отмывания денег, полученных таким путем. При этом им удалось установить контроль над основными провинциями, где сосредоточено крупное наркопроизводство в Афганистане (например, над провинцией Гильменд, которая считается оплотом талибов)²⁰. В 2019–2020 гг. бюджет талибов составил порядка 1,6 млрд долл.²¹, включая доходы не только от наркоиндустрии, но и от источников, указанных ранее.

13 Al-Haramain Foundation*. United Nations security council. URL: https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1267/aq_sanctions_list/summaries/entity/al-haramain-foundation-%28pakistan%29.

14 U.S. Blacklists Al-Furqan Islamic Heritage Foundation. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/us-blacklists-al-furqan-islamic-heritage-foundation>.

15 Treasury announces joint action with Saudi Arabia against four branches of Al-Haramain* in the fight against terrorist financing// U.S. Department of Treasure [Electronic source]. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/j1108>.

16 The U.S. and Saudi Arabia take joint action against terrorist financing entity attempting to evade U.S. and UN sanctions and violate Saudi laws // U.S. Department of Treasure [Electronic source]. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/j110019>.

17 Дрофа – крупная, редкая птица, занесена в Красную книгу, ценится в спортивной охоте.

18 Felbab-Brown V. Afghanistan's opium production is through the roof – why Washington shouldn't overreact // Brookings Institute [Electronic source]. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/11/21/afghanistans-opium-production-is-through-the-roof-why-washington-shouldnt-overreact/>.

19 The Taliban in Afghanistan // Council on foreign relations [Electronic source]. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/taliban-afghanistan> (21.09.2021).

20 U.S. – Taliban* peace deal: what to know // Council on foreign relations [Electronic source]. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/us-taliban-peace-deal-agreement-afghanistan-war> (22.03.2021).

21 Ibid.

Выводы

Движение «Талибан»* всегда отличало то, что они хорошо формировали свое финансовое обеспечение, направленное на борьбу за власть. При этом развитие экономики государства и экономическая политика были их слабостью как в 1990-е гг., так и после 15 августа 2021 г.

При этом все источники финансирования ДТ* за двадцать лет можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним источникам дохода прежде всего относятся различные налоговые поступления (которые собирались нелегально), доходы от наркобизнеса, все виды вымогательства. К внешним источникам финансирования относятся различные нелегальные денежные поступления из арабских фондов, а также из Пакистана.

Если оценивать источники финансирования по значимости, то, безусловно, одним из самых значимых ресурсов для ДТ* будет наркобизнес. Именно при первом нахождении ДТ* у власти в 1990-е гг. в Афганистане наркобизнес был окончательно оформлен в полноценную нелегальную индустрию. Помимо того, как уже было отмечено в статье, именно наркобизнес стал одним из первых источников финансирования, который помог талибам начать восстанавливать свои силы и влияние в Афганистане после 2001 г.

Список источников

1. Окимбеков У.В. Социально-экономическая жизнь под параллельной властью талибов [Socio-economic life under the parallel rule of the Taliban] // Восточная аналитика. 2019. Вып. №4. С. 91–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afghanistan-sotsialno-ekonomicheskaya-zhizn-pod-parallelnoy-vlastyu-talibov>.
2. Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма [The role of drug trafficking in the political economy of conflicts and terrorism] Москва: 2005.
3. Afghanistan Narcotrafficking: illicit financial flows. EastWest Institute, 2017.
4. Afghanistan opium survey 2020. UNODC, Vienna, Kabul. 2021.
5. Afghanistan's NARCO war: breaking the link between drug traffickers and insurgents. A report to the committee on foreign relations united states senate. 2009.
6. Financial flows link to the production and trafficking of Afghan opiates. FATF Report, 2014.
7. Letter dated 19 may 2020 from the Chair of the Security Council Committee established pursuant to resolution 1988 (2011) addressed to the President of the Security Council. UN Security Council. 2020.
8. Mansfield D. A state built on sand. How opium undermined Afghanistan. Oxford University Press, NY, 2016.
9. Peters G. How opium profits Taliban. United States Institute of Peace. 2009.

Информация об авторе

МИТРОФАНЕНКОВА Ольга Евгеньевна. Кандидат исторических наук. Научный сотрудник Института востоковедения РАН, <https://orcid.org/0000-0003-0076-2956>, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: info@ivran.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1 мая 2023. Одобрена после рецензирования: 16 мая 2023. Принята к публикации: 22 мая 2023. Опубликована: 25 июня 2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Okimbekov U.V. Socio-economic life under the parallel rule of the Taliban'. Eastern analytics. 2019; 4: 91–103. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/afghanistan-sotsialno-ekonomicheskaya-zhizn-pod-parallelnoy-vlastyu-talibov> [In Russian].
2. Stepanova E. A. The role of drug trafficking in the political economy of conflicts and terrorism. Moscow: 2005 [In Russian].
3. Afghanistan. Narcotrafficking: illicit financial flows. EastWest Institute, 2017 [In English].
4. Afghanistan opium survey 2020. UNODC, Vienna, Kabul. 2021 [In English].
5. Afghanistan's NARCO war: breaking the link between drug traffickers and insurgents. A report to the committee on foreign relations united states senate. 2009 [In English].
6. Financial flows link to the production and trafficking of Afghan opiates. FATF Report, 2014 [In English].
7. Letter dated 19 may 2020 from the Chair of the Security Council Committee established pursuant to resolution 1988 (2011) addressed to the President of the Security Council. UN Security Council. 2020 [In English].
8. Mansfield D. A state built on sand. How opium undermined Afghanistan. Oxford University Press, NY, 2016 [In English].
9. Peters G. How opium profits Taliban'. United States Institute of Peace. 2009 [In English].

About the author

Olga E. MITROFANENKOVA. CandSc (Hist.). Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-0076-2956>. Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, e-mail: info@ivran.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Submitted: 2023. Approved after peer reviewing: May 16, 2023. Accepted for publication: May 22, 2023. Published: June 25, 2023

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-43-54](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-43-54)

Исторические науки

Экономическое и гуманитарное сотрудничество РФ и ИРА¹
(2001–2021)Юрий Павлович Лалетин[✉]

МГИМО МИД России, Москва, Россия

y.laletin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4878-4599>

Аннотация. Статья посвящена торгово-экономическому и гуманитарному сотрудничеству, а также сотрудничеству в сфере образования России и Исламской Республики Афганистан. В этот период было устранено главное препятствие на пути экономического взаимодействия – урегулирована проблема долга, что открыло возможности госфинансирования экономических проектов. Российские фирмы приняли довольно активное участие в возрождении Афганистана. Создание ряда совместных органов и режим наибольшего благоприятствования привели к тому, что в 2011 и 2014 гг. товарооборот России и Афганистана достиг пика. Развивалось и гуманитарное сотрудничество. Россия оказывала содействие Афганистану в сфере образования.

Ключевые слова: Афганистан, Россия, экономическое сотрудничество, торговые связи, гуманитарная помощь

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Лалетин Ю.П. Экономическое и гуманитарное сотрудничество РФ и ИРА (2001–2021) // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2(8). С. 43–54, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-43-54](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-43-54)

1 ИРА - Исламская Республика Афганистан

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-43-54](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-43-54)

Historical sciences

Economic and Humanitarian Cooperation Between the Russian Federation and the IRA (2001–2021)

Yuri P. Laletin✉

MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
y.laletin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4878-4599>

Abstract. The article is devoted to trade, economic and humanitarian cooperation and cooperation in the field of education between Russia and the Islamic Republic of Afghanistan. The main obstacle to economic interaction was removed: the debt problem was settled, which opened up opportunities for state financing of economic projects. Russian firms have taken an active part in the revival of Afghanistan. The creation of a number of joint organizations and the most favored nation treatment led to the fact that in 2011 and 2014 trade between Russia and Afghanistan reached its peak. Humanitarian cooperation also developed. Russia provided assistance to Afghanistan in the field of education.

Keywords: Afghanistan, Russia, economic cooperation, trade relations, humanitarian aid

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Laletin Yu.P. Economic and Humanitarian Cooperation Between the Russian Federation and the IRA (2001–2021). Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 3(9): 43–54, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-43-54](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-43-54)

Введение

Экономическое сотрудничество между Россией и Афганистаном получило развитие вскоре после установления новых органов власти на Боннской конференции в конце 2001 г. В марте 2002 г. по итогам визита в Москву главы Временной администрации Афганистана Хамида Карзая между российскими государственными и частными организациями и афганскими министрами экономического блока было подписано 20 протоколов и меморандумов о сотрудничестве, касающихся двустороннего взаимодействия в области добычи нефти и газа, промышленности, транспорта, строительства, сельского хозяйства, телекоммуникаций. Их реализация тормозится преимущественно отсутствием источников финансирования.

Развитию торгово-экономического сотрудничества способствовало урегулирование проблемы госдолга.

ISSN 2782-3067 (Print)

Вопросы российско-афганского экономического сотрудничества рассматриваются в работах В.Г.Коргунова [7], Д.П.Елагина и Н.М.Мамедовой [2], В.И.Сажина [7], Н.Мендковича [5], В.М.Топоркова [8], Н.Асефа [1], М.Менкишака [9].

Однако в научной литературе отсутствует описание российско-афганского экономического сотрудничества в ходе всего периода существования Исламской Республики Афганистан, то есть с 2001 по 2021 г.

В предлагаемой работе представлен комплексный анализ экономического сотрудничества обеих стран на этом этапе. Рассмотрена проблема госдолга, вопросы развития экономических и торговых связей, а также гуманитарное сотрудничество.

Материалы и методы

В качестве источников статьи использованы нормативно-правовые акты, представленные соглашениями по экономическому сотрудничеству и торговле, материалы официальных сайтов МИД России и Министерства промышленности и торговли, заявления и выступления глав России и ИРА, министров иностранных дел обеих стран, а также специального представителя России по Афганистану, официальные страницы руководителей ИРА, учреждений и официальных лиц ИРА в соцсетях.

Для анализа данных применены методы международной политэкономии, в частности, расчетные методы экономического анализа, которые могут применяться как для сравнения, так и для упорядочения тех или иных значений. Использованы также такие политологические методы, как контент-анализ и ивент-анализ. Первый применяется для анализа содержания текстовых массивов, а второй – для изучения деятельности, визитов и мероприятий. Среди подходов исторической науки использованы историко-сравнительный и историко-интерпретационный методы.

Результаты исследования

Урегулирование проблемы государственного долга

Значительной проблемой двусторонних отношений Афганистана и России являлся афганский долг, который достался России как преемнице Советского Союза. Общая сумма долга составляла 11,1 млрд долл., большая часть которых – военные кредиты². Но уже в январе 2006 г. РФ приняла принципиальное решение о списании афганского долга. В ходе Лондонской международной конференции по Афганистану, состоявшейся 31 января – 1 февраля 2006 г., Афганистан согласился рассматривать

² Соглашения между Правительством РФ и Правительством ИРА об урегулировании задолженности Исламской Республики Афганистан перед Российской Федерацией по ранее предоставленным кредитам. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-121/45682

вать проблему своей задолженности России в рамках Парижского клуба. 6 августа 2007 г. в Москве министрами финансов обеих стран подписано соглашение по урегулированию афганского долга перед бывшим СССР в соответствии с многосторонним соглашением о списании долга Афганистана в рамках Парижского клуба. Соглашение предполагает списание 93% долга, что составляет 10,35 млрд долларов США. А оставшаяся часть долга в 891 млн долларов США Россия списала в 2010 г.³

Урегулирование проблемы долга Афганистана СССР открыло возможности государственного финансирования экономических проектов, в реализации которых российская сторона готова оказать помощь своему частному сектору.

Помощь России в восстановлении Афганистана

Как известно, с 1954 по 1990 г. при содействии СССР в Афганистане было построено 154 объекта, охватывавших практически все отрасли афганской экономики: добывающую промышленность, сельское хозяйство, включая ирригацию, транспорт, связь, энергетику, легкую и пищевую промышленность, жилищное строительство.

После 2001 г. российские предприятия оказывали помощь в восстановлении экономики Афганистана [2, с. 242–243].

В результате активного взаимодействия ФГУП ВО «Технопромэкспорт» с министерством энергетики и водных ресурсов ИРА и разработки конкурентоспособного технико-экономического обоснования на восстановление ГЭС «Наглу», построенной в начале 1970-х гг. при советском содействии, с увеличением мощности ее четырех энергоблоков на 5%, до 105 МВт, в апреле 2006 г. российская компания выиграла соответствующий международный тендер. К 2010 г. модернизация ГЭС «Наглу» стоимостью 40 млн долларов была завершена.

Российские компании «Инсет» и «Норманн» с 2005 г. сотрудничают с афганской стороной по возведению мини-ГЭС мощностью от 0,5 до 6 и 12 МВт. В частности, фирма «Инсет», специализирующаяся на строительстве миниэлектростанций, ввела в строй ГЭС в провинции Файзабад мощностью 12 МВт. Аналогичные объекты построены в провинциях Парван (мини-ГЭС «Гурбанд», мощность – 400 КВт, стоимость работ – 500 тыс. долларов), Пактия (населенный пункт Чамканай, 400 КВт, 400 тыс. долларов) и Бамиан (50 КВт, 100 тыс. долларов).

Были начаты проекты по строительству нефтеперерабатывающих предприятий с российским участием в Сари-Пуле, Фарьябе и Балхе.

В период с 2007 по 2010 г. объем российских инвестиций в афганскую экономику составил 34 млн долл. США [8, с. 227].

Перспективы инвестиционного сотрудничества России с Афганистаном главным образом связаны с восстановлением и модернизацией возведенных при техническом содействии СССР объектов, которые составляют значительную часть промышленно-экономической базы страны.

³ Лалетин Ю.П. Российско-афганские отношения на современном этапе / МГИМО МИД России. – URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/b57/b5731488fe76d68718d1247008145d71.pdf>

Хороший потенциал для развития сотрудничества между Россией и Афганистаном имеется в области реконструкции и строительства автомобильных дорог, являющихся практически единственным каналом грузопассажирских перевозок как между провинциями, так и в соседние страны.

Богатый опыт работы и наличие у российских компаний геологоразведочной и технической документации является благоприятным фактором для развития сотрудничества в горнодобывающем секторе экономики Афганистана. В 2022 г. заинтересованность в приобретении хромовой руды и последующем освоении ее залежей проявила компания «Мидорал Групп» из Свердловской области.

Торговый дом «Русские машины» продолжал работу по организации экспорта в ИРА легких грузовиков грузоподъемностью 1,0–2,0 тонны, а также пассажирских и санитарных микроавтобусов.

Расширяя сферу коммерческой деятельности в Афганистане, «Русский торговый дом», наряду с экспортными операциями, ориентировался на развитие сотрудничества с Министерством по восстановлению деревень ИРА по реализации проектов в области обеспечения сельского населения питьевой водой, включая проведение геологоразведочных работ и бурение скважин.

Челябинский тракторный завод возобновил работу в Афганистане, осуществив поставку пробной партии промышленных тракторов типа Б-12 в северные провинции ИРА и Кабул.

Компания «Вертикаль», располагая своим представительством в Кабуле, осуществляла поставку и организовывала эксплуатацию в ИРА вертолетной техники. Компании «Вертикаль-Т», «Utair» и российско-украинская «Волга-Днепр» участвовали в воздушных перевозках грузов Международных сил содействия безопасности.

Компания «Мультинет» (филиал Ростелекома) тесно сотрудничала с местной фирмой «Роушан» (крупнейшим из трех операторов мобильной связи в ИРА), а также принимала участие в развитии местной сети Интернет. В Кабуле на постоянной основе работали ее отечественные коммерческие и технические представители, что позволяло расширять сферу деятельности российской компании и обеспечивать реализацию проектов в различных провинциях ИРА. В середине 2007 г. российские инженеры приступили к строительству сети мобильной связи третьего поколения на севере страны. Первые интернет-провайдеры и интернет-кафе в Афганистане были созданы при участии российских специалистов. Компания «Мегафон» заинтересована в работе на афганском рынке.

Российские компании проявили интерес к участию в реализации энергетических проектов на территории Афганистана. Так, «Газпром» рассматривал возможность участия в прокладке газопровода «Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия» (ТАПИ). Рассматривается также участие российских компаний в проекте строительства линии электропередачи для экспорта электроэнергии из стран Центральной Азии в Афганистан и Пакистан (CASA-1000; две линии по 500 МВт). До практической реализации проектов дело не доходило, хотя возможность участия в них российских компаний время от времени обсуждается. А 8 апреля 2019 г. «Группа ЧТПЗ» («Челябинский трубопрокатный завод», входит в состав ПАО «ТМК») объявила о подписании контракта на

поставку более 150 тыс. тонн труб диаметром 1 420 мм для госкомпании «Туркменгаз» в целях строительства туркменской части газопровода длиной 214 км. Есть шансы на продолжение сотрудничества между «Группой ЧТПЗ» и операторами проекта в ходе строительства уже афганского участка газопровода (протяженность – 775 км).

Значительная часть строительных проектов в Афганистане оплачивалась из средств иностранных спонсоров, что порождало значительные трудности в их реализации российскими участниками. Фактически России приходилось вести по каждой из инициатив два переговорных процесса – с афганской и американской сторонами, а это приводило к затягиванию процесса и рассогласованности позиций⁴.

В 2011 г. был составлен перечень приоритетных для России афганских проектов. В их число вошли Кабульский домостроительный комбинат, завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе, электростанция в Джелалабаде, цементный завод в Джабаль-ус-Сирадже⁵. Предполагалось, что российские компании будут участвовать не только в восстановлении, но и в долевой эксплуатации этих объектов.

Однако не всегда переговоры о подобном сотрудничестве достигали цели. В 2010 г. предметом переговоров по линии ТПП РФ являлось участие российских компаний в ремонте ГЭС «Дарунта», однако в тот момент ремонтные работы уже велись компанией ANHAM (Саудовская Аравия). В первой половине 2011 г. обсуждался вопрос об участии специалистов из России в восстановлении трассы Саланг, но эти работы также велись без российского участия. В ходе консультаций 2011 г. в Москве российских бизнесменов с представителями Агентства США по международному развитию (USAID⁶), отвечающего за гуманитарные проекты в ИРА, американские спонсоры достаточно жестко заявили, что хотят видеть российские компании в Афганистане только в качестве субподрядчиков⁷. То есть американская сторона стремилась ограничить свободу действий российского бизнеса и его прибыли от афганских восстановительных проектов.

Сталкивалось с определенными трудностями и участие российских компаний в конкурсах на право разработки крупных месторождений полезных ископаемых в Афганистане. Существует убеждение, что при подведении итогов проигранного российскими корпорациями конкурса на разработку медного месторождения в Айнаке и аналогичного тендера в Хаджигаке в 2011 г. большую роль играла коррупционная составляющая⁸.

4 Никита Мендкович. Политика России в Афганистане в 2001–2011 гг. – Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». 17.02.2012 г. – URL: https://www.perspektivy.info/rus/desk/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm.

5 Интервью Надир-Шаха, президента Афганского Делового Центра в Москве // Афганистан.ру. – 2011. – 6 июня.

6 Комментарий официального представителя МИД России А.К.Лукашевича о прекращении деятельности в Российской Федерации Агентства США по международному развитию (USAID). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1625294/

7 Афганистан.ру. – 2011. – 24 июня.

8 Никита Мендкович. Политика России в Афганистане в 2001–2011 гг. – Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». 17.02.2012 г. – URL: https://www.perspektivy.info/rus/desk/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm.

Торгово-экономические связи

В феврале 2007 г. при Торгово-промышленной палате России был создан Российско-афганский деловой совет (РАФДС). Эта структура объединяет более 60 отечественных организаций и компаний. В октябре 2007 г. по линии РАФДС был организован визит в Москву делегации Афганского инвестиционного агентства (АИА), представленной 25-ю государственными организациями и частными компаниями, для презентации перспективных экономических проектов. Наибольший интерес российские предприниматели проявили к сотрудничеству в области энергетического и транспортного секторов, горнодобывающей промышленности и строительной индустрии. Между ТПП России и АИА был подписан меморандум, в котором выражено намерение сторон развивать сотрудничество с участием РАФДС. Всего с 2007 по 2009 г. компании – члены делового совета вложили в различные совместные проекты более 40 млн долл. США [9, с. 31].

В мае 2010 г. было подписано соглашение между торгово-промышленными палатами России и Афганистана. В сентябре 2010 г. в Москве открылся Афганский бизнес-центр.

Хороший потенциал экономического и торгового сотрудничества России и Афганистана позволил во время визита президента Карзая в Москву подписать 21 января 2011 г. межправительственное соглашение о торговле-экономическом сотрудничестве, предполагающее создание совместной комиссии, последнее заседание которой состоялось 3 марта 2016 г. в Кабуле.

Соглашение ввело режим наибольшего благоприятствования во внешней торговле, что придало импульс росту товарооборота между двумя странами. Так, если в 2009 г. экспорт России из Афганистана составил 336,4 млн долларов, а импорт – 15,3 млн долларов, то в 2011 г. экспорт достиг своего пика – 954,3 млн долларов, повторившись в 2014 г. (952,9 млн долл.), а импорт – 31 млн долларов. Данные о торговом обороте в 2013–2020 гг. приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Товарооборот между Россией и Афганистаном в 2013–2020 гг. (млн долл. США)

Table 1. Trade turnover between Russia and Afghanistan in 2013-2020 (million USD)

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт	630,9	952,9	149,9	184,0	205,3	118,7	121,0	153,6
Импорт	26,5	12,9	9,1	6,3	2,9	4,0	5,3	3,5

Источник: Справка о торговле-экономическом сотрудничестве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Афганистан (январь–май 2021 г.)⁹

Source: Information on trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Islamic Republic of Afghanistan (January-May 2021).

9 Справка о торговле-экономическом сотрудничестве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Афганистан (январь – май 2021 г.) – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/38f8003d61c3d4d0f024ba5b5fffd9ef/TEC_Afghanistan_May_2021.pdf.

На фоне замедления темпов экономического роста Афганистана произошел спад российского экспорта в 2018 г. до 118,7 млн долларов, а импорта в 2017 г. – до 2,9 млн долларов, который так и не восстановился. В структуре экспорта России преобладают топливо (35%), древесина (29%), продовольственные товары (в основном масло – 25%), металлы и изделия из них. Основными статьями импорта России из Афганистана остались те же товары, что и ранее: сухофрукты (в основном изюм), фрукты и орехи составляют 85% импорта, еще 6% – хлопок, а также пушно-меховое сырье и растения и изделия из них. Доля Афганистана в российском экспорте и импорте незначительна, на Россию приходится около 2% афганского импорта¹⁰ [2, с. 242–243].

После прихода к власти в Кабуле движения «Талибан»¹¹ торгово-экономические связи между Россией и Афганистаном были продолжены. Переговоры начались в конце августа 2022 г. во время визита в Москву делегации талибов во главе с и.о. министра торговли и промышленности Афганистана Хаджи Нуруддином Азизи. 28 сентября 2022 г. было заключено соглашение, в соответствии с которым планируется осуществление поставок пробной партии дизельного топлива объемом 30 тыс. тонн на условиях CIF в порт Окарем (Туркменистан). В перспективе Россия будет ежегодно поставлять в Афганистан около 1 млн тонн бензина, 1 млн тонн дизельного топлива, 500 тыс. тонн сжиженных углеводородных газов и 2 млн тонн пшеницы.

Списание афганского долга и участие России в программах социально-экономического восстановления является весомым практическим вкладом России в возрождение Афганистана.

Гуманитарная помощь и сотрудничество в сфере образования

Россия оказывает гуманитарную помощь Афганистану. В целом на решение этих задач с ноября по декабрь 2002 г. было затрачено свыше 30 млн долларов. В январе 2008 г. Россия в счет добровольного взноса в фонд Всемирной продовольственной программы ООН оказала Афганистану гуманитарную помощь, поставив 3 134 тонны пшеничной муки. Всего в 2008 г. Россия активизировала экономическую помощь Афганистану, безвозмездно поставив в Кабул 15 тыс. тонн пшеницы, а также оказав финансовую помощь на сумму 4 млн долларов США¹². В феврале 2009 г. по просьбе афганского правительства Россия реализовала очередную гуманитарную операцию стоимостью в 11 млн долл. США по поставке в Афганистан порядка 18 тыс. тонн пшеничной муки, а в 2010 г. – аналогичную поставку стоимостью в 5 млн долларов. В об-

10 Там же.

11 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

12 Медведев Д.А. Дмитрий Медведев направил ответное послание Президенту Афганистана Хамиду Карзаю // Сайт Президента РФ.

щей сложности с 2001 по 2009 г. Россия предоставила Афганистану гуманитарную помощь на сумму 40 млн долларов США¹³.

В 2019 г. Россия выделила 1 млн долларов гуманитарной помощи по линии Всемирной продовольственной организации (ВПП) ООН. За счет регулярного взноса в ВПП ООН была оказана продовольственная помощь ИРА в 2020 г. на 1 млн долларов, а в 2021 г. – на 2 млн долларов¹⁴.

15 июня 2021 г. в Кабул была доставлена российская гуманитарная помощь по линии Всемирной организации здравоохранения общим весом 39 тонн (медицинские наборы широкого спектра применения)¹⁵.

В ноябре-декабре 2021 г. в Афганистан было поставлено 108 тонн гуманитарной помощи¹⁶, а в 2022 г. – 122 тонны. Помощь включала продовольствие, теплые вещи и медикаменты.

Что касается сотрудничества в сфере образования, то и здесь Москва оказывает финансовую помощь Кабулу. В июне 2008 г. Правительство Российской Федерации приняло решение о предоставлении через Всемирный банк (ВБ) 4 млн долларов в качестве российского вклада в многосторонний трастовый фонд на цели развития высшего образования в Афганистане. Из них 2 млн долларов распределяются по усмотрению ВБ, а 2 млн долларов – на восстановление Кабульского политехнического университета (КПУ), построенного при содействии СССР. В ноябре 2008 г. на счет ВБ были перечислены 2 млн долл. Оставшаяся часть – на восстановление КПУ – была переведена в 2009 г.¹⁷

С марта 2005 г. по распоряжению Президента Российской Федерации абитуриентам из ИРА была выделена специальная квота – по три места для обучения в МГИМО и Дипломатической академии МИД России. Кроме того, вплоть до 2010 г. молодым афганцам предоставлялась ежегодная квота на 80 мест для обучения в вузах Российской Федерации (50 стипендий были предусмотрены для студентов и 30 – для аспирантов, стажеров и докторантов). В 2010 г. квота была увеличена до 100 стипендий, в 2019/2020 г. – до 365, в 2020/2021 – до 368, а в 2022/23 – до 500. При этом каждый год с афганской стороны поступало более 6 тыс. заявок на обучение. А в 2022 г. от афганцев было подано 10,5 тыс. заявок¹⁸.

11 апреля 2019 г. в Москве министром высшего образования Афганистана Наджибуллой Хваджа Омари и министром науки и высшего образования РФ Михаилом Котюковым был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области науки, образования и технологических инноваций. Тогда же Кабульский университет подписал соглашения о сотрудничестве с тремя российскими университетами.

13 Россия и Афганистан (к 90-летию установления дипломатических отношений) // Сайт МИД России.

14 Российско-афганские отношения. Справка // Сайт МИД России.

15 Там же.

16 Там же.

17 Лалетин Ю.П. Российско-афганские отношения на современном этапе / МГИМО МИД России. – URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/b57/b5731488fe76d68718d1247008145d71.pdf>.

18 Там же.

Попасть в российские вузы молодым людям из Афганистана помогает Российский центр науки и культуры в Кабуле. Получив квоту на обучение, афганцы едут учиться в десятки российских городов.

В настоящее время русский язык на постоянной основе преподается в Кабульском государственном университете, Кабульском политехническом университете, Педагогическом университете, Институте нефти и газа в г. Мазари-Шарифе и Кабульском автомеханическом институте. В целом русский язык в Афганистане единовременно изучают около 7 тыс. человек.

Выводы

Подводя итог вышесказанному следует отметить, что хотя торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Исламской Республикой Афганистан и получило импульс развития, но оставалось на довольно низком уровне. С одной стороны, были приняты меры, способствующие росту взаимодействия – решена проблема долга Афганистана, создан ряд совместных органов, введен режим наибольшего благоприятствования. С другой стороны, препятствиями послужили коррупция и не желание американцев иметь в качестве конкурентов российские фирмы, которым отводилась роль не более чем субподрядчиков. Тем не менее торгово-экономическое сотрудничество между нашими странами имеет большой потенциал роста по линии как торговли, так и восстановления построенных при помощи СССР 154 объектов. Нет никакого сомнения, что рано или поздно этот потенциал будет реализован.

Список источников

1. Асеф Н. Возвращение России в Афганистан: перспективы двустороннего экономического сотрудничества [Russia's return to Afghanistan: prospects for bilateral economic cooperation] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 4. С. 781-792.
2. Елагин Д.П., Мамедова Н.М. Экономика Афганистана [Economy of Afghanistan]. Москва: Издательство «МГИМО-Университет», 2020. С. 242-243.
3. Коргун В.Г. Россия и Афганистан: Исторические пути формирования образа России в Афганистане [Russia and Afghanistan: Historical ways of forming the image of Russia in Afghanistan]. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.
4. Лалетин Ю.П. Российско-афганские отношения на современном этапе [Russian-Afghan relations at the present stage] / МГИМО МИД России. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/b57/b5731488fe76d68718d1247008145d71.pdf>.
5. Мендкович Н. Политика России в Афганистане в 2001-2011 гг. [Russian policy in Afghanistan in 2001-2011]. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». 17.02.2012 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.perspektivy.info/rus/desk/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm.
6. Россия и афганский вопрос [Russia and the Afghan Question] / Под ред. М.О. Нессара. Москва: Центр изучения современного Афганистана, 2018.

* Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

7. Сажин В.И. Двусторонние российско-афганские отношения на современном этапе [Bilateral Russian-Afghan relations at the present stage] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3946>.
8. Топорков В.М. Национальные интересы России в Афганистане и перспективы ее региональной политики [Russia's national interests in Afghanistan and prospects for its regional policy] // Вестник Пермского университета. 2013. № 3 (23). С. 225-232.
9. Menkiszak M. Russia's Afghan problem. The Russian Federation and the Afghanistan problem since 2001 Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2011.

Информация об авторе

ЛАЛЕТИН Юрий Павлович. Кандидат исторических наук. Доцент. Доцент МГИМО МИД России, <https://orcid.org/0000-0003-4878-4599>. Адрес: 117454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76, u.laletin@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 марта 2023. Одобрена после рецензирования: 1 мая 2023. Принята к публикации: 15 мая 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Asef N. Russia's return to Afghanistan: prospects for bilateral economic cooperation. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations. 2017. V. 17(4):781-792 [In Russian].
2. Elagin D. P., Mamedova N. M. Economy of Afghanistan. Moscow: MGIMO-University Publishing House, 2020:242-243 [In Russian].
3. Korgun V. G. Russia and Afghanistan: Historical ways of forming the image of Russia in Afghanistan. Moscow: Librocom Book House, 2009 [In Russian].
4. Laletin Yu. P. Russian-Afghan relations at the present stage / MGIMO MFA of Russia. [Electronic resource]. Available from: <https://mgimo.ru/upload/iblock/b57/b5731488fe76d68718d1247008145d71.pdf> [In Russian].
5. Mendkovich N. Russian policy in Afghanistan in 2001-2011. Network publication of the Center for Research and Analytics of the Foundation for Historical Perspective "Perspectives". February 17, 2012 [Electronic resource] Available from: https://www.perspektivy.info/rus/desk/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm [In Russian].
6. Russia and the Afghan Question / Ed. M. O. Nessar. Moscow: Center for the Study of Modern Afghanistan, 2018 [In Russian].
7. Sazhin V. I. Bilateral Russian-Afghan relations at the present stage [Electronic resource]. Available from: <http://www.iimes.ru/?p=3946> [In Russian].
8. Toporkov V. M. Russia's national interests in Afghanistan and prospects for its regional policy.

9. Bulletin of the Perm University. 2013. No.3(23):225-232 [In Russian].
9. Menkiszak M. Russia's Afghan problem. The Russian Federation and the Afghanistan problem since 2001 Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2011 [In English].

About the author

Yuri P. LALETTIN. CandSc (Hist.). Assistant professor. Associate Professor at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, <https://orcid.org/0000-0003-4878-4599>. Address: 76, Vernadsky Avenue, Moscow, Russian Federation, 117454, y.laletin@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests

Article info

Received: March 2, 2023. Approved after peer review: May 1, 2023. Accepted for publication: May 15, 2023. Published: June 25, 2023

The author has read and approved the final manuscript

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

УДК 93/94

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-55-65](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-55-65)

Исторические науки

Американские войска в Афганистане (2001–2021): вывести нельзя оставить

Василий Степанович Христофоров

Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Россия
xvsarhiv@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3964-1967>

Аннотация. В статье рассматриваются причины американского вторжения в Афганистан, основные задачи, решавшиеся американскими политиками и военными в этой стране, эволюция стратегии и тактики действий Вашингтона в ходе военной операции в 2001–2021 г., а также итоги 20-летнего американского военного присутствия в стране.

Ключевые слова: Афганистан, афганская армия, США, американские войска, Вашингтон, «Талибан»¹, талибы

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Христофоров В.С. Американские войска в Афганистане (2001–2021): вывести нельзя оставить // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2(8). С. 55–65, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-55-65](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-55-65)

¹ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-55-65](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-55-65)

Historical sciences

American Troops in Afghanistan (2001–2021): Can Neither be Left nor Taken Out

Vasilij S. Khristoforov Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
xvsarhiv@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3964-1967>

Abstract. The article examines the reasons for the American invasion of Afghanistan, the main tasks solved by American politicians and the military in this country, the evolution of Washington's strategy and tactics during the military operation in 2001–2021, as well as the results of the 20-year American military presence in the country.

Keywords: Afghanistan, Afghan army, USA, American troops, Washington, Taliban¹

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Khristoforov V.S. American Troops in Afghanistan (2001–2021): Can Neither be Left nor Taken Out. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2(8): 55–65, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-55-65](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-55-65)

Введение

В ответ на террористические акты, произошедшие 11 сентября 2001 г., ответственность за которые была возложена на Аль-Каиду² и ее руководителя Усаму бен Ладена, скрывавшегося на территории Афганистана, Вашингтон, с одобрения Совета Безопасности ООН³, начал военную операцию «Несокрушимая свобода» для борьбы с терроризмом и ликвидации «Талибана»⁴. В перспективе США намеревались создать условия для построения на афганской земле демократического государства [5].

² Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

³ Резолюция № 1368 Совета Безопасности ООН от 12 сентября 2001 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/1619678/.

⁴ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Террористические акты Аль-Каиды⁵ в США в 2001 году и последовавшее за ними американское вторжение в Афганистан заставили ученых искать новые подходы по стабилизации ситуации в регионе. В 2001–2020 гг. ряд авторов, в том числе Г.Э.Асотрян, В.Я.Белохриницкий, Р.Р.Сикоев, Нессар Омар и другие провели исследования, посвященные различным аспектам американо-афганского конфликта, его влиянию на международную обстановку, политике США и НАТО в Афганистане, эволюции их военного присутствия, истории современного политического развития страны, проанализировали возможные сценарии политического процесса в стране. Названными авторами проведен комплексный анализ военно-политического присутствия США и НАТО в Афганистане, дана оценка основных положений и инструментов внешней политики Вашингтона, а также эффективности применения военной силы и соответствия реальной ситуации в этой стране. Проанализирована обновленная программа действий Вашингтона в афгано-пакистанском регионе, трансформация стратегии США в отношении Афганистана и Пакистана в период президентства различных американских лидеров.

Существенный вклад в исследование внешней политики США, борьбы американских военных с талибами, идеологии и тактики действий талибов внесли зарубежные специалисты по Ближнему и Среднему Востоку, такие как А.Рашид (A.Rashid), Б.Рубин (Barnett Rubin), П.Мардсен (Peter Marsden), М.Бирден (Milton Bearden), Б. Ридел (Bruce Riedel) и др.

Цель статьи – рассмотреть, как американское военное присутствие в Афганистане повлияло на обеспечение безопасности в этой стране, в какой мере были реализованы поставленные задачи; ответить на вопросы о причинах низкой результативности американских военно-политических усилий.

Материалы и методы

При проведении исследования нами использовались документы Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН (резолюции, принятые в 2001–2021 гг.), официальные выступления и интервью Генерального секретаря ООН; материалы Миссии ООН в Афганистане (МООНСА)⁶.

Еще одна группа источников – американские официальные документы, например двусторонние соглашения между США и Афганистаном⁶.

Для исследования также привлечены материалы российских и зарубежных СМИ (газеты «Независимая газета», «Независимое военное обозрение», «Российская газета», «The Washington Post», 8am.media⁷ и др.).

Основные проблемы развития ситуации в Афганистане были проанализированы при помощи историко-генетического метода: рассмотрены причины ввода, при-

⁵ Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/>.

⁶ The Afghanistan Compact. The London Conference on Afghanistan, 31 January – 1 February, 2006. URL: http://www.nato.int/isaf/docu/official_texts/index.html.

⁷ 8am.media [газета 8 утра, Афганистан, на языке дари]. См.: URL: <https://8am.media>.

существия в Афганистане американских войск, а также их вывод из страны и последствия (2001–2021 гг.).

Результаты исследования

Оптимистическое начало

Операция «Несокрушимая свобода» началась 7 октября 2001 г. нанесением ударов американскими стратегическими бомбардировщиками и крылатыми ракетами, запущенными с американских кораблей по военным объектам «Аль-Каиды»⁸ и «Талибана»⁹. 13 ноября 2001 года талибы без боя оставили Кабул, к концу ноября под их контролем оставался только город Кандагар, где находился лидер движения мулла Омар [5].

Москва, как и практически все международное сообщество, поддержала действия Вашингтона в Афганистане, так как борьба с международным терроризмом была приоритетным направлением российской внешней политики⁸. Кроме того, устранение «Талибана»⁹ с политической сцены Афганистана отвечало интересам не только США и их союзников, но и России, Ирана, Китая [1, с. 701-702].

Однако, в результате авиационных и ракетных ударов, а также проведения наземной операции отряды талибов не были уничтожены, они ушли в пакистанские провинции Белуджистан и Северо-Западную пограничную провинцию. В Пакистан же перебрались лидер талибов мулла Омар и Усама бен Ладен. Резидент американской разведки в Пакистане Роберт Гренье отмечал, что пакистанская армия, проводя операции в зоне пуштунских племен против иностранных боевиков, воздерживалась от активных действий против «Талибана»⁹. Он же утверждал, что ЦРУ США не проявляло активности в борьбе с талибами в Пакистане, разведку в тот период больше интересовали «Аль-Каида»⁹ и Усама бен Ладен [2, с. 130-135].

Такое пренебрежение к талибам в 2002–2005 гг. сыграет злую шутку с американцами, так как афганские оппоненты, отдохнув и пополнив контингент, вскоре начнут партизанскую войну и встанут на путь открытого террора [5].

Стремясь восстановить утраченное в конце 1970-х годов былое влияние на Среднем Востоке, Вашингтон был заинтересован в формировании лояльной ему афганской политической элиты. Изгнав Аль-Каиду⁸ и талибов, американцы приступили к государственному строительству, формированию афганской национальной армии, сил безопасности и других основных институтов [5]. В начале декабря 2001 г. была сформирована временная администрация Афганистана во главе с американским ставленником Хамидом Карзаем [3, с. 55-60, 170-184; 4, с. 462].

⁸ Афганистан, война с СССР, появление талибов [Afganistan, voyna s SSSR, poyavlenie talibov]. URL: <https://jangaavaran.ir/>.

⁹ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Афганистан представлял интерес для Вашингтона и в качестве моста в Центральную Азию, как страна, имеющая границы с geopolитическими противниками США – Ираном, Китаем. Оказавшись в этом регионе, Вашингтон приступил к реализации своих geopolитических планов, создав военные базы в Киргизии и Узбекистане, через которые на территорию Афганистана доставлялись американские войска и грузы.

У Вашингтона не было четкого плана нормализации ситуации в Афганистане, взгляды на эту проблему у разных ведомств были неодинаковыми. Так, представители Государственного департамента США во главе с Коллином Пауэллом предлагали ввести миротворческие силы, способные контролировать Кабул и важнейшие районы страны, обеспечивать безопасность всей территории Афганистана. Американские военные во главе с министром обороны США Рамсфелдом были против того, чтобы американские воинские контингенты находились за пределами Кабула, они убеждали оппонентов, что афганцы должны сами обеспечивать безопасность своей страны [2, с. 144-147]. Пентагон был более заинтересован в разгроме «Аль-Каиды»⁸, чем в государственном строительстве.

В результате дебатов в начале 2002 г. был принят вариант, предложенный американскими военными, о минимальном вмешательстве в афганские дела. Тогда же началось создание афганских сил безопасности численностью 80 тыс. человек. Американские стратеги полагали, что им удастся за пять лет создать боеспособную национальную армию, после чего в 2007 г. они смогут вывести из страны свои войска. Вскоре стало очевидно, что изначальный расчет был неверен [5].

Основными причинами, тормозившими эти процессы, были: коррумпированность чиновников, слабость афганских государственных органов, открытость афгано-пакистанской границы, через которую свободно перемещались вооруженные отряды боевиков, оружие и боеприпасы, низкая моральная мотивация афганских военнослужащих, большое количество дезертиров, проведение набора в армию преимущественно путем рекрутования новобранцев [3, с. 207-208].

Как мы видим, со значительной частью этих проблем сталкивалась и Москва в период советского военного присутствия в Афганистане в 1979–1989 гг. [9, с. 426-433].

Цели достигнуты?

Посчитав, что основные цели в Афганистане достигнуты, Вашингтон в 2003 г. перебросил из Афганистана в Ирак части специального назначения, беспилотные самолеты-разведчики, опытных сотрудников разведки [2, с. 163]. Американцы считали, что «Талибан»⁹ не представляет для них угрозы, так как численность их непрофессиональных отрядов была незначительной [5].

Однако в 2006 году ЦРУ США и Разведывательное управление Министерства обороны пришли к одинаковым выводам о существенном росте активности талибов, что могло привести к утрате контроля афганским правительством над некоторыми районами Афганистана [2, с. 250]. Понадобилось ввести дополнительные силы.

Американские войска, применяя «стратегию зачистки, удержания и строительства», входили в район, занятый талибами, вытесняли или уничтожали отряды бо-

евиков, после этого передавали власть представителям афганского правительства. Американцы могли занять любой район, очистить его от талибов, но не могли там присутствовать постоянно. Через некоторое время в район, где проводилась боевая операция и была установлена власть афганского правительства, вновь возвращались талибы, восстанавливая утраченные позиции. Таким образом, американские войска попали в «афганскую трясину», так же, как и советские войска в 1980-е гг. [9, с. 13-14].

Свообразные «качели» с частичным вводом-выводом воинских контингентов будут работать на протяжении 2003–2020 гг. Однако ввод дополнительных воинских контингентов не приведет ни к уничтожению основных сил талибов, ни к кардинальному улучшению политической и военной обстановки [5].

Новая стратегия Вашингтона

Приход к власти в США в 2009 г. нового президента Барака Обамы вновь поставил Афганистан в центр американского внешнеполитического курса. Новый глава Белого дома объявил о стратегии Вашингтона, нацеленной на увеличение численности американских войск, создание условий для последующего выхода американских войск из страны в конце 2011 года, передачу ответственности за безопасность афганским национальным силам¹⁰, а также совершенствование государственного строительства в Афганистане [7, с. 459].

Таким образом, появилась новая дата возможного вывода американских войск из Афганистана – 2011 г., именно тогда американские спецслужбы провели специальную операцию и 2 мая в пакистанском городе Абботтабад (в 50 км от Исламабада) уничтожили руководителя Аль-Каиды Усаму бен Ладена. Казалось бы, одна из главнейших целей американского военного присутствия в Афганистане достигнута и можно подвести итог. Однако этого не случилось, и в ноябре 2011 г. был объявлен новый срок вывода американских войск – конец 2014 г. [5].

В 2012–2014 гг. прошел поэтапный вывод основных сил американских воинских контингентов, передача ответственности за обеспечение безопасности в стране национальной армии и силам правопорядка [5].

Однако вскоре стало понятно, что Вашингтон не намерен окончательно уходить из Афганистана¹¹. 1 мая 2012 г. в Кабуле президенты Карзай и Обама подписали «Соглашение о долгосрочном стратегическом партнерстве», согласно которому Афганистан был наделен статусом «главного, не входившего в НАТО союзника». Американские воинские контингенты оставались в стране, и с 2015 г. стали заниматься в основном поддержкой боевых действий афганской армии, обучением и инструктированием военнослужащих¹².

10 США отдают предпочтение ограниченному наращиванию группировки. URL: <http://www.inosmi.ru/india/20091201/156778125.html>.

11 Волков К. США сохранят присутствие в Афганистане до 2024 года // Известия. 2012. 25 апреля. С. 8.

12 Что стоит за визитом американского генерала в Кабул? URL: <https://news.rambler.ru/middleeast/30966665-chto-stoit-za-vizitom-amerikanskogo-general-a-v-kabul/>.

Подписывая соглашение о стратегическом партнерстве, каждая из сторон преследовала свою цель: США сохраняли присутствие на Среднем Востоке, а афганское правительство получало гарантии безопасности и финансовую поддержку¹³.

Несмотря на существенное сокращение численности иностранных войск с 132 тыс. до 34 тыс. военнослужащих, под контролем американцев оставались стратегически важные районы, в которых находились девять крупных военных баз: Кабул, Баграм, Мазари-Шериф, Джелалабад, Гардез, Кандагар, Шиндант, Герат и Гильменд. Заявления о сокращении военного присутствия чередовались с активизацией действий американских военных. В ноябре 2014 г. Обама подписал указ, разрешив американским войскам принимать участие в боевых действиях¹⁴.

Таким образом, объявленный план по выводу американских войск в 2014 г. стал лишь трансформацией военного присутствия, которое сохранялось до конца августа 2021 г. [5].

Ситуация в регионе не улучшалась, а миллиарды долларов, потраченные США на военную операцию, не решали проблемы безопасности¹⁵. Иностранные эксперты в 2016 году утверждали, что в афганской армии из 101 пехотного батальона почти половина была не способна вести боевые действия, а афганская армия была ослаблена из-за больших потерь и роста числа дезертиrov [7, с. 482].

На этом фоне американские генералы Джон Аллен, командовавший войсками НАТО в Афганистане в 2011–2013 гг., в начале сентября 2016 г. назвал «слишком поспешным» вывод американских войск¹⁶.

В последующем тезис о «поспешном» выводе американских войск из Афганистана будут неоднократно произносить политики и в США, и в России. Одновременно с этим будет звучать и тезис о «самой долгой войне» в американской истории¹⁷.

Обеспокоенность военных была услышана, и в июне 2016 г. Барак Обама разрешил американским войскам участвовать в боевых операциях совместно с афганскими подразделениями. Увеличение численности американских войск привело к активизации боевых действий в районах, ранее перешедших под контроль талибов [1, с. 710].

Новый президент США Дональд Трамп в 2017 г. попытался внести некоторые изменения в афганскую стратегию: активизировать переговоры с талибами, заявить о скором выводе американских войск, о том, что армия не будет использоваться «для построения демократии (выделено нами. – В.Х.) на отдаленных территориях или перестройке других стран на свой лад»¹⁸.

13 США и Афганистан парафировали соглашение о стратегическом партнерстве. URL: <https://vz.ru/news/2012/4/22/575568.html>.

14 Обама подписал секретный указ, который расширит полномочия армии США в Афганистане. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2617485>.

15 Война без мотивации: почему падает боевой дух афганской армии. URL: <https://news.rambler.ru/world/32485039-voyna-bez-motivatsii-pochemu-padaet-boevoy-duh-afganskoy-armii/>.

16 Миссия США в Афганистане далека от завершения – генерал Данфорд. URL: <https://uztag.info/ru/news/missiya-ssha-v-afganistane-daleka-ot-zaversheniya-general-danford>; Миссия НАТО сообщает о вероятном учащении атак талибов в ближайшие месяцы. URL: <http://af.gumilev-center.ru/archives/3033>.

17 Имитация стратегии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3390743>.

18 По афганскому терроризму ударят непредсказуемостью. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3390531?from=doc_vrez.

Намерения Трампа прекратить вмешательство сочетались с увеличением численности американских военных в Афганистане с 10 до 16 тыс. человек («качели» продолжали работать), использованием новых видов боеприпасов. Так, в апреле 2017 г. американцы применили в провинции Нангархар самую мощную неядерную авиационную бомбу – «Мать всех бомб» (мощность свыше 11 тонн тротила).

Завершение операции и вывод американских войск

Призрачные перспективы завершить войну победой над талибами привели к тому, что в Вашингтоне стали искать любую возможность для завершения этой военной кампании и вывода войск [5]. Президент Трамп заявил о том, что афганские задачи выполнены и необходимо полностью вывести воинские контингенты, оставив «сильную разведку» для наблюдения за обстановкой и сбора информации¹⁹.

Разносторонние и многочисленные усилия американских политиков и дипломатов привели к тому, что 29 февраля 2020 г. в Дохе спецпредставитель США по Афганистану Залмай Хализад и заместитель лидера движения «Талибан» Абдулла Гани Барадар подписали соглашение о мире и выводе американских войск [5].

Президент США Джо Байден подтвердил курс Трампа на афганском направлении. 14 апреля 2021 г. американский лидер объявил о намерении завершить операцию в Афганистане и вывести войска к концу августа 2021 г.

Параллельно с этим в мае 2021 г. талибы начали масштабное наступление, расширяя зоны своего влияния, постепенно занимая один за другим крупные населенные пункты, города и административные центры афганских провинций, взяли под контроль границы с Ираном, Пакистаном, Таджикистаном, Туркменией, Узбекистаном и КНР. Афганские силы безопасности в мае и июне пытались оказывать сопротивление, но к началу августа они практически прекратили сопротивление [5].

Перед Вашингтоном встала дилемма: прекратить вывод американских войск, направить туда дополнительные воинские контингенты, чтобы противостоять экспансии талибов или продолжить прежний курс. Возникла головоломка, которую можно описать фразой «американские войска: вывести нельзя оставить». Требовалось принять решение и в нужном месте поставить знак препинания. В американской разведке и военных кругах понимали, что перспективы улучшения ситуации были весьма призрачными, а военного решения афганских проблем не существовало. В то же время было ясно, что существующий режим не удержится у власти. В Вашингтоне считали, что основные цели в Афганистане достигнуты, и надеялись на выполнение талибами обещаний бороться с международными террористами и не создавать угрозы для соседних государств. Можно сказать, что Вашингтон в результате двадцатилетнего присутствия в стране загнал себя

19 Гордыня, обусловленная статусом сверхдержавы: в США изучили причины неудач американских войск в Афганистане. URL: <https://russian.rt.com/world/article/650131-pentagon-ssha-doklad-afghanistan-neudachi>; находится под давлением силовиков: почему Трамп планирует сохранить в Афганистане «сильную разведку». URL: <https://ru.rt.com/duvv>.

в «афганскую ловушку». В августе 2021 г. Вашингтон осознавал, что игра завершалась с нулевой суммой, но другого выхода из этой ситуации не было [5].

15 августа 2021 г. талибы без боя заняли Кабул, в котором еще находились американские войска. Президент страны Мохаммад Ашраф Гани бежал, национальная армия распалась, наступил крах всей государственной системы, создававшейся американцами двадцать лет. Часть жителей столицы приветствовала новую власть, другая – устремилась в аэропорт в надежде покинуть страну на самолетах военно-транспортной авиации НАТО [5].

21 августа президент США заявил, что Вашингтон направил свои войска для устранения Усамы бен Ладена и терроризма, а афганцам были предоставлены все возможности определить свое будущее. Американцы не смогли дать волю афганскому правительству и национальной армии для отставания своих интересов. В этом, по мнению Байдена, была причина столь быстрого падения Кабула [5]. Однако эксперты считают, что одной из главных причин быстрой сдачи столицы афганскими военными была нелегитимность президента в глазах многих афганцев. Явка на выборах главы государства в 2019 г. составила около 2 млн человек из 32-миллионного населения страны²⁰.

В ночь на 31 августа пребывавшие в регионе 20 лет американские военнослужащие покинули Кабул.

Вывод американских войск из Афганистана ряд российских и зарубежных политиков, дипломатов, военных, политологов и журналистов назовут «поспешным», «хаотичным», «внезапным» и даже «бегством». Непредвзятый взгляд на ситуацию свидетельствует о том, что соглашения в Дохе были подписаны 29 февраля 2020 г. и вывод американских войск продолжался целых 18 месяцев. Сравним: советские войска выведены из Афганистана в течение 9 месяцев (с 15 мая 1988 по 15 февраля 1989 г.), при этом никто не говорил о поспешности вывода. Однако последствия, которые наступили в период и после окончания вывода советских и американских войск, разительно отличались в худшую для Вашингтона сторону [5].

Выводы

20-летнее присутствие военных контингентов США в Афганистане не привело к кардинальным положительным результатам. Американцам удалось лишь частично решить поставленные задачи, связанные с уничтожением Аль-Каиды²¹, однако они не смогли внедрить демократические начала, а правительство, которое 20 лет держалось на американских штыках, фактически пало еще до окончания вывода американских контингентов. В очередной раз было доказано, что ни одна власть в этой стране не будет обладать достаточной для стабилизации ситуации легитимностью при условии иностранного военного вмешательства [5]. Американские войска, как и свое время советские, были вынуждены уйти из страны, так как военного решения афганской проблемы не существовало.

20 Солдаты или призраки: как и почему исчезла армия Афганистана. URL: <https://rtvi.com/stories/soldaty-ili-prizraki-kak-i-pochemu-ischezla-armiya-afganistana/>.

Афганская национальная армия оказалась слабой и ненадежной, а причины ее разрушения кроились в особенностях исторического, культурного, социального и религиозного развития общества, а также слабости политического руководства страны. В условном треугольнике «США – талибы – народы Афганистана» американцы ушли, талибы победили, а люди потерпели поражение, большая часть населения находится за чертой бедности, а нормализация ситуации так и не наступила²¹.

Список источников

1. Акимбеков С.М. История Афганистана [History of Afghanistan]. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 848 с.
2. Джонс С. Война США в Афганистане. На кладбище империй [The US War in Afghanistan. At the cemetery of empires] / пер. с англ. М. Витебского. М.: Эксмо, 2013. 480 с.
3. Конаровский М.А. Афганистан на рубеже веков: Новый перекресток судьбы: монография [Afghanistan at the turn of the century: A new crossroads of fate: a monograph]. М.: МГИМО-Университет, 2020. 355 с.
4. Коргун В.Г. История Афганистана XX век [History of Afghanistan XX century]. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. 527 с.
5. Христофоров В.С. Американские войска в Афганистане (2001–2021): вывести нельзя оставить [American troops in Afghanistan (2001–2021): can neither be left nor taken out]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1678172280>
6. Христофоров В.С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. [Afghanistan: the military-political presence of the USSR 1979–1989]. М.: ИРИ РАН, 2016. 544 с.
7. Христофоров В.С. Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслиению и признанию [Afghan events of 1979–1989: from knowledge to understanding and recognition] // Российская история. 2019. № 6. С. 3–21.
8. Христофоров В.С. К вопросу о характере военно-политического присутствия в Афганистане советских и американских контингентов [On the question of the nature of the military-political presence in Afghanistan of the Soviet and American contingents] // Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г.: Материалы конгресса. Санкт-Петербург: Студия «НП-Принт», 2017. Т. 1. С. 426–433.
9. Христофоров В.С. Россия, страны Центральной Азии и Афганистан в новом геополитическом ландшафте: перспективы взаимодействия, новые риски и «окна возможностей» [Russia, the countries of Central Asia and Afghanistan in the new geopolitical landscape: prospects for interaction, new risks and “windows of opportunity”] // Мир Центральной Азии: сб. науч. ст. Новосибирск: Сиб. Отд. РАН, 2022. С. 652–655.

Информация об авторе

ХРИСТОФОРОВ Василий Степанович. Член-корреспондент РАН. Доктор юридических наук. Профессор. Заведующий кафедрой международной безопасности. Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3964-1967>. Адрес: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6; xvsarhiv@rambler.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

²¹ Расследование причин развала Афганской национальной армии; Абдул Сабур Джан-баз 24 хута 1400 г.]. URL: <https://8am.af;/investigating-the-causes-and-reasons-for-the-collapse-of-the-afghan-national-army/>; Американцы ушли, талибы победили, а люди потерпели поражение [Amerikancy ushli, taliby pobedili, a lyudi poterpeli porazhenie]. URL: <https://8am.af/the-americans-left-the-taliban-won-and-the-people-lost/>

* Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm;18+>

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 марта 2023. Одобрена после рецензирования: 1 мая 2023. Принята к публикации: 15 мая 2023. Опубликована: 25 июня 2023. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akimbekov S. M. History of Afghanistan. Astana-Almaty: IMEP at the Fund of the First President, 2015:848 [In Russian].
2. Jones S. The US War in Afghanistan. At the cemetery of empires / trans. from English. M. Vitebsky. Moscow: Eksmo, 2013:480 [In Russian].
3. Konarovskiy M. A. Afghanistan at the turn of the century: A new crossroads of fate: a monograph. Moscow: MGIMO-Universitet, 2020:355 [In Russian].
4. Korgun V. G. History of Afghanistan XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Kraft+, 2004:527 [In Russian].
5. Khristoforov V. S. American troops in Afghanistan (2001–2021): can neither be left nor taken out. Available from: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1678172280> [In Russian].
6. Khristoforov V. S. Afghanistan: the military-political presence of the USSR 1979–1989. Moscow: IRI Russian Academy of Sciences, 2016:544 [In Russian].
7. Khristoforov V. S. Afghan events of 1979–1989: from knowledge to understanding and recognition. Russian history. 2019; 6:3–21 [In Russian].
8. Khristoforov V. S. On the question of the nature of the military-political presence in Afghanistan of the Soviet and American contingents. Asia and Africa: Heritage and Modernity. XXIX International Congress on Source Studies and Historiography of Asian and African Countries, June 21–23, 2017. St. Petersburg: Studio «NP-Print», 2017; 1:426–433 [In Russian].
9. Khristoforov V. S. Russia, the countries of Central Asia and Afghanistan in the new geopolitical landscape: prospects for interaction, new risks and “windows of opportunity”. The World of Central Asia: a collection of scientific articles. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022: 652–655 [In Russian].

About the author

Vasily S. KHRISTOFOROV. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. DocSc (Law). Professor. Head of the Department of International Security. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-3964-1967>. Address: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047 xvsarhiv@rambler.ru

Contribution of the author

The author declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: March 2, 2023. Approved after peer reviewing: May 1, 2023. Accepted for publication: May 15, 2023. Published: June 25, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения,
глобальные и региональные
исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global
and regional studies

После поражения в Афганистане и поспешного вывода войск из этой страны США переключились на другую часть «Великой шахматной доски», более близкую к России, против которой всегда была направлена их политика и на Востоке, и в Европе, и по всему миру. Они взрастили союзника в лице Украины, руководство и часть населения которой исповедует нацистскую идеологию. Но за океаном этого не замечают, ведь ее реальная политика направлена против России, а, по мнению США, которому безоговорочно следуют европейские страны, это главный противник так называемого цивилизованного мира.

Слинкин М.М.

Афганистан и «Великая шахматная доска»

Избрание президентом Узбекистана Шавката Мирзиёева символизировало собой смену базовой парадигмы в развитии страны. Во внешней политике произошло переосмысление ее базовых констант – фокус внимания сместился с приоритета на максимизацию безопасности, преобладавшего в 1990-х и первом десятилетии 2000-х гг., в сторону обеспечения социально-экономических реформ в соответствии с современными реалиями и системообразующими трендами глобальной экономики.

Махмудов Р.Б.

Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана

В целом на сегодняшний день Казахстан занимает осторожную позицию по афганскому вопросу. С точки зрения политики безопасности республика по-прежнему опирается на такие структуры, как ОДКБ и ШОС. Как показывают последние события, казахстанские власти стремятся поддерживать ограниченные контакты с движением «Талибан»², которое видится как фактор сохранения стабильности в этой стране.

Султанмуратов Н.

К вопросу о политике Казахстана по отношению к Афганистану

Возвращение талибов к власти в Афганистане можно рассматривать как сочетание возможностей и одновременно с этим угроз для Исламской Республики Иран. С точки зрения официальных лиц в Тегеране, в настоящее время возможности перевешивают угрозы, и в обозримом будущем подобное положение сохранится.

Хакпанах Дж.

Политика Ирана в контексте афганского кризиса после 2021 г.

²Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Афганистан и «Великая шахматная доска»

Михаил Михайлович Слинкин✉

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
mikhail.slinkin@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2287-9039

Аннотация. Статья посвящена политике в Евразии в контексте претензий США на ключевую роль в мире и их способность самостоятельно управлять фигурами на «Великой шахматной доске». Рассматриваются политика и взаимосвязь между военной кампанией США на Ближнем Востоке, в частности в Ираке, и ситуацией в Афганистане. Автор аргументирует свою позицию и делает выводы о том, что в настоящее время США переключились на территории вокруг Российской Федерации, формируя пояс недружественности.

Ключевые слова: Евразия, Соединенные Штаты Америки, политика, военные конфликты

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Слинкин М.М. Афганистан и «Великая шахматная доска» // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2(8). С. 68-79, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-68-79](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-68-79)

Afghanistan and the “Great Chessboard”

Mikhail M. Slinkin✉

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
mikhail.slinkin@gmail.com, <https://doi.org/0000-0003-2287-9039>

Abstract. The article is devoted to US politics in Eurasia in the context of the US claims to a key role in the world and the desire to independently manage the pieces on the “Great Chessboard”. The article examines US policy in the Middle East and the relationship between the military campaign in Iraq and the situation in Afghanistan. The author concludes that at present the United States concentrated attention on the territories around the Russian Federation, forming a belt of unfriendliness.

Keywords: Eurasia, United States of America, politics, military conflicts

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Slinkin M.M. Afghanistan and the “Great Chessboard”. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2(8): 68-79, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-68-79](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-68-79)

Введение

Проблема научного исследования совпадает с практически решаемой в настоящее время проблемой международных отношений – противоречием между однополярным мироустройством, в котором на единоличное лидерство продолжают претендовать США, и многополярным миром, заметное влияние в котором приобрели не только новые экономические центры, но и региональные центры силы. Актуальность темы исследования поэтому не вызывает сомнения. Она связана с возникающей реальностью международных отношений, сопровождающими ее военными конфликтами, когда старое мироустройство пытается сохранить статус-кво и идет для этого на применение силы не только по периферии проживания так называемого «золотого миллиарда» в Южной Америке, Азии и Африке, но и в Европе. Отсюда вытекает и цель исследования – на основе комплексного анализа источников и литературы показать тщетность попыток «единственной» сверхдержавы через череду связанных ею и ее сателлитами военных конфликтов сохранить однополярный мир.

Материалы и методы

В исследовании применен сравнительно-исторический метод, когда через ряд военных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке выявляется общее и особенное, применимое в том числе и к периферии Европы. Нельзя сказать, что исследуемая научная проблема оставалась в последние годы без внимания. Однако западные авторы рассматривали ее, как правило, с позиций неоатлантизма (Самюэль Хантингтон, Збигнев Бжезинский, Фрэнсис Фукуяма и др.). Между тем отечественные исследователи (Е.М.Примаков, Л.И.Медведко, авторы, рассматривающие не только политические, но и военные факторы, такие, как И.М.Попов, М.М.Хамзатов и др.) подвергали исследованию эту проблему с точки зрения объективного развития мирового сообщества и международных отношений.

Результаты исследования

Связь событий на Ближнем и Среднем Востоке и в Европе очевидна, но все же требует доказательств [2]. Вот первое: в Евразии, как и в мире в целом, ключевую роль пытаются играть США, возложившие на себя единоличное руководство миром и пытающиеся самостоятельно двигать фигуры на «Великой шахматной доске» [3].

На Ближнем и Среднем Востоке в XXI веке произошел ряд военных конфликтов, и их разжигание не обошлось без прямого и косвенного участия США. Они, прикрываясь глобальной борьбой против «мирового терроризма», а потом и выдвинутой ими идеей «демократизации» местных режимов, сначала развязали агрессию против Афганистана (2001), Ирака (2003), а затем (с 2011 г.) приняли участие в нападениях на Ливию и Сирию. Но увязли в реализации своих намерений по строительству их государственности по предложенному ими образцу, то есть чуждой народам этих стран западной, либеральной модели. Это второе доказательство – неспособность США довести до конца свои начинания. Или они и не предусматривались, ведь хаос, в том числе в форме вооруженных столкновений, им выгоден? [2]

Начнем, нарушив хронологию, с событий в Ираке, где первая фаза операции западной коалиции «Свобода Ираку» (19 марта – 1 мая 2003 гг.) в политическом отношении достигла своей цели: свергла режим С.Хусейна и заменила его на проамериканскую администрацию. Однако долголетняя вторая фаза операции (2003–2010 гг.) не привела к постконфликтному урегулированию и стабилизации обстановки в стране: с развертыванием сопротивления оккупационным силам здесь так и не укрепились позиции марионеточного «либерального» правительства, но при этом резко обострились этноконфессиональные противоречия. В итоге Ирак превратился в базу «международного терроризма», расширив его влияние на соседние государства. Возросла террористическая угроза в других районах Азии, Африки и Европы, после того как профессиональные джихадисты из разных стран прошли здесь обкатку в боевых

действиях и подрывной деятельности. Это ли не доказательство невежества США в отношении мусульманского Востока и переоценки ими своих возможностей? [2]

Опустим бесславные страницы боевых действий многонациональных сил (МНС) против иракского сопротивления, начнем с того, что 31 декабря 2008 г. истекал срок мандата Совета Безопасности ООН на их применение в стране. Незадолго до этого, 17 ноября 2008 г., после продолжительного согласования было подписано двустороннее американо-иракское соглашение о пребывании контингента вооруженных сил (ВС) США: оно предусматривало уход американцев из иракских населенных пунктов к июлю 2009 г., а полный их вывод из страны намечался на конец 2011 г. Действительно, к концу августа 2010 г. из Ирака были выведены 90 тыс. военнослужащих США и все военные контингенты МНС. Это представлялось достаточно значимым шагом. Напомним, что максимальная численность ВС США в Ираке достигала 170 тыс. человек.¹ В стране осталось менее 50 тыс. американских военнослужащих, часть из них должна была находиться в Ираке до конца 2011 г. [2]

Президент США Барак Обама 1 сентября 2010 г. заявил о завершении операции «Свобода Ираку». Тогда же вице-президент Джо Байден объявил о начале в Ираке не боевой операции ВС США «Новый рассвет» и ее руководителе – генерале Ллойде Остине (первый впоследствии стал президентом США, а второй – министром обороны в его администрации) [2]. Что касается внешней политики президента Б.Обамы, то она характеризовалась противоречивостью, особенно если сравнивать его предвыборные обещания и реальные действия на посту президента. Если в отношении Ирака можно отметить определенную их последовательность – он все-таки, хотя и на время, вывел американские войска из страны, то по Афганистану она полностью отсутствовала. В должности президента войну в Афганистане он называл «необходимой» для защиты государственной безопасности, а иракскую войну – «альтернативным выбором» прошлой администрации². В телеобращении к нации Б.Обама признал: «Благодаря выводу наших войск из Ирака мы теперь сможем использовать необходимые ресурсы для продолжения наступления» (в Афганистане. – М.С.)³. То есть в Афганистане военные усилия США – а значит, численно и их войска – росли одновременно с сокращением их в Ираке. В той же речи он сообщил, что в августе 2011 г. США начнут передачу афганцам обязанностей по обеспечению безопасности в стране, от которой будут зависеть темпы сокращения американского присутствия⁴. Как известно, ни в 2011 г., ни десять лет спустя ситуация в Афганистане так и не стабилизировалась, а

1 Ворошилов Д. Операция «Иракская свобода» окончена, заявил Обама. РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20100901/270934576.html>.

2 От вывода до увеличения войск в Афганистане: почему США противоречат сами себе? // «Жэньминь жибао» онлайн. 2014. 10 декабря. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1210/c95181-8820845.html>.

3 «Афганский излом» США // БКС Экспресс. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/afganskiy-izlom-ssha>; Баранов Е. Барак Обама выполнил предвыборные обещания: США вывели боевые части из Ирака // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2010-09-05/136512-barak-obama_vypolnil_predvybornye_obescheniya_ssha_vyveli_boevye_chasti_iz_iraka.

4 Президент США объявил о завершении боевых действий в Ираке // Смотрим. URL: <https://smotrim.ru/article/2053988>.

американские войска оставались в нем, пока их эвакуация не стала больше похожа на бегство.

Сам факт переброски американских сил из Ирака в Афганистан о многом говорит. И о том, что американские возможности все же не безграничны, и о том, что они завязли во многих военных конфликтах и уже не могут все их «обслуживать» одновременно. И такое понимание в американских коридорах власти есть. А тогда «миротворец» Б.Обама, получивший Нобелевскую премию в 2009 г., начал наращивание мускулов в Афганистане за счет сокращения войск в Ираке. Это факт и еще одно доказательство вынужденной взаимозависимости внешнеполитических усилий США [2].

Еще один факт из истории военных конфликтов – кризис вокруг Ливии, инициатором которого, а также применения ВС для его «разрешения» выступили европейские страны, в первую очередь Франция. В политической элите ряда государств Европы тогда возобладали реваншистские настроения и тоска по былому колониальному «величию». США долго воздерживались от активного участия в нем, ссылаясь на незаконченную войну в Афганистане. Но когда агрессия стала реальностью, то США не увидели для себя иной альтернативы, кроме как возглавить ее, тем более что их не устраивала возможная лидирующая роль в этом другой страны НАТО. Они все еще полагали себя единоличным мировым лидером, хотя некоторые европейские страны уже в этом сомневались и видели определенное ослабление позиций США, что побуждало их играть более активную роль в своих бывших колониях [2].

Разногласия в НАТО по вопросу руководства военной операцией не позволили создать единую систему управления и начать антиливийскую кампанию по единому плану. С 19 по 31 марта 2011 гг. разные страны планировали свои действия самостоятельно, и потому велись операции США – «Начало Одиссеи» («Odyssey Dawn»), Франции – «Харматан», Великобритании – «Эллами», Канады – «Мобайл» и др. Однако уже тогда общее руководство ими перехватило африканское командование ВС США (АФРИКОМ), координировавшее свои действия с представителями антиливийской коалиции⁵. Лишь с 31 марта началась общая военная операция «Объединенный защитник» («Unified Protector»). Ею руководил блок НАТО, в котором американцы занимают главенствующие позиции. Это устроило США. Напрашивается вывод, что если бы не обстоятельства, то США постарались бы избежать своего военного участия в ливийских событиях, так как не хотели, да и не были способны к тому времени распылять силы на несколько военных конфликтов одновременно. Вот еще один факт, который необходимо учитывать [2].

При этом ситуация в Ираке и Афганистане развивалась не так, как планировалось заокеанскими политиками, а в Ливии они не управляли событиями, как хотели бы, а следовали вслед за ними. Здесь, как в Афганистане и Ираке, хотя и была достигнута политическая цель операции – свержение режима М.Каддафи, страна так и осталась в состоянии перманентной войны, а участники вторжения не получили в полной мере ожидавшихся дивидендов от нее [2].

5 О международной военной операции в Ливии (некоторые особенности боевых действий) // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/28-03-11.htm>

ША не удалось (или не хотелось?) добиться стабильности и в Ираке. В 2013 г. в стране произошло очередное обострение обстановки. Оно было связано с переходом организации «Исламское государство Ирака» (впоследствии – «Исламское государство Ирака и Леванта» – ИГИЛ, а затем и просто «Исламское государство» – ИГ)⁶ от террора к наступательным действиям с целью установления своего контроля над территорией страны. Это потребовало прямого участия ВС США. С августа 2014 г. они были вынуждены начать применение авиации в Ираке, а затем и приступить к формированию коалиции для борьбы против этой организации. Военная операция коалиции получила название «Непоколебимая решимость» («Inherent Resolve»). К концу 2017 г. позиции ИГ в Ираке были значительно подорваны. Однако сама организация и ее вооруженные формирования продолжали пользоваться поддержкой части местного населения, особенно в так называемом суннитском треугольнике [2]. Премьер-министр Ирака Х.аль-Абади 9 декабря 2017 г. объявил об окончании в стране военных действий против ИГ⁷. Однако руководитель пресс-службы американского Госдепартамента Хезер Науэрт отметил, что «...это не означает, что борьба с терроризмом там окончена». США и созданная ими контртеррористическая коалиция продолжали оказывать помощь ВС и службам безопасности Ирака⁸. Не в этом ли была их цель? Ведь лоббируемые американским истеблишментом компании военно-промышленного комплекса (ВПК) США продолжали богатеть на продолжающихся военных действиях.

В начале февраля 2018 г. появились первые сообщения о сокращении численности военнослужащих США в Ираке и переброске их в Афганистан. Официальный представитель Объединенной оперативно-тактической группы по проведению операции «Непоколебимая решимость», полковник армии США Райан Диллон 26 февраля 2018 года заявил, что «...ИГИЛ⁹ по-прежнему представляет угрозу... Коалиция будет продолжать предоставлять иракцам разведданные и услуги советников, а также обеспечивать подготовку и поставлять технику для преодоления этих вызовов...»⁹. Кто бы сомневался в этом?

Что же Афганистан? Президент США Б.Обама, как уже было отмечено, смешил акценты в подходах к Ираку и Афганистану. Еще в феврале 2009 г. он направил 17 тыс. военных в Афганистан. 4 июля 2010 г. руководство Международными силами обеспечения безопасности (МССБ, или ISAF) перешло к американскому генералу Дэвиду Петраeusу. Его назначение с должности командующего ОЦК ВС США связывали с

6 * Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

7 Ирак объявил о победе над ИГИЛ // Euronews. URL: <http://ru.euronews.com/2017/12/09/iraq-announces-victory-over-islamic-state>.

8 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

9 Полковник Райан Диллон. Объединенная оперативно-тактическая группа по осуществлению операции «Непоколебимая решимость» // US Department of State. URL: <http://ru.euronews.com/2017/12/09/iraq-announces-victory-over-islamic-state>.

важностью достижения успехов в войне в Афганистане. Напомним, прежде он отличился в борьбе с повстанческим движением в Ираке. А на саммите НАТО в Лиссабоне (Португалия) в ноябре 2010 г. в одобренной стратегической концепции на последующие 10 лет одним из ключевых приоритетов Альянса была обозначена миссия в Афганистане. Передача обязанностей по обеспечению безопасности в стране афганским силовым структурам должна была завершиться до конца 2014 г.¹⁰ Поэтому, помимо участия в боевых действиях, усилия НАТО были сосредоточены на подготовке афганских новобранцев, которая раньше практически не проводилась [2].

Однако, несмотря на начало передачи ответственности за безопасность афганским силовым структурам, численность иностранных войск в стране росла. В 2010 г. она превысила 105 тыс. человек. В марте 2011 г. численность американских военнослужащих возросла до 90 тыс. человек (плюс 16 тыс. американских военнослужащих под командованием МССБ), британских – до 9,5 тыс., германских – до более 4,9 тыс. человек¹¹. Но объявленное завершение миссии МССБ требовало их сокращения, и к 30 сентября 2013 г. иностранные силы были доведены до 65 522 человек (39 253 американца и 26 269 военнослужащих из других стран)¹².

Посвященная завершению деятельности МССБ церемония состоялась 28 декабря 2014 г. в штабе войск коалиции в Кабуле. Инициированная США в 2001 г. операция «Несокрушимая свобода», не имевшая временных и географических рамок, в Афганистане продолжилась под названием «Страж свободы» («Freedom's Sentinel»). Одновременно командующий МССБ американский генерал Джон Кэмпбелл поднял флаг новой учебно-тренировочной миссии (УТМ) «Решительная поддержка» («Resolute Support»). Обе операции требовали участия зарубежных военных контингентов, что было закреплено подписанными 30 сентября 2014 г. в Кабуле «Соглашением о сотрудничестве в сферах безопасности и обороны между Соединенными Штатами и Исламской Республикой Афганистан» и «Соглашением о статусе сил» (Status of Forces Agreement – SOFA)¹³.

Мандат УТМ «Решительная поддержка» численностью 12,5 тыс. человек (10,8 тыс. американцев) первоначально был рассчитан на 2015–2016 гг. Ее сотрудникам запрещалось принимать участие в боевых действиях, однако эти ограничения не распространялись на коалиционные силы, привлекавшиеся к операции «Страж свободы». УТМ неоднократно продлевалась, что, вкупе с полной зависимостью афганских силовых структур от внешнего финансирования, вроде бы гарантировало бесконечное присутствие, а значит, и влияние США в «сердце Азии». В 2017 г. это под-

10 Декларация Лиссабонского саммита НАТО // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=4446>.

11 ISAF – Troop numbers and contributions. NATO/ISAF contributions by country. March 2011 // ISAF. URL: <http://www.isaf.nato.int/troop-numbers-and-contributions/index.php>.

12 Плеханов И. Военные новости: Афганская арифметика // ИносМИ. URL: <http://www.inosmi.ru/overview/20131112/214697842.html>.

13 Agreement between the North Atlantic Treaty Organization and the Islamic Republic of Afghanistan on the Status of NATO Forces and NATO personnel conducting mutually agreed NATO-led activities in Afghanistan // NATO-OTAN. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_116072.htm?selectedLocale=en.

твердил министр обороны новой администрации США Джеймс Мэттис, заявив, что потребуется долговременное присутствие США в Афганистане¹⁴. Новая же стратегия президента Дональда Трампа, обнародованная 21 августа 2017 г., вновь опиралась на военную силу и не оговаривала сроки решения афганской проблемы. Судя по сообщениям прессы, она предусматривала отправку в Афганистан около 4 тыс. человек в дополнение к уже находившимся там 11 тыс. военнослужащих, а также широкое применение частных военных компаний для того, чтобы скрыть от общественности реальную численность иностранных войск¹⁵.

В 2018 г. начались прямые переговоры между США и Исламским движением «Талибан» (ИДТ)¹⁶. Бесперспективность продолжения борьбы против «международного» терроризма на афганской почве, невозможность достижения здесь какой-либо «победы» силовым путем обусловили значительные уступки талибам. В Дохе (Катар) 29 февраля 2020 г. между сторонами было подписано «Соглашение о мире в Афганистане между Исламским Эмиратом Афганистан, которое США не признается в качестве государства и известно как движение «Талибан»¹⁷. Оно позволило американцам объявить о собственной победе, а ИДТ продолжить борьбу против правительственные сил Исламской Республики Афганистан (ИРА). Когда же президент США Джо Байден 14 апреля 2021 г. заявил: «Пришло время положить конец самой длинной войне Америки, пришло время вернуть наших военных домой»¹⁸, – инициатива ведении войны полностью перешла к ИДТ¹⁹ [2].

Талибы 15 августа 2021 г. без боя вошли в Кабул. Силы безопасности ИРА не оказали им сопротивления ни здесь, ни в провинциях. Они попросту разбежались или сдались на милость победителей. И это те силы (армия, полиция и спецслужбы), которые в течение 20 лет щедро снабжались и вооружались США и их союзниками. Их численность была доведена более чем до 300 тыс. человек, создана необходимая военная инфраструктура и поставлены вооружения на миллиарды долларов. В итоге все это досталось ИДТ²⁰. Правительственные чиновники во главе с марionеточным «президентом» и депутаты парламента бежали в соседние страны. Этим была поставлена точка в усилиях Запада по «демократизации» Афганистана. Радикальное ИДТ, свергнутое в 2001 г. и последующие 20 лет бывшее главным противником коллективного Запада, повторно пришло к власти в Афганистане [2].

Спрашивается, за что два десятилетия боролись США и их союзники? Или в конце второго десятилетия нового века они предвидели, что их ждут новые «заботы» в другой части «Великой шахматной доски»? Не будем, однако, преувеличивать

14 Пентагон решает вопрос об увеличении присутствия своих войск в Афганистане // Афганистан.Ру. URL: <http://afghanistan.ru/doc/111139.html>.

15 Волков В. Новая афганская стратегия Трампа: чего ждут в Центральной Азии // DW. URL: <http://www.dw.com/ru/новая-афганская-стратегия-трампа-чего-ждут-в.../a-40417009>.

16 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

17 Байден объявил о начале вывода войск США из Афганистана с 1 мая // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/761296>.

прогностические способности западных теоретиков от политики. Но и преуменьшать их незачем. Ведь претензии на руководство миром США остались, их усилия по созданию так называемого «управляемого хаоса» очевидны всем непредвзятым наблюдателям, также очевидна и невозможность для США ввязываться сразу же в несколько военных конфликтов. Последнее указывает на их прогрессирующую слабость в XXI веке, когда предварительный вывод войск из одного места предшествует наращиванию их в другом, то есть сосредоточению усилий на наиболее важном направлении [2].

Не в этом ли ряду и поспешный вывод войск из Афганистана? Ведь зрели события в Европе. Бывшие советские прибалтийские республики проводили русофобскую политику: несмотря на свою экономическую и военную слабость, возлагали надежды на НАТО и следовали навязанному США курсу на обострение отношений с Россией. То же можно сказать и о Польше, где никогда не затухали реваншистские настроения и тоска по былому величию Речи Посполитой. На Украине обolvанивание выросшего после развала СССР населения достигло той степени, что оно приняло на веру нацистские идеи и в 2014 г. совершило государственный переворот. С помощью США и НАТО ВС страны укрепились настолько, что, как полагали украинские руководители и были убеждены их зарубежные кураторы, это позволяло начать «освобождение» территорий в Крыму и на Донбассе, ссылая огромные прибыли ВПК и дивиденды миротворцев представляющим его политикам, точнее, лоббирующим их интересы в органах власти. А события в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии показали, что США готовы заграбать жар лишь чужими руками, разделяя ответственность с союзниками, входящими в созданные ими коалиции, и перекладывая в итоге обязанности по ведению боевых действий на местные силы [2].

Удобная позиция, но вполне объяснимая с точки зрения военной науки, когда в действительности существует так называемый «облачный противник», но его как бы и нет, а его структурные элементы находятся вне районов боевых действий [3, с. 656]. Здесь только «одноразовые боевики», в нашем случае представляющие «вооруженные силы Украины» и наемников из разных стран, а истинные заказчики – США, НАТО и Европейский союз – кукловодят ими и вооружают из-за ширмы принятых среди них правил, апеллируя время от времени к международным нормам и принципам ООН. Отсюда и война до последнего украинца, ведь этого народа не жалко, а вот своих военнослужащих нужно беречь, оттого что могут возмутиться собственные избиратели. А максимально «бескровная война» для Запада вполне приемлема, и она уже апробирована на мусульманском Востоке, где местные комбатанты и мирное население несли потери в десятки человеческих жизней, если не в сотни раз больше, чем иностранные «миротворцы».

За войну на Украине платят заокеанские спонсоры, платит и так называемая цивилизованная Европа, но деньги берутся из бюджетов, куда они поступают от налогоплательщиков. Эти средства возвращаются сторицей, но исключительно в карман производителей оружия, а население, то есть налогоплательщики и (они

же) избиратели, нищает. Вот уж кому война, а кому мать родна! Долго ли это будет продолжаться? Судя по опыту Афганистана, долго, ведь на долгие годы будет загружен ВПК, а для простых граждан уже запущена мощная пропагандистская машина, оправдывающая траты и, соответственно, их лишения лозунгами «борьбы за демократию» и достижения свободы «угнетенной нации». Информационная борьба достигла небывалого накала, в ней пока доминируют замалчивающие реальное положение дел западные медиа, а иные, пытающиеся доносить правду, по просту закрываются и не допускаются в информационное пространство. Вот такая свобода слова!

С точки зрения военного искусства запрещенные методы войны – издевательства над пленными, обстрелы мирных граждан, использование их в качестве «живого щита» и т.п., – ранее присущие лишь разного рода экстремистам, давно уже принятые на вооружение Украиной. И дело здесь далеко не в асимметрии военных действий, ведь украинские политики и СМИ не устают вешать о своей силе и правоте. Все дело в идеологии – нацистской, наличие которой невозможно скрыть, так как давно уже возвеличиваются идейные националисты и пособники немецких оккупантов Степан Бандера, Роман Шухевич и другие.

Выводы

После поражения в Афганистане и поспешного вывода войск из этой страны США переключились на другую часть «Великой шахматной доски», более близкую к России, против которой всегда была направлена их политика и на Востоке, и в Европе, и по всему миру. Они взрастили союзника в лице Украины, руководство и часть населения которой исповедует нацистскую идеологию. Но за океаном этого не замечают, ведь ее реальная политика направлена против России, а, по мнению США, которому безоговорочно следуют европейские страны, это главный противник так называемого цивилизованного мира. Но все империи когда-нибудь да рушатся [2]. Даже один из главных американских русофобов и одновременно политиков, признавая это, отмечал, что «...глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте» [1, с. 43]. А в Евразии, помимо американских пешек среди стран ЕС и примкнувшей к нему Украины, есть еще и ферзи, среди которых вполне достаточно будет упомянуть Россию и Китай [4].

* Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Список источников

- Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) [Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives] / Пер. О.Ю. Уральской. Москва: Межд. отношения, 1998. 256 с. См: Brzezinski, Zbigniew K. Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. 223 р.
- Слинкин М.М. Афганистан и «Великая шахматная доска» [Afghanistan and the Grand Chessboard]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/150168.html>.
- Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли [War of the Future: Conceptual Foundations and Practical Conclusions. Essays on strategic thought]. Москва: Кучково поле, 2017. 832 с.

Информация об авторе

СЛИНКИН Михаил Михайлович. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, <https://orcid.org/0000-0003-2287-9039>. Адрес: 142121, Московская обл., г. Подольск, ул. Академика Доллежала, д. 24, кв. 67. mikhail.slinkin@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 марта 2023. Одобрена после рецензирования: 1 мая 2023. Принята к публикации: 15 мая 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Brzezinski Z. Grand chessboard (American Primacy and Its Geostrategic Imperatives) / Trad. O.Yu. Uralakaja. Moscow: International relations, 1998: 256 [In Russian]. See also: Brzezinski Zbigniew K. Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997:223 [In English].
- Slinkin M.M. Afghanistan and the Grand Chessboard. Available from: <https://afghanistan.ru/doc/150168.html> [In Russian].
- Popov I.M., Khamzatov M.M. War of the Future: Conceptual Foundations and Practical Conclusions. Essays on strategic thought. Moscow: Kuchkovo field, 2017:832 [In Russian].

About the author

Mikhail M. SLINKIN. Cand Sc (Hist), Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-2287-9039>. Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow. mikhail.slinkin@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Submitted: March 2, 2023. Approved after peer review: May 1, 2023. Accepted for publication: May 15, 2023. Published: June 25, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-80-93](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-80-93)

Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана

Рустам Баходирович Махмудов[✉]

Университет мировой экономики и дипломатии, Институт
перспективных международных исследований, Ташкент, Республика
Узбекистан
rmaxmudov@uwed.uz, <https://orcid.org/0000-0002-1030-2200>

Аннотация: В статье рассматриваются основные положения современной внешней политики Узбекистана на афганском направлении, которые оформились после начала реформ президента Шавката Мирзиёева в 2016 г. Афганистан в ней концептуально рассматривается не как источник угроз стабильности и безопасности, а как сумма возможностей для Узбекистана и региона Центральной Азии, преимущественно в их экономическом развитии. Узбекский подход можно охарактеризовать как опирающийся на комбинацию следующих факторов: поддержка установлению мира и стабильности в Афганистане; развитие торгово-экономического сотрудничества с Кабулом; продвижение Узбекистаном инициатив по большему участию мирового сообщества в налаживании мирной жизни в Афганистане; интеграция этой страны в продвигаемые Ташкентом проекты взаимосвязанности Центральной и Южной Азии. Подобный реалистичный подход отличается высоким уровнем гибкости, который позволил Узбекистану выстроить конструктивные отношения с афганскими властями как до событий 15 августа 2021 г., так и после них.

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан»¹, реформы в Узбекистане, экономизация, безопасность, урегулирование, взаимосвязанность, Центральная Азия, Южная Азия, железная дорога «Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар»

¹ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-80-93](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-80-93)

Political sciences

Afghan Vector of Modern Foreign Policy of Uzbekistan

Rustam B. Makhmudov[✉]

University of World Economy and Diplomacy, Institute of Advanced International Studies, Tashkent, Republic of Uzbekistan
rmaxmudov@uwed.uz, <https://orcid.org/0000-0002-1030-2200>

Abstract: The article discusses the foundations of the modern foreign policy of Uzbekistan in the Afghan direction. They were formed at the beginning of the reforms of President Shavkat Mirziyoyev in 2016. Their concept is that Afghanistan is seen not as a threat to stability and security, but as a set of opportunities for Uzbekistan and the Central Asian region, especially for their economic development. The Uzbek approach is based on the following principles: support for peace and stability in Afghanistan, Uzbekistan will contribute to the establishment of a peaceful life in Afghanistan and greater participation of the world community in this process; the integration of Afghanistan into projects for the development of relations between Central and South Asia, which are being implemented by Tashkent. Such a realistic approach allowed Uzbekistan to build flexible and constructive relations with the Afghan authorities both before and after the events of August 15, 2021.

Keywords: Afghanistan, 'Taliban', reforms in Uzbekistan, economization, security, settlement, interconnectedness, Central Asia, South Asia, «Termez – Mazar – I – Sharif – Kabul – Peshawar» railway

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Makhmudov R.B. Afghan Vector of Modern Foreign Policy of Uzbekistan. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2(8): 80-93, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-80-93](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-80-93)

Введение

До 2016 г. фактор Афганистана в рамках внешней политики Узбекистана рассматривался преимущественно сквозь призму обеспечения национальной и региональной безопасности. Однако после запуска реформ президента Шавката Мирзиёева во второй половине 2016 г. южный сосед стал все больше восприниматься не как источник вызовов и угроз, а как сумма возможностей в рамках генерального тренда на экономизацию внешнеполитической линии страны. Это, конечно, не означало, что вопросы безопасности отошли на второй план. Просто они были призваны создать благоприятные условия для развития торгово-экономических и инвестиционных отношений. Примечательно, что вызвавший широкий резонанс в мире и регионе вывод американских и натовских контингентов, сопровождавшийся быстрым наступлением талибов и коллапсом правительства Ашрафа Гани в августе 2021 г., в целом не внес коренных изменений в новый подход Узбекистана.

В работе автор опирался на результаты исследований авторов: А.А.Князев [1], Р.Махмудов [2], С.Т.Мирзоев [3], И.А.Сафранчук [4], М.А.Конаровский [4], Г.Г.Мачитидзе [4], Д.Н.Чернов [4], А.Д.Несмашный [4], В.М.Жорнист [4], З.С.Саримсоков [5].

Цель статьи – показать логику внешней политики Узбекистана, одним из проявлений которой является политика в отношении Афганистана, сформировавшаяся и реализуемая после начала реформ в стране и смены ключевых приоритетов во внутреннем развитии, что нашло свое непосредственное отражение во внешнеполитическом курсе.

Также статья призвана привлечь внимание научного и экспертного сообщества к изучению опыта Узбекистана в выстраивании политики на афганском направлении, ставящей перед собой не только цели регионального характера, но и призванной создать благоприятные условия для формирования пространства взаимосвязанности Центральной и Южной Азии.

Материалы и методы

В качестве материалов были использованы статистические данные, касающиеся двусторонних торгово-экономических отношений Узбекистана и Афганистана в период 2016–2022 гг., а также заявления и выступления официальных лиц Республики Узбекистан, отражающие позицию государства и инициативы в отношении мирного процесса, восстановления и интеграции Афганистана в региональные торгово-экономические и транспортные связи.

На основе системного анализа и применения сравнительно-исторического метода была выявлена группа ключевых детерминант современной узбекской политики, формирующих ее уникальные подходы на афганском направлении в логике их развертывания после начала нового внешнеполитического курса страны в 2016 г.

Результаты исследования

Политика Узбекистана в отношении Афганистана до 15 августа 2021 г.

Избрание президентом Узбекистана Шавката Мирзиёева символизировало собой смену базовой парадигмы в развитии страны. Во внешней политике произошло переосмысление ее базовых констант – фокус внимания сместился с приоритета на максимизацию безопасности, преобладавшего в 1990-х и первом десятилетии 2000-х гг., в сторону обеспечения социально-экономических реформ в соответствии с современными реалиями и системообразующими трендами глобальной экономики. Новый внешнеполитический курс получил в экспертной среде название «экономизация» [2].

В рамках новой политики ключевое внимание стало уделяться использованию потенциала сотрудничества с региональными странами, которые рассматриваются как естественные рынки сбыта для узбекской продукции. Нужно отметить, что до 2016 г. этот потенциал не использовался в полную силу по причине имевшихся разногласий с рядом стран ЦА по водным и пограничным вопросам.

Новый курс президента Шавката Мирзиёева показал, что зачастую острота и глубина ранее имевшихся противоречий серьезно преувеличивалась. Доказательством этого стала быстрая нормализация отношений с Кыргызстаном и Таджикистаном, сопровождавшаяся взрывным ростом двусторонней торговли и расширением гуманитарных контактов. Также быстрыми темпами стала развиваться торговля с Казахстаном. Согласно данным Госкомстата РУ, с 2017 по 2019 г. объем товарооборота Узбекистана с Казахстаном вырос с 2,05 млрд до 3,367 млрд долл., с Кыргызстаном – с 253,7 млрд до 829 млн долл., с Таджикистаном – с 237,9 млрд до 497 млн долл. [2].

Несмотря на спад в товарообороте с некоторыми странами ЦА в период пандемии коронавируса, после ее завершения он быстро восстановился и вернулся на траекторию роста. Так, если торговля с Казахстаном в стоимостном выражении составила 3,005 млрд долл. в 2020 г., то в 2021 и 2022 гг. она увеличилась до 3,92 млрд и 4,621 млрд долл. соответственно. Астана стала третьим по значимости внешнеторговым партнером после России и КНР. Товарооборот с Кыргызстаном в 2022 г. достиг рекорда в 1,26 млрд долл. (6-е место), а с Туркменистаном остановился в шаге от 1 млрд – 926,3 млн долл. (8-е место). Последовательно рос товарооборот с Таджикистаном – 493,1 млн долл. (2020 г.), 605,6 млн долл. (2021 г.) и 674,4 млн (2022 г.)².

В новом «экономизированном» внешнеполитическом курсе большое внимание уделялось также Афганистану, который за время присутствия США в этой стране и масштабных вливаний в афганскую экономику донорских средств превратился в значимое экспортное направление для узбекских товаропроизводителей. При этом у Узбекистана традиционно наблюдался устойчивый профицит в торговле с Кабулом.

² Сближение с Россией, Китай – главный поставщик. Как изменилась внешняя торговля Узбекистана в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/01/24/trade-partners/>.

Если в 2019 году он составил 431,2 млн долл. (экспорт – 433,3 млн, импорт – почти 2,1), то в рекордный для двусторонней торговли коронавирусный 2020 г. – 774,4 млн долл. (экспорт – 776,7 млн, импорт – 2,3 млн)³.

Афганский рынок, на который приходится 5% всего узбекского экспорта, стал двигателем экономической активности в целом ряде секторов экономики Узбекистана, о чем свидетельствует товарная номенклатура. В 2020 г. в Афганистан было экспортировано 662 товарных наименования. Из них львиная доля экспорта пришлась на поставки пшеничной муки (28,1%), электроэнергии (17,2%), услуг в сфере грузовых железнодорожных перевозок (25,3%). Быстро рос экспорт цемента (на 21% по сравнению с 2019 г.) и продукции черной металлургии (26,6%)⁴.

По состоянию на 2021 г., Афганистан был крупнейшим торгово-экономическим партнером Узбекистана из всех стран Южной Азии. На него пришлось 48,9% от всего объема товарооборота, на Индию – 35,6%, Пакистан – 13,2% и Бангладеш – 2,1%⁵.

Между тем потенциал экономических отношений с Афганистаном на тот момент рассматривался как далекий от его полноценной реализации, что ставило перед правительством и внешнеполитическим ведомством Узбекистана задачу вывести двустороннее сотрудничество на качественно и количественно новый уровень. Как показывает анализ внешнеполитической активности Ташкента в отношении Афганистана в период 2016–2021 гг., его шаги на афганском направлении приняли проактивный характер и фокусировались на трех направлениях.

Первое направление – это стимулирование усилий международного сообщества по поиску модели мирного урегулирования афганского конфликта. Нужно сказать, что период 2016–2021 гг. характеризовался ростом военно-политической нестабильности в Афганистане. Так, по данным Миссии ООН по содействию Афганистану (UNAMA) и Управления ООН по правам человека, в 2018 г. было зафиксировано 3 804 погибших и 7 189 раненых среди гражданского населения, среди которых 927 детей. Причиной 63% жертв стали действия антиправительственных сил (АПС) – «Талибан»* (37%), ИГИЛ⁶-Хорасан (20%) и 6% – неустановленных АПС. Проправительственные силы были ответственны за 24% жертв⁷.

Очевидно, что подобная тенденция внушала растущие опасения за будущее развитие ситуации на афганском внутриполитическом поле. В этой связи Узбе-

3 Afghanistan trade balance, exports and imports by country 2019 [Electronic resource]. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/AFG/Year/2019/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country>.

4 Узбекистан – Афганистан: перспективы экономического сотрудничества в новых реалиях [Электронный ресурс]. URL: <https://xs.uz/ru/post/uzbekistan-afghanistan-perspektivu-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-v-novykh-realiyah>.

5 Инфографика: Торговля Узбекистана со странами Южной Азии 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://review.uz/post/infografika-torgovlya-uzbekistana-so-stranami-uzjnoi-azii-2021>.

6 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+.

7 Afghanistan. Protection of civilians in arm conflict Annual report 2018 [Electronic resource]. URL: <https://unama.unmissions.org/civilian-deaths-afghan-conflict-2018-highest-recorded-level-%E2%80%93-un-report>.

кистан выступил с инициативой проведения международной конференции по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие». Мероприятие прошло в Ташкенте в марте 2018 г., и в ходе него президентом Шавкатом Мирзиёевым было озвучено узбекское видение урегулирования афганского конфликта, заключавшееся в продвижении всеобъемлющего мирного процесса на следующих трех взаимосвязанных и взаимозависимых уровнях:

- на внутриафганском уровне, где необходимо было обеспечить запуск прямого диалога без предварительных условий между центральным правительством и основными силами вооруженной оппозиции, прежде всего движением «Талибан»*;
- на региональном уровне, с целью обеспечить достижение прочного консенсуса при поддержке Пакистана, Индии, Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Катара и стран Центральной Азии;
- на глобальном уровне, на котором необходимо было обеспечить принципиальную политическую поддержку мирному процессу и финансовое содействие социально-экономическому восстановлению Афганистана со стороны ведущих мировых держав и донорских организаций⁸.

Позже, уже в 2020 г., Узбекистан положительно воспринял превращение столицы Катара Дохи в переговорную площадку по афганскому урегулированию. Как заявил президент Шавкат Мирзиёев в своей речи на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН,

...мы полностью поддерживаем начавшиеся в сентябре этого года в городе Дохе мирные переговоры между политическими силами Афганистана. Выражаем надежду, что эти переговоры будут способствовать установлению мира и стабильности на многострадальной афганской земле⁹.

Вторым направлением, где проявился проактивный характер узбекской политики, стало продвижение инициативы по созданию прочной основы для сотрудничества Центральной и Южной Азии с участием Афганистана. Импульс этой стратегической линии придала прошедшая 15–16 июля 2021 г. в Ташкенте международная конференция «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность». Расширение сотрудничества между двумя регионами должно было положительно отразиться на общей системе безопасности в Евразии, способствовать наращиванию масштабов торгово-экономических и инвестиционных отношений, развитию культурно-гуманитарных связей. Афганистан в этом плане рассматривался как один из

8 Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции по Афганистану: «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» [Электронный ресурс]. URL: <https://uza.uz/ru/posts/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye-27-03-2018>.

9 Шавкат Мирзиёев: Мы воспринимаем Афганистан как неотъемлемую часть Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://uzreport.news/politics/shavkat-mirziyoev-mivospriimaiem-afghanistan-kak-neotemlemeyu-chast-tsentralnoy-azii>.

ключевых бенефициаров, поскольку непосредственно через его территорию должна была бы осуществляться львиная доля транспортных грузоперевозок. В качестве катализатора грузоперевозок Ташкентом был предложен проект строительства железной дороги «Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар», благодаря которому через Афганистан пошли бы грузы из Центральной и Южной Азии, стран СНГ, Европы, Юго-Восточной Азии и Китая¹⁰.

В качестве третьего направления афганского вектора политики Узбекистана в период 2016–2021 гг. можно отметить поиск и создание дополнительных стимулов и платформ для наращивания экономического сотрудничества с Афганистаном. В 2017 году была подписана дорожная карта по увеличению двустороннего торгово-оборота до 1,5 млрд долларов, включая более 40 контрактов на более чем 500 млн долл. на поставку узбекской продукции на афганский рынок.

Также было заключено соглашение о строительстве линии электропередач на «Сурхан – Пули Хумри» для стабильного энергоснабжения Кабула¹¹. Контракт о проектировании, строительстве и эксплуатации ЛЭП на территории Афганистана был подписан между «Национальными электрическими сетями Узбекистана» и Da Afghanistan Breshna Sherkat в декабре 2020 г., после чего началась его реализация, которая была приостановлена в июле 2021 г. на фоне резкой активизации боевых действий в Афганистане. Узбекистану удалось на тот момент завершить строительство части ЛЭП на своей территории¹².

Среди значимых шагов по наращиванию торгово-экономического сотрудничества можно выделить достигнутую сторонами в мае 2021 г. в Термезе договоренность об ускорении согласования проекта соглашения о преференциальной торговле для вывода торговли на уровень 2 млрд долл. в год¹³. В целях стимулирования транзитных грузоперевозок в / из Афганистана в 2016 г. был открыт «Термез Карго Центр» в Сурхандарьинской области в непосредственной близости от афганской границы [3].

Между тем политика Узбекистана в период президента Хамида Карзая и Ашрафа Гани не ограничивалась лишь экономическими интересами. Ташкент, рассматривая эту страну как «неотъемлемую часть Центральной Азии», неоднократно оказывал ей гуманитарную помощь. Можно отметить несколько партий гуманитарной помощи во время пандемии коронавируса в 2020 г. и открытие Образовательного центра для афганских студентов в 2018 г., в котором готовятся специалисты в об-

10 Узбекистан не только приспосабливается к новой международной среде, но и сам открывает окна возможностей для формирования новой реальности – эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/uzbekistan-ne-tolko-prisposablivaetsya-k-novoy-mezhdunarodnoy-srede-no-i-sam-otkryvaet-okna-vozmozhn/>.

11 Узбекистан и Афганистан становятся «лучшими друзьями»: что их связывает [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20210526/uzbekistan-i-afghanistan-stanovyatsya-luchshimi-druzyami-chto-ix-svyazyvaet-18917152.html>.

12 Срок начала строительства ЛЭП в Афганистане продлен до 31 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/26/surkhan/>.

13 Узбекистан и Афганистан становятся «лучшими друзьями»: что их связывает [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20210526/uzbekistan-i-afghanistan-stanovyatsya-luchshimi-druzyami-chto-ix-svyazyvaet-18917152.html>.

ласти преподавания узбекского языка и литературы, строительства и эксплуатации железных дорог¹⁴.

Узбекская политика в отношении Афганистана после возвращения к власти «Талибана»^{*}

Вместе с тем неожиданное для многих аналитиков быстрое падение Кабула 15 августа 2021 г. и установление талибами контроля над всей территорией Афганистана, в том числе и, казалось бы, ранее неприступным Панджшерским ущельем сразу после вывода американских войск, поставило все страны Центральной Азии перед необходимостью корректировки своей внешней политики исходя из новых реалий. Согласно заявлению официальных лиц Узбекистана, возвращение «Талибана» к власти не было для них неожиданностью, поскольку еще за два года до этого подобное развитие событий прогнозировалось и были получены четкие гарантии безопасности от главы политического офиса движения «Талибан» в Дохе (Катар) Муллы Абдул Гани Бародара¹⁵.

Понимая, что сложившаяся новая реальность в Афганистане дает возможность для завершения сорокалетнего конфликта, для Узбекистана важно было не допустить деградации гуманитарной ситуации в этой стране, тем более что на фоне прекращения международного финансирования и заморозки средств страны в западных банках афганская экономика и банковская система сразу же оказались на грани коллапса. Для недопущения этого Шавкат Мирзиёев на саммите ШОС в Душанбе 17 сентября 2021 г. призвал к размораживанию 9,5 млрд долларов афганских средств и оказанию содействия Афганистану в решении социальных проблем¹⁶.

Через несколько дней на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Узбекистана также призвал создать при ООН постоянно действующий комитет по Афганистану. Его целью было недопущение изоляции данного государства, при котором оно осталось бы наедине со своими проблемами¹⁷.

Исходя из логики недопущения гуманитарного кризиса в Афганистане, Узбекистан конструктивно и прагматично воспринял формирование Переходной администрации Исламского Эмирата Афганистан (временного правительства) сразу после взятия талибами Кабула¹⁸. Уже 7 октября 2021 г. состоялся визит в Кабул главы узбекского внешнеполитического ведомства Абдулазиза Камилова. В рамках визита он встретился с исполняющим обязанности главы МИД Афганистана Амир Ханом

14 Максим Енисеев. Узбекистан создает образовательный центр для афганских студентов [Электронный ресурс]. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/12/01/feature-01.

15 «Мы прогнозировали, что эти события произойдут». Президент – о ситуации в Афганистане // Газета.uz, 27 августа 2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/27/afghanistan-new/>.

16 Узбекистан предложил разморозить активы Афганистана в зарубежных банках. Что о них известно? // Газета.uz, 17 сентября 2021: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/17/frozen-assets/>.

17 Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан, 21 сентября 2021: <https://president.uz/ru/lists/view/4632>.

18 «Главное – не допустить гуманитарный кризис в Афганистане» – Садык Сафаев [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/13/afghanistan/>.

Муттаки, с которым были обсуждены вопросы двустороннего экономического сотрудничества в сфере транзита грузов, энергетики, торговли и реконструкции аэропорта в Мазари-Шарифе.

В целом позицию Узбекистана на конец 2021 г. в отношении Афганистана и произошедших в нем политических перемен можно свести к нескольким пунктам, озвученным А.Камиловым на второй министерской встрече в формате «Италия – Центральная Азия» 8 декабря 2021 г. Среди них:

- необходимость проведения конструктивного диалога с новыми властями Афганистана во избежание повторного превращения этой страны в т.н. «государство-изгой»;
- обеспечение гуманитарного коридора в Афганистан в целях недопущения гуманитарной катастрофы;
- принятие мер для снятия санкций, разморозки международных активов Афганистана и оказания ему помощи в восстановлении банковской системы;
- важность запуска разработки постконфликтной стратегии в отношении Афганистана и выделения в качестве приоритета его более активное вовлечение в региональные интеграционные процессы экономического характера и реализацию в этой стране социально-экономических проектов;
- выполнение новыми властями Афганистана взятых на себя международных обязательств: создание инклюзивного правительства, борьба с терроризмом и наркотрафиком, недопущение размещения на территории страны террористических группировок, прекращение контактов с ними, поддержка добрососедских связей со странами региона, соблюдение основных прав и свобод человека, в том числе женщин и национальных меньшинств¹⁹.

Дополнительные аспекты в обозначенную политическую линию Узбекистана в отношении Афганистана были привнесены в обращении Шавката Мирзиёева к участникам состоявшейся 26 июля 2022 г. в Ташкенте международной конференции «Афганистан: безопасность и экономическое развитие». Он, в частности, подчеркнул, что узбекский и афганский народы объединяют общие культурные, духовные и исторические ценности, а также единая религия и наследие предков. Кроме того, была отмечена неделимость безопасности Центральной Азии и Афганистана, поскольку без стабильности южнее Амударьи невозможно будет достичь безопасности и устойчивого развития Узбекистана и всей ЦА²⁰.

По мере укрепления позиций новых афганских властей, показавших способность удержать под контролем ситуацию и возвратить определенную экономическую активность в стране, несмотря на ограниченные финансовые возможности, политика Узбекистана вновь вернулась к приятию приоритетного внимания торгово-эко-

19 Узбекистан рассчитывает на содействие Италии в вопросах региональной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/12/09/italy/>.

20 Международная конференция «Афганистан: безопасность и экономическое развитие» (Ташкент, 26 июля 2022 г.): обращение Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева к участникам; итоговое Заявление страны-организатора [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/568/102089/>.

номическому сотрудничеству, продвижению взаимовыгодных инфраструктурных и транспортных проектов [3]. Тем более что сами талибы демонстрировали явную заинтересованность [5]. Об этом говорит состоявшаяся 6–7 декабря 2021 г. в Ташкенте узбекско-афганско-пакистанская встреча по обсуждению проекта строительства железной дороги «Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар»²¹. Также в конце декабря 2021 г. в ходе переговоров в Ташкенте стороны заявили о намерении продолжить строительство ЛЭП «Сурхан – Пули-Хумри»²².

Если проанализировать ситуацию в двусторонних отношениях в 2022 г., то можно отметить целый ряд положительных для Узбекистана и Афганистана событий и трендов. Среди них – рост двусторонней торговли до 759,9 млн долларов, что лишь ненамного уступало показателю 2020 г., когда у власти находился президент Ашраф Гани (779,1 млн долл.). На узбекский экспорт в 2022 г. пришлось 750,6 млн долл. (776,7 млн долл. – в 2020 г.). При этом вырос импорт афганских товаров и услуг – с 2,3 млн долл. в 2020 г. и 6,2 млн долл. в 2021 г. до 9,3 млн в 2022 г.²³

Среди значимых событий можно отметить завершение Ташкентом проекта оказания технической помощи по восстановлению аэропорта Мазари-Шарифа, который включал в себя ремонт аэронавигационного и метеорологического оборудования, реконструкцию взлетно-посадочной полосы и восстановление энергоснабжения²⁴.

В течение первого полугодия 2022 г. был зафиксирован быстрый рост транзитных грузоперевозок через Узбекистан и Афганистан в южном направлении, что может служить индикатором способности «Талибана» обеспечить безопасность транспортных коммуникаций. Объем грузоперевозок увеличился в 2,6 раза по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. до 330 тыс. тонн²⁵.

Благодаря определенной стабилизации Афганистана для Ташкента открылась возможность наладить прямые грузоперевозки с Исламабадом. Уже в ноябре 2021 г. в Пакистан был доставлен первый транзитный груз из Узбекистана, а в марте 2022 г. на узбекский рынок была доставлена через афганскую территорию первая партия пакистанского мяса. Индия также протестировала этот маршрут, отправив через Пакистан и Афганистан транзитный груз в Узбекистан²⁶.

Индикатором появившегося в этой связи позитивного настроя в узбекско-пакистанских отношениях можно считать разработку совместных планов по увеличе-

21 В Ташкенте состоялись международные переговоры по Трансафганскому коридору [Электронный ресурс]. URL: https://railway.uz/ru/informatsionnaya_sluzhba/novosti/26145/.

22 Узбекистан и Афганистан планируют возобновить строительство ЛЭП «Сурхан – Пули-Хумри» [Электронный ресурс]. URL: <https://xs.uz/ru/post/uzbekistan-i-afghanistan-planiruyut-vozobnovit-stroitelstvo-lep-surkhan-puli-khumri/>.

23 Сближение с Россией, Китай – главный поставщик. Как изменилась внешняя торговля Узбекистана в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/01/24/trade-partners/>.

24 При поддержке Узбекистана восстановлен аэропорт Мазари-Шарифа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/10/31/mazari-sharif/>.

25 Транзит грузов через Афганистан при «Талибане» вырос в разы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spot.uz/ru/2022/08/16/afghanistan-transit/>.

26 Узбекистан и Пакистан договорились нарастить товарооборот до \$1 млрд [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spot.uz/ru/2022/12/27/pakistan-trade/>.

нию объемов двусторонней торговли и инвестиций. Стороны достигли соглашения о преференциальной торговле, согласно которому на несколько десятков товаров будут снижены пошлины от 20 до 100%²⁷. Благодаря этому ожидается наращивание объемов двусторонней торговли со 181 млн долл. в 2021 г. до 1 млрд долл. в ближайшие годы²⁸.

Между тем, говоря о будущих контурах политики Узбекистана в отношении Афганистана при власти движения «Талибан»*, все же нельзя обойти вниманием потенциальные риски, которые могут оказывать влияние на ее поступательный характер. Хотя «Талибан» контролирует в целом ситуацию в стране, однако этот контроль все же остается недостаточно прочным в своей базовой основе. Речь идет, прежде всего, об экономике и гуманитарной ситуации. В настоящее время 6 млн афганцев находятся на грани голода, что является крайне опасным вызовом для власти талибов. Дальнейшее обострение ситуации с голодом пока позволяет сдерживать внешняя помощь. Более четверти из 40-миллионного населения получает продуктовые пакеты от World Food Program²⁹.

Смягчить остроту гуманитарной ситуации можно только посредством ускоренного развития национальной экономики через привлечение масштабных иностранных инвестиций, технологий и компетенций, но для этого новым властям необходимо будет получить международное признание, которого в обозримом будущем не будет, пока не будет создана инклюзивная политическая система и не будут защищены права женщин и девочек на обучение и работу. Готовы ли будут талибы меняться и идти на существенную либерализацию своих политических и ценностных подходов, а также по пути усвоения культурных основ Модерна, пока сложно сказать.

Тем не менее время не терпит, как не будет и ждать афганское общество естественной смены поколений в рядах «Талибана»*. Как показывает вся история этой страны, недовольство населения – это всегда мина замедленного действия, которая рано или поздно даст о себе знать. В этой связи интерес представляет мнение, высказанное спецпредставителем Президента РФ по Афганистану, директором Второго департамента Азии российского МИД Замиром Кабуловым в интервью индийскому журналу «The Week» в феврале 2023 г.

Согласно ему, талибы не научились управлять государством, хотя неоднократно заявляли, что усвоили уроки и не повторят прошлых ошибок:

«Талибан» иногда не может понять очень простых вещей, особенно когда нет никаких вызовов его власти. Я имею в виду серьезных соперников, которые могут его вытеснить.

27 Pakistan, Uzbekistan to sign PTA [Electronic resource]. URL: <https://tribune.com.pk/story/2346175/pakistan-uzbekistan-to-sign-ptt>.

28 Пакистан и Узбекистан подписали соглашение о расширении инвестиций и увеличении торговли [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/пакистан-и-узбекистан-подписали-соглашение-о-расширении-инвестиций-и-увеличения-торговли/2773335>.

29 Vanda Felbab-Brown. Afghanistan in 2023: Taliban internal power struggles and militancy [Electronic resource]. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2023/02/03/afghanistan-in-2023-taliban-internal-power-struggles-and-militancy/>.

Это не значит, что таких вызовов не будет. Это не будет кто-то со стороны. Но это будет нормальной реакцией афганского народа, потому что в сложившихся обстоятельствах ему будет очень трудно выжить»,

– отметил российский дипломат. По мнению Замира Кабулова, «Талибан» должен предпринять институциональные шаги для улучшения ситуации или, по крайней мере, открыть путь для такого улучшения, чего мы не видим в данный момент³⁰.

Выводы

Итак, подводя итоги, можно отметить, что политика Узбекистана, основанная на подходе, комбинирующем вопросы двустороннего экономического сотрудничества с Кабулом, продвижения на международном уровне инициатив по укреплению мира и оказанию помощи Афганистану в целях недопущения его очередного скатывания в пропасть нестабильности и гуманитарного кризиса и реализацию мер по интеграции этой страны в создаваемую сегодня систему торгово-экономических и транспортных отношений между Центральной и Южной Азией, представляет собой одну из самых концептуально оформленных линий среди государств, имеющих свои интересы на афганском поле. По мнению ряда экспертов, «Узбекистан находится в группе стран, занимающих наиболее конструктивные и позитивные позиции в отношении афганской проблемы» [1]. Как показали итоги 2021–2022 гг., эта линия уже приносит свои дивиденды для внешней политики и экономики Узбекистана, в том числе позволила ей мягко пройти период смены власти в Афганистане в августе 2021 г.

Вместе с тем дальнейший прогресс политики Узбекистана на афганском направлении будет во многом связан с шагами самих новых властей Афганистана во внутренней и внешней политике, с их способностью не просто контролировать внутриполитическую ситуацию, но и реализовывать меры экономической и социальной модернизации, без чего фактически невозможно будет запустить устойчивый экономический рост, повысить уровень доходов населения, получить международное признание и улучшить имидж страны на мировой арене.

30 Mandira Nayar. India, Pakistan need to show common sense on Afghanistan: Russia's special envoy Zamir Kabulov [Electronic resource]. URL: <https://www.theweek.in/theweek/more/2023/02/11/russian-presidential-envoy-to-afghanistan-zamir-kabulov-interview.html>.

* Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

*The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Список источников

1. Князев А.А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст [The Afghan policy of Uzbekistan: a comparative context] // Постсоветские исследования. 2023. № 3(6). С. 266-280.
2. Махмудов Р. Внешняя политика современного Узбекистана [Foreign policy of modern Uzbekistan. Russia and the New States of Eurasia] // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 1(1). С. 121-134. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.
3. Мирзоев С.Т. Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан [Afghanistan in the foreign policy of the Republic of Uzbekistan] // Вестник Педагогического Университета (Таджикистан). 2019. № 2(79). С. 278-284.
4. Сафранчук И.А., Конаровский М.А., Мачитидзе Г.Г., Чернов Д.Н., Несмашный А.Д., Жорнист В.М. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность: Доклад [Afghanistan after regime change: internal and international uncertainty: Report] // МГИМО. 2022. URL: https://mgimo.ru/upload/2022/03/MGIMO_Afghanistan_RUS.pdf
5. Саримсоков З.С. О возможных угрозах безопасности Узбекистана со стороны джихадистских движений Афганистана [On the possible threats to the security of Uzbekistan from the jihadist movements of Afghanistan] // Постсоветские исследования. 2022. №1(5). С. 39-49.

Информация об авторе

МАХМУДОВ Рустам Баходирович. Доцент Университета мировой экономики и дипломатии, ведущий научный сотрудник Института перспективных международных исследований (Республика Узбекистан), <https://orcid.org/0000-0002-1030-2200>. Адрес: Республика Узбекистан, Ташкент, 100007, пр-т Мустакиллик, 54, rmaxmudov@uwed.uz

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 марта 2023. Одобрена после рецензирования: 1 мая 2023. Принята к публикации: 15 мая 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Knyazev A.A. The Afghan policy of Uzbekistan: a comparative context. Post-Soviet Studies. 2023; 3(6):266-280 [In Russian].
2. Makhmudov R. Foreign policy of modern Uzbekistan. Russia and the New States of Eurasia. 2021; 1(L):121-134. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134 [In Russian].
3. Mirzoev S.T. Afghanistan in the foreign policy of the Republic of Uzbekistan. Bulletin of the Pedagogical University (Tajikistan). 2019; 2(79):278-284 [In Russian].
4. Safranchuk I.A., Konarovskiy M.A., Machitidze G.G., Chernov D.N., Nesmashny A.D., Zhornist V.M. Afghanistan after regime change: internal and international uncertainty: Report. MGIMO. 2022. Available from: https://mgimo.ru/upload/2022/03/MGIMO_Afghanistan_RUS.pdf [In Russian].

5. Sarimsokov Z.S. On the possible threats to the security of Uzbekistan from the jihadist movements of Afghanistan. Post-Soviet Studies. 2022; 1(5):39-49 [In Russian].

About the author

Rustam B. MAKHMUDOV. Associate Professor of the University of World Economy and Diplomacy, Leading Researcher of the Institute of Advanced International Studies (Republic of Uzbekistan), <https://orcid.org/0000-0002-1030-2200>. Address: 54, Mustakillik Ave., Tashkent, 100007, Republic of Uzbekistan, rmaxmudov@uwed.uz

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 2, 2023. Approved after peer review: May 1, 2023. Accepted for publication: May 15, 2023. Published: June 25, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

К вопросу о политике Казахстана по отношению к Афганистану

Нуридин Султанмуратов[✉]

Институт азиатских исследований. Алматы, Казахстан

Nuriddin.sultanmuratov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3711-4303>

Аннотация. Афганский вектор всегда занимал важное место во внешней стратегии независимого Казахстана, что в значительной степени обусловлено вопросами общей региональной безопасности. Именно фактор нестабильности в Афганистане, соответственно, связанные с данным моментом разного рода риски для центральноазиатских стран, исторически выступали движущей силой политики Республики Казахстан в указанном направлении. На этом фоне казахстанские власти с самого начала стремились активно вовлекаться в процессы стабилизации и укрепления мира в Афганистане, в том числе посредством оказания Кабулу прямого гуманитарного и экономического содействия. Подобная ситуация в известной мере создала условия для развития сотрудничества на межгосударственном уровне, что среди прочего отразилось на постепенном расширении взаимных торговых связей. На сегодняшний день Афганистан рассматривается в качестве одного из важных рынков для казахстанских производителей. Надо особо подчеркнуть, что в рамках двустороннего взаимодействия Казахстан всегда руководствовался политическим прагматизмом. Данный подход наглядно проявился после событий 2021 г., приведших к формированию нового афганского правительства представителями движения «Талибан»¹. Несмотря на непризнание новых афганских властей в соответствии с международными установками, Астана, как ответственный игрок, сохранила открытыми каналы коммуникации и продолжила диалог с Кабулом по наиболее насущным темам, которые прежде всего касались поддержки афганского населения в целях недопущения резкого ухудшения

¹ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

обстановки в стране. Это отвечает интересам не только самого Афганистана, но и региональных и международных акторов.

Ключевые слова: Казахстан, Афганистан, внешняя политика, Центральная Азия, безопасность, экономика

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Султанмуратов Н. К вопросу о политике Казахстана по отношению к Афганистану // Россия и мир: научный диалог. 2023. No 2(8). С. 94-108, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-94-108](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-94-108)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-94-108](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-94-108)

Political sciences

On the Issue of Kazakhstan's Policy Towards Afghanistan

Nuriddin Sultanmuratov[✉]

Institute of Asian Studies. Almaty, Kazakhstan

Nuriddin.sultanmuratov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3711-4303>

Abstract. The Afghan direction has always played an important role in the foreign strategy of independent Kazakhstan, which is due to the overall regional security. Instability in Afghanistan, the associated risks for the Central Asian countries, historically determined the policy of the Republic of Kazakhstan. From the very beginning, the Kazakh authorities sought to actively participate in stabilizing and strengthening peace in Afghanistan, including providing direct humanitarian and economic assistance to Kabul. This created conditions for the development of cooperation at the interstate level, which led to the gradual expansion of trade relations. Now Afghanistan is considered as one of the important markets for Kazakh producers. It should be emphasized that Kazakhstan has always been guided by political pragmatism. This manifested itself after the events of 2021, which led to the formation of a new Afghan government by representatives of the Taliban movement. Despite the non-recognition of the new Afghan authorities in accordance with international requirements, Astana continued its dialogue with Kabul on the most important topics, especially those related to supporting the Afghan population in order to prevent a sharp deterioration in the situation in the country. This is in the interests not only of Afghanistan itself, but also of regional and international forces.

Keywords: Kazakhstan, Afghanistan, foreign policy, Central Asia, security, economy

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Sultanmuratov N. On the Issue of Kazakhstan's Policy Towards Afghanistan. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2(8): 94-108, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-94-108](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-94-108)

Введение

Обстановка вокруг Афганистана остается одной из самых острых тем на повестке дня мирового сообщества, особенно с учетом последних социально-политических тенденций в этой стране. Хотя выдвигавшиеся многими экспертами крайне пессимистические прогнозы, связанные с выводом американского военного контингента в 2021 г. и последующим приходом к власти представителей движения «Талибан», в целом не оправдались, однако риски безопасности все еще сохраняются на высоком уровне. При этом здесь речь идет не только о традиционных угрозах военного характера, включая потенциальную эскалацию внутренних противоречий между новой администрацией и ее оппонентами в полномасштабные вооруженные столкновения со всеми вытекающими отсюда последствиями для окружающего региона.

На сегодняшний день не менее насущным вопросом видятся экономические перспективы Афганистана, который сейчас переживает тяжелый кризис. Из-за резкого падения доходов граждан и сокращения бюджетных поступлений огромное количество людей оказались на грани голода. По разным оценкам, в 2023 г. 19 млн афганцев столкнутся с острой нехваткой продовольствия². Значительное ухудшение финансового положения местных жителей создает угрозу гуманитарной катастрофы в 40-миллионном государстве, что в конце концов чревато возникновением проблемы беженцев. Трудности экономического характера могут спровоцировать новую волну вынужденных переселенцев в другие страны. Собственно говоря, в последние годы тема мигрантов из неблагополучных районов мира активно обсуждается на глобальном уровне. В данном контексте ярким примером является история с потоком беженцев с Ближнего Востока, где главным драйвером данного процесса выступала продолжающаяся война в Сирии. На этом фоне более крупный по населению Афганистан представляется еще более масштабным вызовом в данном отношении.

Так или иначе, любой сценарий серьезной дестабилизации Афганистана неизбежно окажет негативное влияние на соседние регионы, прежде всего в плане экономики и безопасности. Естественно, подобное развитие напрямую затронет интересы стран Центральной Азии, учитывая культурно-исторические и географические факторы. В первую очередь сопредельные Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан имеют давнюю историю отношений с Афганистаном. На его территории проживают группы родственных народов, которые в определенные периоды его истории играли роль достаточно влиятельных диаспор. Тем временем Казахстан находится в относительной отдаленности от афганских границ. Республика не относится к линии так называемых приграничных государств Центральной Азии, которые непосредственно граничат с Афганистаном, и у нее нет родственных народов на территории этой страны.

Несмотря на указанный факт, официальная Астана давно проводит проактивную политику на афганском направлении и всячески вовлекается в процессы стабилизации этой страны. Кроме того, внутри казахстанского экспертного сообщества на-

² Afghanistan. Latest developments /01.02.2023/. URL: <https://www.acaps.org/country/afghanistan/crisis/complex-crisis>.

блюдается высокий интерес к афганской тематике. Ситуация в данной стране часто становится объектом дискуссий на различных публичных площадках. В связи с этим важным выглядит анализ внешнеполитических шагов РК по отношению к Афганистану.

Между тем в рамках изучения заявленной темы огромным подспорьем стали работы различных авторов по указанной проблематике. Здесь следует отметить научные труды С.Акимбекова, в частности его книги «История Афганистана» и «Афганский узел и проблемы безопасности в Центральной Азии». Тем временем вопрос двусторонних отношений между Астаной и Кабулом также затрагивается в статье «Между стратегическими и материальными интересами: Казахстан как источник стабильности в Афганистане» под авторством С.Майера. Необходимо выделить монографию Р.Мукимджановой «Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики» [6] и работу Д.Малышевой «Постсоветская Центральная Азия и ее азиатские соседи» [5]. Кроме того, труды М. McCauley «Afghanistan and Central Asia: a modern history» [8], А.Saikal и К.Nourzhanov «The spectre of Afghanistan: security in Central Asia» [9], К.Collins «The limits of cooperation: Central Asia, Afghanistan, and the new Silk Road» [7] также способствовали раскрытию темы исследования.

Целью статьи является выявление основных трендов и факторов в рамках процесса эволюции внешней политики Казахстана в афганском направлении начиная с момента провозглашения независимости в 1991 г. до настоящего периода.

Материалы и методы

В качестве источников в статье были использованы книги, статьи, доклады, официальные статистические данные, информация из интернет-ресурсов. Исследование главным образом проводилось с опорой на принцип историзма. Кроме того, был применен системно-структурный подход.

Результаты исследования

История казахстанско-афганских отношений

Дипломатические отношения между Астаной и Кабулом были установлены в феврале 1992 г. В дальнейшем, в 1993 г., в Республике Казахстан (РК) открылось афганское посольство. Однако, в том числе из-за невозможности обеспечить безопасность сотрудников, казахстанская дипмиссия в этой стране начала работать только с 2002 г. – сразу после военной интервенции международной коалиции во главе с США в Афганистан, приведшей к свержению власти талибов. После создания более благоприятных условий в 2003 г. представительство республики было преобразовано уже в полноценное посольство.

Надо сказать, с момента образования независимого государства интересы Казахстана к Афганистану были главным образом связаны с вопросами безопасности в южном направлении. Исходя из решения этих задач, Казахстан направлял в начале 1990-х гг. пограничников на таджикско-афганскую границу. Данные действия осуществлялись в рамках сформированного контингента миротворческих сил, состоявшего из нескольких стран СНГ: Казахстана, Узбекистана, России и Киргизстана.

В целом казахстанские военные принимали участие в операции по охране таджикской госграницы с 1993 по 2001 г. Причем в ходе данной миссии произошел позитивный известный инцидент, когда 7 апреля 1995 г. в Пшихаврском ущелье Памира солдаты РК вступили в прямое столкновение, потеряв в бою 17 человек убитыми и 33 ранеными. При этом за все время нахождения на таджикской границе общие потери казахстанской стороны составили 46 человек³.

Между прочим, заключение в 1992 г. в Ташкенте договора о коллективной безопасности как раз было обусловлено афганским фактором. В основе создания данной организации находилось стремление государств бывшего СССР координировать усилия на афганском направлении, где в апреле 1992 г. пало правительство Наджибуллы. Последнее событие вызывало обеспокоенность стран ЦА и России, что вынуждало их совместно реагировать на новую ситуацию с безопасностью. В связи с чем и появился ОДКБ как механизм противодействия внешним угрозам. В рамках подписанного Россией, Узбекистаном, Казахстаном и Киргизстаном соглашения указанные страны «обязались принимать участие в защите внешних границ бывшего СССР на южном направлении, имея в виду, в том числе, и границы Таджикистана с Афганистаном» [1, с. 179].

Надо сказать, на первом этапе независимости политика Казахстана по отношению к Афганистану не была четко определенной. С одной стороны, потому что в первой половине девяностых годов прошлого столетия в республике интенсивно шли процессы государственного строительства и реформ в экономике. Таким образом, власти РК во многом были сконцентрированы на решении внутренних задач, тем более что в финансовом плане Казахстан тогда не обладал достаточными ресурсами для более активного участия в делах Афганистана. С другой стороны, в самом Афганистане в тот период была ситуация общей нестабильности, что затрудняло развитие двусторонних контактов. В некотором смысле в условиях гражданской войны и отсутствия единого центрального правительства в Афганистане наиболее разумной являлась стратегия невмешательства и наблюдения со стороны.

Между тем, когда в 1996 г. талибы заняли Кабул, такое развитие вызвало серьезную тревогу во всех странах Центральной Азии, включая Казахстан. Усиливались риски распространения конфликта на территорию региона. Тогда же, в 1996 г., в

³ Т. Исенов. Забытый батальон: первые миротворцы РК до сих пор не имеют статуса участников боевых действий /15.06.2019/. URL: <https://liter.kz/3415-zabytuy-batalon-pervye-mirtotvortsy-rk-do-sih-por-ne-imeyut-statusa-uchastnikov-boevyh-deystviy/>.

Алматы прошла экстренная встреча глав государств ЦА и России⁴. Однако сценарий прорыва экстремистских и террористических групп в значительной степени волновал именно «прифронтовые государства» – Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. В отличие от них РК все также не имела непосредственных интересов в Афганистане. Стратегию Астаны на тот момент можно охарактеризовать как следование в фарватере общих интересов стран региона в рамках ОДКБ. Такая ситуация главным образом указывала на тот факт, что «степень актуальности афганского урегулирования для национальных интересов отдельно взятых государств Центральной Азии неодинакова» [6, с. 107].

Одновременно внутри самого Афганистана в качестве ответной реакции на изменение баланса сил был образован так называемый Северный антиталибский альянс. Данное формирование во многом состояло из различных этнических групп страны, выступавших против правительства движения «Талибан»⁵. Надо сказать, талибы в целом представляли интересы местных пуштунов – самого многочисленного народа страны. При этом Северный альянс поддерживался Россией и Ираном. В данном контексте последние опирались на местных таджиков, шиитов-хазарейцев и другие меньшинства. По большому счету, северные приграничные территории Афганистана должны были выступать своего рода буферной зоной.

В определенной степени поворотным моментом стали события в конце девяностых годов прошлого века. Сначала весной 1999 г. Узбекистан прекратил свое членство в ОДКБ⁵, после этого сразу присоединившись к региональной организации в лице ГУАМ. На этом фоне происходят так называемые Баткенские события 1999 г. Тогда отдельные отряды боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ), укрывавшиеся на территории Таджикистана, прошли в Ошскую область Киргизстана с целью добраться до узбекской границы. В ответ Ташкент начал широкомасштабную контртеррористическую операцию, в том числе с применением боевой авиации [8, с. 103]. Данный инцидент резко актуализировал вопрос безопасности на южных рубежах ЦА.

В результате этот эпизод в некотором смысле стал катализатором большей вовлеченности внешних акторов в региональные процессы. В частности, произошло заметное повышение роли России в контексте обеспечения безопасности в Центральной Азии. Для Москвы регион изначально рассматривался в качестве «мягкого подбрюшка». Естественно, дестабилизация стран ЦА виделась прямой угрозой ее национальным интересам. Афганский фактор выступил удобным механизмом для усиления позиции России.

Кроме того, с учетом исторической проблемы сепаратизма в Синьцзяне, вполне закономерной виделась активизация Китая в данном направлении. Логичным ито-

⁴ Выступление первого президента Казахстана Н.А. Назарбаева на конференции министров иностранных дел стран-участниц Стамбульского процесса /26.04.2013/. URL: https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-nazarbaeva-na-konferencii-ministrov-inostrannyh-del-stran-uchastnic-stambulskogo-processa.

⁵ А. Саркорова. ОДКБ объясняет причины выхода Узбекистана из блока /30.06.2012/. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/06/120629_uzbekistan_odkb_exit.

гом стремления Пекина активнее участвовать в вопросах безопасности Центральной Азии стало создание Шанхайской организации сотрудничества в июне 2001 г. Фундаментом для новой структуры являлась ранее действовавшая «Шанхайская пятерка», к которой теперь присоединялся Узбекистан. Неудивительно, что основными приоритетами работы нового объединения провозглашались борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. В 2002 г. членами ШОС было подписано соглашение о региональной антитеррористической структуре как о постоянно действующем органе при этой организации.

Тем не менее, несмотря на возникновение ШОС, Россия сохраняла за собой статус главного игрока в вопросах военной защиты ЦА, тогда как присутствие Китая становилось дополнительным элементом архитектуры безопасности Центральной Азии. В свою очередь, в контексте стратегии по Афганистану Казахстан тесно сотрудничал с Москвой, оказывая всяческую поддержку ее инициативам.

В 2001 г. после терактов 11 сентября под лидерством американцев была сформирована международная антитеррористическая коалиция. При этом борьба с движением «Талибан» становилась одной из главных целей международных сил содействия безопасности. В итоге вскоре после интервенции правительство талибов было свергнуто. Под контролем США обстановка в Афганистане поэтапно начала стабилизироваться. Вашингтон и другие западные доноры стали напрямую финансировать афганский бюджет, что способствовало процессу экономического восстановления и общего урегулирования ситуации. На этом фоне для Астаны тема Афганистана отходит на второй план в связи с сокращением рисков безопасности.

В качестве личного вклада в укрепление мира в регионе начиная со второй половины двухтысячных годов Казахстан в рамках международной инициативы активизировал гуманитарную и техническую поддержку Афганистану. Так, в 2007 г. власти республики приняли специальный план по оказанию помощи этой стране⁶. В соответствии с данной программой, например, было принято решение о предоставлении государственных грантов для обучения 1 000 афганских студентов в казахстанских вузах. Для этих целей выделялось 50 млн долларов. Кроме того, Казахстан безвозмездно направлял средства на строительство инфраструктурных объектов: школ, больниц, дорог и т.п. В целом по состоянию на 2019 год суммарная помощь РК составила более 80 млн долларов⁷.

Важно обратить внимание на тот факт, что на первом этапе присутствия войск коалиции важным моментом являлась конкуренция между США и Россией в регионе. В том числе это проявлялось в ситуации с военными базами в Кыргызстане. Вашингтон с 2001 г. использовал Манас как центр транзитных перевозок в рамках операции в Афганистане, тогда как в 2003 г. Москва подписала соглашение с кыргызскими вла-

⁶ В Астане состоится первый в новом тысячелетии Саммит ОБСЕ – глава Казахстана /20.11. 2010/. URL: https://www.inform.kz/ru/v-astane-sostoitsya-pervyy-v-novom-tysyacheletii-sammit-obse-glava-kazahstana_a2324353.

⁷ Казахстан продолжает развивать программу, направленную на образование афганских студентов /09.10.2019/. URL: https://www.inform.kz/kz/kazahstan-prodolzaet-razvivat-programmu-napravleniyyu-na-obrazovanie-afganskikh-studentov_a3573522/amp.

стями о размещении в Канте собственного авиационного подразделения в рамках ОДКБ. Тем не менее данное соперничество не переходило в острый конфликт.

В целом до 2014 г. отношения России и США были относительно ровными, что положительно сказывалось на координации усилий в контексте стабилизации Афганистана. Среди прочего российское правительство разрешило использовать свое воздушное пространство для перевозки товаров военного назначения в Афганистан. С точки зрения многовекторной внешней политики Казахстана подобная картина представлялась вполне благоприятной. Астана могла относительно свободно действовать в таких условиях, в том числе предлагая различные посреднические усилия. Но после истории с российско-украинским военным конфликтом в 2014 г. отношения двух держав резко ухудшились. Это моментально отразилось на позиции РФ касательно сотрудничества с Западом в Афганистане. В результате в 2015 г. Россия запретила транзит американских военных грузов через свою территорию⁸.

Характерно, что произошедшие изменения в отношениях России и стран Запада оказали определенное влияние и на позицию Москвы в отношении той части транзита грузов в Афганистан, которое осуществлялось через территорию Казахстана. Например, в некоторых российских СМИ даже выдвигалась версия о создании военной базы США на Каспийском море в рамках процесса транспортировки грузов. В ответ МИД РК в своем официальном заявлении опроверг подобные утверждения⁹. В данном случае очевидно, что между Казахстаном и Россией возникло определенное недопонимание на официальном уровне по вопросу транзита грузов в Афганистан, о чем говорит актуализация этого вопроса на неформальном уровне через средства массовой информации. Но проблема была исчерпана после заявления МИД.

Когда же США анонсировали свой уход из Афганистана, в Казахстане в целом проявляли сдержанную политику по поводу развития событий в этой стране. Хотя некоторые эксперты еще до этого события указывали на существующие риски для стран ЦА [5, с. 26]. Но это все-таки больше всего относилось к непосредственно граничащим с Афганистаном государствам региона. В августе 2021 г. МИД РК выступил с заявлением:

Казахстан призывает все причастные стороны обеспечить мирный транзит власти как главной предпосылки внутренней стабилизации. Мы поддерживаем заявление Совета Безопасности ООН о создании инклюзивного и репрезентативного правительства... Выполнение этих положений должно стать необходимым условием для начала диалога с новой властью Афганистана¹⁰.

В вопросе формирования собственной позиции по Афганистану казахстанское правительство руководствуется прагматизмом. Поскольку главной задачей стано-

⁸ Россия прекратила транзит военных грузов НАТО в Афганистан /18.05.2015/. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/05/150518_russia_nato_afghanistan.

⁹ МИД Казахстана опроверг заявления «о военных базах на Каспии» /09.07.2018/. URL: <https://rus.azattyq.org/a/29352744.html>.

¹⁰ МИД опубликовал заявление по ситуации в Афганистане /19.08.2021/. URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/98035/mid-opublikoval-zayavleniye-po-situatsii-v-afganistane.html>.

вится недопущение очередного витка гражданской войны, вариант с установлением власти движения «Талибан»¹¹, которое обеспечивало бы относительную стабильность внутри страны, рассматривался Астаной в качестве более приемлемого сценария по сравнению с альтернативой в виде начала внутреннего конфликта.

Кроме того, здесь следует отметить и ряд других факторов. Во-первых, в последние годы происходило развитие экономических и торговых связей между Астаной и Кабулом. В частности, со временем Афганистан превратился в важный рынок сбыта товаров для казахстанских производителей. Так, в предкризисном 2020 г. двусторонний товарооборот достиг 624 млн долларов, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 55%. При этом из этой цифры более 90% приходится на казахстанский экспорт¹¹. Соответственно, Астана заинтересована в сохранении налаженных каналов поставок.

Также необходимо отметить транзитный потенциал Афганистана. Данный аспект давно обсуждался в экспертных кругах как важный фактор сближения и экономического сотрудничества между ЦА и Кабулом. К 2020 г. в целом были сформулированы вопросы создания транспортных коридоров через Афганистан. Из стран региона эту идею активно поддерживают Узбекистан и Туркменистан. В то же время в Казахстане наблюдается более сдержанная политика, потому что, в отличие от вышеуказанных двух приграничных государств, Казахстан в экономическом плане не так сильно зависит от южного маршрута. Для Ташкента и Ашхабада крайне важно выйти к морским портам и рынкам сбыта в Южной Азии, тогда как для Астаны традиционно главным транзитным маршрутом является Европа – Китай. При этом перспективы развития афганского направления не слишком ясны. Тем не менее реализация транзитного потенциала страны открыла бы дополнительные возможности для казахстанской экономики. С точки зрения географии (*landlocked country*) для Казахстана всегда стратегически важным было развитие транспортных коридоров. Показательно, что в 2022 г. президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев заявил о готовности республики участвовать в строительстве железной дороги по линии Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар из Афганистана в Пакистан. Кроме того, было сказано о намерении Астаны предоставить строительные материалы для конструкции данной дороги и подвижной состав¹².

При этом, несмотря на прекращение работы банковских учреждений, казахстанские поставки в Афганистан не только не сократились, но и даже выросли. Так, по итогам января-сентября 2022 г. экспорт увеличился в 2,1 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и достиг рекордной суммы в 635 млн долларов¹³. По

11 Почти 624 млн \$ составил товарооборот Казахстана и Афганистана /18.08.2021/. URL: <https://jjtv.kz/ru/news/business/11614-pochti-624-mln-sostavil-tovarooborot-kazakhstana-i-afghanistana>.

12 Т. Вааль /Казахстан готов участвовать в строительстве железной дороги из Афганистана в Пакистан /21.07.2022/. URL: <https://vlast.kz/novosti/50899-kazahstan-gotov-ucastvovat-v-stroitelstve-zeleznoj-dorogi-iz-afghanistana-v-pakistan-tokaev.html>.

13 Казахстан обеспечивает Афганистан мукой, а взамен получает сладкие напитки /03.11.2022/. URL: <https://lsm.kz/tovarooborot-kazahstana-s-afghanistanom>.

большому счету, это является выражением концепции не допустить гуманитарную катастрофу внутри этой страны, так как это могло бы привести к росту беженцев. Тем более что одной из главных статей экспорта РК является именно продовольствие. На сегодняшний день на Афганистан приходится почти половина всех международных поставок казахстанской муки [4, с. 24].

Тем не менее после ухода американского военного контингента из Афганистана снова стал актуальным вопрос о региональной безопасности. С этой точки зрения особое беспокойство проявляют страны ЦА, которые в прошлом уже сталкивались с попыткой проникновения отдельных отрядов боевиков в регион.

Кроме того, здесь важно отметить наличие рисков идеологического характера. Собственно говоря,

с августа 2021 года в этой стране (Афганистане. – Прим. авт.) государственное строительство ориентируется на принципиально другую модель, связанную со значительно большей ролью религии в организации государства и общества. Такая смена модели развития с той, которая ориентирована на модернизм, на заведомо более архаичную по своему характеру, может иметь значительные последствия. Причем не только для самого Афганистана, но и для всего региона. По сути, впервые в отдельно взятой стране пришли сторонники деобандийского направления в исламе [2, с. 11].

При этом данная форма мусульманства отличается своей радикальностью, так как деобандийцы призывают к возврату к исторической роли ислама в социуме, «... к буквальному прочтению старой религиозной традиции, идеализации прошлого. Отсюда стремление следовать к весьма жесткой религиозной практике времен Средневековья» [3, с. 469]. Учитывая присутствие во всех обществах Центральной Азии сторонников строительства государства на исламских принципах, модель «Талибана»¹⁴ может стать ориентиром для данной категории населения, в том числе и в Казахстане.

Говоря о потенциальных угрозах, также нельзя забывать о потенциальном потоке афганских мигрантов. При таком раскладе часть переселенцев отправится на север, где казахстанская территория будет использоваться либо в качестве транзита, либо даже как конечный пункт остановки для беженцев. Поэтому для Казахстана крайне важным выглядит сохранение относительной стабильности внутри Афганистана.

На этом фоне в октябре 2021 г. официальная казахстанская делегация во главе с представителем президента по международному сотрудничеству Ержаном Казыхановым совершила поездку в Кабул, где прошла встреча с представителями новой афганской администрации Абдул Гани Барадаром и Амир Ханом Муттаки¹⁴. В определенной степени это было сигналом о готовности Астаны вести диалог с правительством «Талибана», хотя пока еще вопрос о признании движения в качестве легитимного.

14 Казахстанская делегация и талибы обсудили в Кабуле гуманитарную помощь Афганистану /18.10.2021/. URL: <https://rus.azattyq.org/a/31515939.html>.

тимных властей страны не обсуждается. Все-таки Казахстан будет ждать подобного решения со стороны ключевых международных акторов и только после этого действовать в данном направлении.

Между тем в апреле 2023 г. появилась новость о том, что представители действующего правительства «Талибана»¹⁵ получат аккредитацию на введение дипломатической деятельности в афганском посольстве в Астане. Казахстанская сторона подчеркнула, что страна «намерена выстраивать в первую очередь торгово-экономические отношения и оказывать гуманитарную помощь афганскому народу». В то же время республика на данном этапе не будет устанавливать официальные дипломатические отношения с Кабулом в соответствии с позицией ООН¹⁶.

Выводы

В целом на сегодняшний день Казахстан занимает осторожную позицию по афганскому вопросу. С точки зрения политики безопасности республика по-прежнему опирается на такие структуры, как ОДКБ и ШОС. Как показывают последние события, казахстанские власти стремятся поддерживать ограниченные контакты с движением «Талибан»¹⁷, которое видится как фактор сохранения стабильности в этой стране. Примечательно, что в январе 2023 г. появилась информация, что Казахстан возобновляет образовательную программу для афганских студентов¹⁸. Одновременно Астана готова содействовать открытию транспортного коридора из Центральной в Южную Азию, о чем заявило руководство республики.

Собственно говоря, Казахстан постоянно находится в русле международной политики по Афганистану относительно инклюзивного правительства и прав женщин и других актуальных тем. Но в то же время учитывает возможность pragматических подходов, которые свойственны, к примеру, позиции Китая.

Список источников

1. Акимбеков С. Афганский узел и проблемы безопасности в Центральной Азии [Afghan knot and security problems in Central Asia]. Алматы, 2003.

15 Ж. Уранкаева. В Казахстане разрешили талибам занять посольство Афганистана /17.04.2023/. URL: <https://kz.kursiv.media/>.

16 Казахстан возобновит образовательную программу для афганских студентов /23.01.2023/. URL: <https://24.kz/ru/news/social/item/583549-kazakhstan-vozobnovit-obrazovatelnyu-programmu-dlya-afganskikh-studentov>.

¹⁷ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

¹⁸The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

2. Акимбеков С. Афганистан и «Талибан»: от модернизма к архаизму, от сопротивления к признанию? [Afghanistan and the Taliban]: from modernism to archaism, from resistance to recognition?] // Kazakhstan Journal of Foreign Studies / Казахстанский институт стратегических исследований. 2022. № 1-2 (3-4). С.6-21.
3. Акимбеков С. История Афганистана [History of Afghanistan]. Астана-Алматы: ИМЭП при фонде первого президента, 2015.
4. Майер С. Между стратегическими и материальными интересами: Казахстан как источник стабильности в Афганистане [Between strategic and material interests: Kazakhstan as a source of stability in Afghanistan] // Kazakhstan Journal of Foreign Studies / Казахстанский институт стратегических исследований. 2022. № 1-2 (3-4). С.22-37.
5. Малышева Д. Постсоветская Центральная Азия и ее азиатские соседи [Post-Soviet Central Asia and its Asian neighbors] // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 4. С.19-30.
6. Мукимджанова Р. Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики [Central Asian countries: the Asian vector of foreign policy]. Москва: Научная книга, 2005.
7. Collins K. The limits of cooperation: Central Asia, Afghanistan, and the new Silk Road // Asia Policy. 2014. № 17. С.18-26.
8. McCauley M. Afghanistan and Central Asia: a modern history. London, 2002.
9. Saikal A., Nourzhanov K. The spectre of Afghanistan: security in Central Asia. London: I. B. Tauris, 2021.

Информация об авторе

СУЛТАНМУРАТОВ Нуриддин. Доктор PhD. Ведущий эксперт Института азиатских исследований. Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0003-3711-4303>. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Кунаева, 119, оф. 19, Nuriddin.sultanmuratov@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 марта 2023. Одобрена после рецензирования: 1 мая 2023. Принята к публикации: 15 мая 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

10. Akimbekov S. Afghan knot and security problems in Central Asia. Almaty, 2003 [In Russian].
11. Akimbekov S. Afghanistan and the Taliban*: from modernism to archaism, from resistance to recognition? // Kazakhstan Journal of Foreign Studies / Kazakhstan Institute for Strategic Studies. 2022; 1-2(3-4):6-21 [In Russian].
12. Akimbekov S. History of Afghanistan. Astana-Almaty: IMEP at the fund of the first president, 2015 [In Russian].
13. Mayer S. Between strategic and material interests: Kazakhstan as a source of stability in Afghanistan // Kazakhstan Journal of Foreign Studies / Kazakhstan Institute for Strategic Studies. 2022;1-2 (3-4):22-37 [In Russian].

14. Malysheva D. Post-Soviet Central Asia and its Asian neighbors //Russia and the new states of Eurasia. 2016; 4:19-30 [In Russian].
15. Mukimdzhanova R. Central Asian countries: the Asian vector of foreign policy. Moscow: Nauchnaya kniga, 2005 [In Russian].
16. Collins K. The limits of cooperation: Central Asia, Afghanistan, and the new Silk Road // Asia Policy. 2014; 17:18-26.
17. McCauley M. Afghanistan and Central Asia: a modern history. London, 2002.
18. Saikal A., Nourzhanov K. The spectrum of Afghanistan: security in Central Asia. London: I. B. Tauris, 2021.

About the author

Nuriddin SULTANMURATOV. PhD, Leading expert of the Institute of Asian Studies. Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0003-3711-4303>, Address: 19 of. 119, Kunaeva st., Almaty, Republic of Kazakhstan, Nuriddin.sultanmuratov@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 2, 2023. Approved after peer review: May 1, 2023. Accepted for publication: May 15, 2023. Published: June 25, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья

УДК: 327.8

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-107-117](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-107-117)

Политические науки

Политика Ирана в контексте афганского кризиса после 2021 г.

Джафар Хакпанах[✉]

Тегеранский университет, Тегеран, Исламская Республика Иран
ghpanah2000@yahoo.com, <https://doi.org/0009-0007-3405-3054>

Аннотация: Статья посвящена политике Исламской Республики Иран на афганском направлении. В ней дается обзор взаимоотношений Тегерана с Афганистаном, включая связи между двумя странами в политической, культурной, экономической и гуманитарной сферах. Обозначены основные рычаги влияния Ирана на ситуацию в Афганистане. Анализируются эволюция политики Ирана на афганском направлении после прихода к власти в августе 2021 г. талибов и развитие взаимоотношений сторон.

Ключевые слова: Иран, Афганистан, «Талибан»¹, международные отношения

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Хакпанах Д. Политика Ирана в контексте афганского кризиса после 2021 г. // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2(8). С. 107-117, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-107-117](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-107-117)

¹ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Original article
[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-107-117](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-107-117)

Political sciences

Iran's Policy in the Situation of the Afghan Crisis After 2021

Jafar Haghpanah✉

Tehran University, Tehran, Islamic Republic of Iran
ghpanah2000@yahoo.com, <https://doi.org/0009-0007-3405-3054>

Abstract. The article is devoted to the policy of the Islamic Republic of Iran towards Afghanistan. An overview of Tehran's relations with Afghanistan is given, including ties between the two countries in the political, cultural, economic and humanitarian spheres. The main ways of Iran's influence on the situation in Afghanistan are shown. Iran's policy towards Afghanistan and the development of relations after the Taliban¹ came to power in August 2021 is analyzed.

Keywords: Iran, Afghanistan, Taliban¹, international relations

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Haghpanah J. Iran's Policy in the Situation of the Afghan Crisis After 2021. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2(8): 107-117, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-107-117](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-107-117)

Введение

Бурные события последних четырех десятилетий в Афганистане всегда свидетельствовали о присутствии в них одновременной роли внешних игроков и региональных международных сил. По сути, одним из основных факторов, способствовавших продолжению афганского кризиса, можно считать именно внешнее вмешательство в соперничество и конфликт интересов государств-конкурентов, превративших эту страну в арену своих прокси-войн. В большей степени это было соперничеством и различием интересов между такими международными интервенционистскими силами, как США и НАТО, и региональными державами, как Иран, которые имеют историческую общность с Афганистаном, основанную на географических, демографических и цивилизационных связях, и, как следствие, преследуют собственные законные интересы в этой стране, поскольку нестабильность, отсутствие безопасности и иностранное вмешательство в дела Афганистана незамедлительно сказываются на интересах, безопасности и внутренней политической стабильности таких государств по причине их географического соседства и демографических связей с этой страной. Иран рассматривается как один из акторов, который, исходя из своих геополитических, геокультурных и геоэкономических возможностей, помимо прямого влияния на Афганистан, может играть определяющую

роль и воздействовать на влияние других государств на эту страну². По этой причине поддержка или противодействие Ирана региональным и международным альянсам по вопросам будущего Афганистана и проблемам, связанным с сохранением нестабильности после повторного прихода к власти движения «Талибан», таким как миграционный кризис, транзит наркотиков и терроризм, а также с превращением этой страны в средоточие деятельности экстремистских и террористических группировок, таких как ИГИЛ³ и «Аль-Каида»⁴, имеет большое значение. В данной статье эта тема анализируется с точки зрения подходов и политики Ирана в отношении афганской проблематики.

Автором привлечены для подготовки статьи исследователи авторов на персидском языке: Рахими Сардар Мохаммад, Хакпанах Джафар, Танивал Мохаммад Зариф, Амин Хамидулла, Саджади Абдул Каюм, Урузгани Масех, Бузан Барри, Хакпанах Джафар [1–6]. А также статьи следующих авторов на английском языке: David Steven, Haghpanah Jafar, Tisheyar Mandana, Mohammed S. Mahmood [7–9]. Научные работы указанных авторов позволили не только идентифицировать актуальную проблематику по теме исследования, но и определить научную новизну в своем собственном исследовании.

Материалы и методы

В качестве материалов были использованы теоретические работы иранских и зарубежных исследователей, материалы периодических изданий и информационных агентств, а также заявления и выступления официальных лиц Исламской Республики Иран. Исследование проводилось главным образом с помощью системного анализа, синтеза и системно-структурного подхода. Были выявлены основные подходы иранской политики к афганской проблематике, что позволило сформулировать определенные гипотезы о концепции иранской внешней политики на афганском направлении.

² Рахими Сардар Мохаммад, Хакпанах Джафар. Геополитика Афганистана и преобразования в Западной Азии, Тегеран. Университет «Имам Садег», 2021. С. 12 (перс. яз.).

³ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

⁴ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Результаты исследования

«Омнибалансирование»: концепция иранской внешней политики в Афганистане

Иран имеет 950-километровую водную и сухопутную границу с Афганистаном и считается самым коротким и безопасным маршрутом, соединяющим эту страну, не имеющую выхода к морю, с открытыми водами⁵. Компонентами, формирующими сильное влияние Ирана в Афганистане, являются давние языковые, религиозные и конфессиональные связи с большинством персоязычного мусульманского населения, особенно с хазарейским меньшинством, опыт поддержки моджахедских партий и групп в период советского военного пребывания, тесные связи с большей частью этнических, религиозных и политических элит этой страны и сорокалетнее присутствие в Иране более пяти миллионов афганских вынужденных беженцев⁶. Экономика Ирана является дополнением и ответом на потребности Афганистана. Объем товарооборота между двумя странами до падения республиканского строя превышал два с половиной миллиарда долларов и, невзирая на сохраняющуюся нестабильность, остается прежним и по сей день благодаря наличию соответствующей железнодорожной и транзитной сети и связи с портами Бендер-Аббас и Чабахар, Персидским заливом и Оманским морем. Несмотря на непризнание правительства талибов, Иран продолжает удовлетворять экономические потребности Афганистана в топливе, энергии, а также в завершении строительства некоторых небольших инфраструктурных и промышленных проектов. Народ Афганистана также имеет хорошие отношения с Ираном благодаря получению продовольствия, медицинских и образовательных услуг. Совокупность геополитических, геокультурных и геоэкономических преимуществ позволила Ирану стать единственной из региональных держав, которая на протяжении последних лет и по настоящее время поддерживает одновременные контакты практически со всеми партиями и группами, а также политическими, религиозными и этническими элитами Афганистана и в состоянии установить сбалансированные отношения со структурой утвердившейся в стране вооруженной власти⁷.

Эти факты позволяют утверждать, что политика Ирана в отношении Афганистана имеет под собой идеологические основы и, по выражению Барри Бузана, строится на идее «суверенитета системы»⁸. Упомянутые основы включают в себя поддержку исламистских течений, стремление к независимости, отрицание господства

5 Танивал Мухаммад Зариф, Амин Хамидулла. Экономическая география Афганистана. Кабул: Кабульский университет, 2003. С. 30 (перс. яз.).

6 Саджади Абдул Каюм. Внешняя политика Афганистана. Кабул: Собх-е Умид, 2020. С. 339 (перс. яз.).

7 Ургзани Масех. Афганистан. Радуга народов. Кабул: Учебно-издательский центр «Хорасан», 1995. С. 28 (перс. яз.).

8 Бузан Барри. Люди, государства и страхи. Тегеран: Научно-исследовательский институт стратегических исследований, 2010. С. 130 (перс. яз.).

мировых держав, поддержку угнетенных и правящего режима, что придает внешней политике Ирана сильный идеалистический и идеологический характер. Разумеется, наряду с идеализмом учитываются также прагматические и реалистические компоненты, необходимые для обеспечения национальных интересов, противодействия угрозам безопасности и приобретения экономических выгод.

На основании этой же концепции формируется противодействие Ирана созданию некоторых коалиций и односторонним действиям конкурирующих держав, а также использование им своих географических преимуществ для трансформации в безопасный транзитный маршрут и осуществления торговли Афганистана с миром.

Данную концепцию можно назвать «омнибалансированием». Толкование этого термина, предложенное теоретиком неореализма Стивеном Дэвидом, поможет лучше объяснить внешнюю политику Ирана по данному вопросу. Такие предположения и концепции школы реализма, как этатизм, принцип выживания и самопомощи, означают создание региональными державами баланса между внутренними и внешними угрозами и их относительный отказ от самостоятельных действий по отражению внешних угроз в ходе активности на региональном уровне.

Кроме того, данная теория отмечает способность региональных держав действовать относительно независимо от международной системы для обеспечения собственных интересов и отражения региональных угроз. Способ применения принципа балансирования во внешней политике зависит от восприятия лидерами природы своей власти и динамики устойчивых и неустойчивых событий и угроз в мировой системе⁹.

В рамках омнибалансирования, сочетающего идеалистический и идеологический подходы с реализмом и прагматизмом, Исламская Республика Иран в 2020–2021 годах проводила следующую политику в отношении Афганистана, которая с некоторыми изменениями в соответствии с новой ситуацией, возникшей после возвращения к власти талибов, по-прежнему реализуется:

- балансирование между этническими, языковыми и религиозными группами, укрепление позиций шиитов-хазарейцев и таджиков и препятствование этническому господству других групп;
- политическое равновесие между секулярными политическими, интеллектуальными тенденциями и западно-ориентированной элитой, находящейся под влиянием США, при поддержке традиционных моджахедских групп и элит;
- балансирование и отражение угрозы религиозного экстремизма, привнесенного ИГИЛ и «Аль-Каидой», при поддержке центрального правительства и антиигиловских групп, в том числе групп талибов, которые в прошлом соперничали и враждовали с Ираном;
- создание экономического баланса в отношениях с конкурирующими региональными и мировыми державами путем активного совместного участия в деле восстановления Афганистана с упором на сферы энергетики, транзита и торговли.

9 David Steven. Choosing Sides: Alignment and Realignment in the Third World. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991.

Данная политика осуществляется в виде таких мер, как строительство железной дороги Мешхед – Герат и усиление пограничных обменов путем создания небольших приграничных базаров либо в виде союза и сотрудничества с такой обьюдно заинтересованной державой, как Индия, что в 2016 г. привело к заключению трехстороннего договора между Тегераном, Кабулом и Дели по развитию порта Чабахар на юго-востоке Ирана.

В период с 2002 по 2021 г. эта политика проводилась в форме одновременно го сотрудничества практически с большинством партий, организаций, элит и СМИ, начиная с элит, связанных с центральным правительством в Кабуле и заканчивая лидерами моджахедских партий и критиков правительства Хамида Карзая и Ашрафа Гани. Несмотря на понимание того, что афганские правительства, и особенно кабинет Ашрафа Гани, являются марионетками и находятся в зависимости от Вашингтона, официальные лица Тегерана отдали приоритет укреплению центрального правительства. По словам бывшего посла Ирана в Кабуле Бахадора Аминияна, даже после заключения соглашения в Дохе между Залмаем Халилзадом и муллой Барадаром и решительного перехода США от поддержки политического режима в Кабуле к сделке Вашингтона с талибами официальные лица Тегерана не прекратили сотрудничество с политико-силовой командой Ашрафа Гани. По словам того же Аминияна, он лично до последних дней падения Кабула находился в контакте с первым вице-президентом Амруллой Салехом и советником по национальной безопасности Хамдуллой Мохихом и передавал им предложения Тегерана о готовности предоставить всяческую помощь и стать посредником между правительством и талибами¹⁰.

Вместе с тем один из неясных моментов во внешней политике Ирана в Афганистане связан со способом и содержанием контактов или возможным оказанием Ираном поддержки талибам в 2010-х гг. и в настоящее время. Западные, и особенно американские, СМИ, а также команда Ашрафа Гани всегда обвиняли Тегеран в поддержке талибов и утверждали, что связи Ирана с талибами стали причиной прихода к власти и легитимации этой группировки. Отвечая на это, Аминиян отмечает, что данное обвинение со стороны США и команды Ашрафа Гани выдвигается для того, чтобы оправдать и скрыть собственную неэффективность и неправильную политику, которая привела к падению республиканского строя, поскольку в тот временной период Иран имел лишь неофициальные контакты с умеренным крылом талибов. Данные контакты стали официальными в 2020 г. во время визита муллы Абдул Гани Барадара в Тегеран и его встречи с тогдашним министром иностранных дел Мухаммадом Джавадом Зарифом. Об указанном визите и других контактах с талибами, как правило, сообщалось официальным лицам в Кабуле, и Хамдулла Мохих, советник по национальной безопасности правительства Ашрафа Гани, получал информацию об этом в ходе контактов и встреч со своим иранским коллегой Али Шамхани¹¹. И это при том, что чиновники Белого дома заранее достигли договоренности с талибами в Дохе

10 См.: Интервью Бахадора Аминияна, бывшего посла Ирана в Афганистане. Кабул: ToloNews, декабрь 2022. URL: <https://tolonews.com/fa/must-see-videos-177521>.

11 Там же.

(Катар) и, помимо придания официального статуса «Талибану»* и принятия его требований, в том числе об освобождении пяти тысяч опасных заключенных из числа членов этого движения, полностью исключили подконтрольное им правительство в Кабуле из процесса переговоров и соглашений.

В настоящее время в основе отношений Ирана с талибами лежит представление о том, что «Талибан»* представляет собой неотъемлемую реалию традиционного афганского общества и обладает стремлением к независимости, противостоянию западной культуре и американскому доминированию, то есть теми чертами, которые более или менее схожи с подходом, господствующим во внешней политике Ирана, в особенности в том, что данное движение всеми силами стремится размежеваться с экстремистскими течениями и ИГИЛ[†].

Разумеется, все это отнюдь не означает полного единодушия и отсутствия серьезных разногласий в принципах управления или отсутствия соперничества и проблем между Тегераном и Кабулом. Несмотря на договоренность сторон о продолжении пограничных экономических обменов в сфере энергетики, транзита топлива и добычи полезных ископаемых, сотрудничество в области образования и постоянную поддержку Ираном афганских беженцев, а также совместные усилия по защите безопасности границ, поведение талибов в отношении шиитского религиозного меньшинства и их образовательная политика весьма далеки от предпочтений и взглядов иранской стороны. В добавок к вышесказанному, стороны не пришли к решению проблем, связанных с вынужденными беженцами, пограничными реками и водно-болотными угодьями, а также водопользованием Ирана на реке Гирманд, имплементацией экономических соглашений в области рудников, транстерриториального земледелия, экспорта и импорта. В такой ситуации представляется, что общая политика Ирана будет по-прежнему заключаться в продолжении эпизодического и ограниченного сотрудничества с талибами без их признания, и деятельность посольства Афганистана в Тегеране, а также консульств в Мешхеде и Захедане будет осуществляться без официального признания «Талибана»¹². Это означает, что Тегеран сохранит дистанцию и в то же время продолжит контакты с лидерами оппозиционных талибам групп, которые, несмотря на отсутствие прочной базы внутри страны, раздробленности и слабости организации и руководства, выдвигают лозунг свержения «Талибана»*.

Еще один сложный и спорный аспект политики Ирана в Афганистане связан с противостоянием этой страны целям и действиям США в Афганистане. На это оказывает влияние стратегическое соперничество и идеологические противоречия между Ираном и США.

В целом официальные лица Тегерана рассматривают присутствие и влияние Америки в периферийных регионах Западной Азии, и особенно в соседних странах, как экзистенциальную угрозу. Продолжение этой враждебности превратило антиамериканизм в часть столпов и идентичности внешней политики Исламской Республики Иран.

блики¹³. В той мере, в какой ее можно как-либо критиковать, политику Ирана можно считать страдающей от своего рода американизации до такой степени, что это омрачает даже нормальные отношения двух соседних стран.

С этого ракурса Иран расценивает смену власти в Афганистане в 2021 г. как позорное изгнание американских сил и провал планов США в регионе и, по сравнению с угрозами двух последних десятилетий, связанными с присутствием США в Афганистане, считает возможные проблемы с талибами менее серьезными, маргинальными и управляемыми. Одним из стимулов для сотрудничества Ирана с талибами будет максимально возможное разделение и создание дистанции между этой группировкой и Америкой с ее союзниками.

С этой же точки зрения следует воспринимать сотрудничество Ирана с Россией и другими державами, имеющими большое влияние в Афганистане. Можно прогнозировать продолжение и расширение сотрудничества с конкурентами США, такими как Россия и Китай, которые подвержены общим угрозам со стороны Афганистана, таким как распространение экстремизма, усиление ИГИЛ^{*}, контрабанда наркотиков и другие виды организованной преступности.

ВЫВОДЫ

Возвращение талибов к власти в Афганистане можно рассматривать как сочетание возможностей и одновременно с этим угроз для Исламской Республики Иран. С точки зрения официальных лиц в Тегеране, в настоящее время возможности перевешивают угрозы, и в обозримом будущем подобное положение сохранится. Между тем представляется, что период стабилизации и институционализации отношений и сотрудничества с талибами занял продолжительное время, и в течение долгосрочного переходного периода дело не пойдет дальше ограниченного сотрудничества без признания и формализации «Талибана». Что касается признания, Иран определенно не станет первой страной, которая признает талибов, и будет следовать в фарватере международных подходов в отношении талибов. Расширение двусторонних отношений, так же как и признание «Талибана», будет зависеть от выполнения предварительных условий Тегерана, которые включают в себя такие важные пункты, касающиеся внутренних преобразований в Афганистане, как формирование инклюзивного правительства и обеспечение прав и безопасности шиитов, этнических, языковых и религиозных меньшинств, препятствование деятельности террористических группировок и недопущение превращения Афганистана в базу антииранской активности соперничающих государств, а также решение проблем, связанных с приграничными водно-болотными угодьями и реками двух стран.

В отношении хронической долгосрочной проблемы вынужденной миграции и

13 Хакпанах Джафар. Курды и внешняя политика Исламской Республики Иран. Тегеран: Центр международных исследований «Аббар», 2008. С. 190–193.

наличия около 8 миллионов афганских беженцев Иран также продолжит нынешний процесс оказания содействия и гостеприимства, несмотря на отсутствие сотрудничества со стороны мирового сообщества¹⁴. Еще одним важным моментом является регионально ориентированный подход Тегерана к кризису в Афганистане, совместным усилиям по налаживанию сотрудничества и учету соображений безопасности региональных государств, которые определенно могут быть продолжены в рамках ШОС и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Отличное географическое расположение и транзитные преимущества, а также «мягкая сила» Ирана могут послужить основой для подобного регионального сотрудничества, привенного помочь Афганистану преодолеть нынешние вызовы и обеспечить безопасность, стабильность и большее благополучие народа Афганистана и стран региона.

Список источников

1. Рахими Сардар Мухаммад, Хакпанах Джафар. Геополитика Афганистана и преобразования в Западной Азии [Rahimi Sardar Mohammad, Haghpanah Dzhafar. Geopolitika Afganistana i preobrazovaniya v Zapadnoi Azii / Geopolitics of Afghanistan and Transformations in Western Asia]. Тегеран: Университет Имам Садег, 2021. [перс. яз.]
2. Танивал Мухаммад Зариф, Амин, Хамидулла. Экономическая география Афганистана [Tanival Mohammad Zarif, Amin, Hamidulla. Ekonomicheskaya geografiya Afganistana / Economic geography of Afghanistan]. Кабул: Кабульский университет, 2003. [перс. яз.]
3. Саджади Абдул Каюм. Внешняя политика Афганистана [Sadzhadi Abdul Kayum. Vneshnyaya politika Afganistana / Foreign Policy of Afghanistan]. Кабул.: Собх-е Умид, 2020. 339 с. [перс. яз.]
4. Урузгани Масех. Афганистан. Радуга народов [Uruzgani Masekh. Afganistan. Raduga narodov/Afghanistan. Rainbow of Nations]. Кабул: Учебно-издательский центр «Хорасан», 1995. [перс. яз.]
5. Бузан Барри. Люди, государства и страх [Buzan Barri. Lyudi, gosudarstva i strah/People, states and fear]. Тегеран.: Научно-исследовательский институт стратегических исследований, 2010. [перс. яз.]
6. Хакпанах Джафар. Курды и внешняя политика Исламской Республики Иран [Haghpanah Dzhafar. Kurdy i vneshnyaia politika Islamskoi Respubliki Iran/Kurds and the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran]. Тегеран.: Центр международных исследований «Аббар», 2008. [перс. яз.]
7. David Steven. Choosing Sides: Alignment and Realignment. The Third World. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1991.
8. Haghpanah Jafar, Tisheyar Mandana. Iran and Immigration Crisis. Escaping the Escape. By Bertelsmann Stitung (ed.), 2017.
9. Mohammed S. Mahmood. The Significance of Omni-Balancing Theory. Clarifying: Third World leaders Policies. Baghdad.: University of Mosul, 2019.

14 Haghpanah Jafar, Tisheyar Mandana. Iran and Immigration Crisis. In: Escaping the Escape. By Bertelsmann Stitung (ed.), 2017.

* Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

*The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Информация об авторе

Джафар ХАКПНАХ. Кандидат политических наук. Директор Центра исследований Афганистана Тегеранского университета (Исламская Республика Иран), <https://doi.org/0009-0007-3405-3054>. Адрес: ул. Азар, 16, площадь Энгелаб, Тегеран, Иран, ghpanah2000@yahoo.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 марта 2023. Одобрена после рецензирования: 1 мая 2023. Принята к публикации: 15 мая 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Rahimi Sardar Mohammad, Haghpanah Jafar. Geopolitics of Afghanistan and Transformations in Western Asia. Tehran: Imam Sadegh University, 2021 [In Persian].
2. Taniwal Mohammad Zarif, Amin Hamidullah. Economic geography of Afghanistan. Kabul: Kabul University, 2003 [In Persian].
3. Sajadi Abdul Qayyum. Foreign Policy of Afghanistan. Kabul: Sobh-e Umid, 2020:339 [In Persian].
4. Uruzgani Maseh. Afghanistan. Rainbow of Nations. Kabul: Educational and publishing center "Khorasan", 1995 [In Persian].
5. Buzan Barry. People, states and fear. Tehran: Research Institute for Strategic Studies, 2010 [In Persian].
6. Khakpanah Jafar. Kurds and the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. Tehran: Center for International Studies "Abrar", 2008 [In Persian].
7. David Steven. Choosing sides: Alignment and Realignment. The Third World. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1991 [In English].
8. Haghpanah J., Tisheyar M. Iran and immigration crisis. Escaping the Escape. By Bertelsmann Stitung (ed.), 2017 [In English].
9. Mohammed S. Mahmood. The significance of Omni-Balancing theory. Clarifying: Third World leaders Policies. Baghdad: University of Mosul, 2019 [In English].

About the author

Jafar HAGHPNAH. PhD (hist), assistant professor at the University of Tehran, Tehran, Islamic Republic of Iran, Head of Afghanistan Studies Center, <https://doi.org/0009-0007-3405-3054>. Address: 16th Azar Str., Enghelab Sq., Tehran, Iran, ghpanah2000@yahoo.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 2, 2023. Approved after peer review: May 1, 2023. Accepted for publication: May 15, 2023. Published: June 25, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура,
социальные институты и процессы.
Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure,
Social Institutions and Processes.
Political sociology

Несмотря на жесткую политику талибов в отношении норм и правил общественной коммуникации (как в отношении нарративов и содержания информации, так и в отношении каналов коммуникации), несмотря на снижение возможностей СМИ и гражданского общества влиять на коммуникационные режимы, они все же остаются не полностью подконтрольными талибам.

Основными акторами коммуникационного режима в Афганистане являются: внутри страны – талибы, этнические, родоплеменные группы, СМИ, НКО; за пределами страны – инвесторы (международные фонды и правительства зарубежных стран); международные НКО; выехавшие представители политической элиты, имеющие ресурсы влияния на афганское общество; международные СМИ, социальные сети, международные корпорации, контролирующие информационные технологии сети.

Комлева В.В.

Коммуникационный режим Исламской Республики Афганистан:
социально-политический анализ

В Таджикистане уверены, что «Талибан»[°] со своей идеологией, своей интерпретацией шариата, пуштунским национализмом представляет угрозу таджикам Афганистана. Таджики при «Талибане»[°] не только отстраняются от власти, но и политика «Талибана»[°] приведет к ограничению сферы применения языка дари (таджикского), который более тысячи лет являлся государственным языком, языком межнационального общения в этой стране. Режим «Талибана»[°] угрожает также уничтожению многовековому историческому и культурному наследию таджиков в этой стране.

Искандаров К.

Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти «Талибана»[°]: взгляд из Таджикистана

Каковы бы ни были конечные цели талибов по женскому вопросу, ясно одно: на вопрос прав женщин они смотрят с точки зрения религии, при этом руководствуются исключительно собственной, особой интерпретацией шариата. То есть введенные ими ограничения в отношении женщин являются продуктом возврений самих лидеров движения, однако это преподносится как требования религии.

Окимбеков У.В.

Женский вопрос в Афганистане при талибах

Новым властям Афганистана пришлось иметь дело с крайне сложными вызовами социально-экономического и природного характера. Тем не менее уже больше года правительство Исламского Эмирата Афганистан продолжает контролировать большую часть страны и так или иначе реагировать на брошенные вызовы, коллапса государства так и не случилось.

Зимин И.А.

Социальные вызовы новому правительству «Талибана»[°]

[°]Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

Научная статья
УДК: 316.286; 316.77; 316.28
[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-118-141](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-118-141)

Коммуникационный режим Исламской Республики Афганистан: Социально-политический анализ

Валентина Вячеславовна Комлева[✉]

Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия
komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984.ru>

Аннотация. Статья содержит результаты пилотного исследования управляемости информационных и коммуникационных процессов в Афганистане. Автором определяется понятие «коммуникационный режим» и «управляемость», описываются показатели управляемости коммуникационных режимов и основные их типы. Концепция коммуникационных режимов впервые применяется в контексте Афганистана. Автор анализирует степень конвенциональности центра управления коммуникационным режимом в Афганистане и приходит к выводу, что режим в целом слабо конвенциональный. Рассматриваются центры управления коммуникационным режимом внутри страны и за ее пределами, делается вывод о слабой управляемости коммуникационным режимом со стороны талибов. Оценивается способность талибов бесконфликтно перевести коммуникационный режим из одного состояния в другое, способность контролировать и достигать целевых параметров коммуникационного режима, способность талибов использовать механизмы самоорганизации и общества для регулирования коммуникационных режимов. Выделяется ряд особенностей коммуникационного режима, например, наличие «слепых зон», которые не всегда видят и понимают те, кто управляет общественными коммуникациями. Статья содержит веб-аналитику, статистические данные о СМИ, популярных браузерах, поисковиках, передающих устройствах.

Ключевые слова: Афганистан, коммуникационный режим, общественные коммуникации, политические коммуникации, медиа, СМИ, социальные сети

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Комлева В.В. Коммуникационный режим Исламской Республики Афганистан: социально-политический анализ. 2023. No 2(8). С. 118-141, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-118-141](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-118-141)

Original article
[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-118-141](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-118-141)

Sociological sciences

Communication Regime of the Islamic Republic of Afghanistan: Socio-Political Analysis

Valentina V. Komleva[✉]

National Research Institute for Communications Development, Moscow, Russia
komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984.ru>

Abstract. The article contains the results of a pilot study of the controllability of information and communication processes in Afghanistan. The author defines the concept of "communication regime" and "controllability", describes the indicators of controllability of communication regimes and their main types. The concept of communication regime is applied for the first time in the context of Afghanistan. The author analyzes the degree of conventionality of the communication regime control center in Afghanistan and comes to the conclusion that the regime, in general, is weakly conventional. The centers of control of the communication regime inside and outside the country are considered, and the conclusion is made about the weak controllability of the communication regime on the part of the Taliban. The ability of the Taliban to transfer the communication regime from one state to another without conflict, the ability to control and achieve the target parameters of the communication regime, the ability of the Taliban to use the mechanisms of self-organization and society are evaluated. to regulate communication regimes. A number of features of the communication regime are highlighted, for example, the presence of "blind spots" that are not always seen and understood by those who manage public communications. The article contains web analytics, statistical data on mass media, popular browsers, search engines, transmitting devices.

Keywords: Afghanistan, communication regime, public communications, political communications, media, mass media, social networks

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Komleva, V.V. Communication Regime of the Islamic Republic of Afghanistan: socio-political analysis. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023;2(8): 118-141, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-118-141](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-118-141)

Введение

Коммуникационный режим является объектом научных исследований с 2020 г. За три года активных полевых исследований в страновых контекстах и теоретической разработки научной концепции коммуникационных режимов этот подход показал высокий гносеологический и прогнозный потенциал для анализа внутриполитических процессов в странах и регионах и для анализа внешнеполитических отношений. В отношении Афганистана данный концепт применяется впервые. Актуальность исследования обусловлена как минимум следующими причинами.

- Недостаточность в современной российской афганистике комплексных междисциплинарных исследований общественных и коммуникационных процессов в Афганистане, СМИ, особенностей медиапространства и связанных с ними проблем. Практически нет исследований по динамике современной социальной структуры общества, предопределяющих потребление информационного контента. Незначительно число исследований институтов социализации и происходящих в них процессах, формирующих мировоззрение и поведенческие установки афганской молодежи. В условиях информационных и когнитивных войн, обострения конкуренции идеологий и мировоззренческих моделей это заведомо проигрышная позиция как с точки зрения обеспечения международного лидерства российской афганистики, так и с точки зрения разработки аналитических документов для принятия решений в области российско-афганских отношений.

- Формирование модели дискриминационной культуры в Афганистане. События в стране показывают допустимость модели коммуникации, при которой не учитываются интересы ряда социальных групп, часть населения ограничена в коммуникациях с властью и участии в общественном процессе, они не могут влиять на формирование условий своей жизни. Допустимость реализации модели дискриминационной культуры в одной стране может вызвать аналогичные прецеденты в других странах, что приведет к усилению вынужденной миграции, росту социального напряжения в принимающих социумах и дестабилизациям в странах и регионах.

- Идеологическое противостояние в многополярном мире, борьба не только за природные и трудовые ресурсы, за территории, но и за умы людей. В этой борьбе участвуют не только гражданские идеологии, но и религиозные, противостоять которым значительно сложнее, так как они базируются на иррациональных основах, вере и безусловном доверии. Потеря влияния гражданских идеологий в Афганистане будет иметь серьезные (для России, скорее всего, негативные) политические последствия.

Данная статья имеет две цели: 1) обратить внимание научной общественности на названные выше пробелы в исследованиях современного Афганистана; 2) апробировать разработанную автором концепцию коммуникационных режимов и методику их исследования в афганском контексте.

Материалы и методы

Помимо хорошо известных работ по проблемам Афганистана [1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 18, 19, 21, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33] материалы исследования составили: публикации ученых и экспертов в области общественной и политической коммуникации в Афганистане и СМИ [2, 10, 11, 12, 17, 20, 23, 24, 28, 34, 35, 36, 37, 38]; национальные и международные документы, регулирующие деятельность СМИ и процесс информирования граждан в Афганистане¹; истории афганских СМИ и журналистов²; материалы афганских, российских и иных зарубежных аналитических центров, изучающих медиа- и информационные процессы в Афганистане (Центр изучения современного Афганистана, Center for Afghanistan Studies of University of Nebraska Omaha, Institute for Afghan Studies, Center for Afghanistan Studies in Jindal School of International Affairs и др.); статистические данные и инструменты веб-аналитики StatCounter.

Ограничения эмпирической базы исследования связаны с неточностью и недостаточностью статистических данных, недоступностью открытых результатов мониторинга афганских СМИ, проводимых российскими структурами, российских аналитических материалов по проблемам информационного пространства и систем социальной коммуникации в современном Афганистане. Соответственно, затруднены объективные исследования и разработка предложений с российской точки зрения. Оперирование, возможно, неточными и ангажированными данными зарубежных структур могут привести к неверным выводам. В данной статье будут использованы материалы, опубликованные на зарубежных ресурсах, верификация которых была проведена путем консультаций с экспертами Института востоковедения РАН и Центра изучения современного Афганистана. С этих позиций мы можем считать, что наши результаты и выводы достоверны.

В исследовании применялись общенаучные методы, а также методы ретроспективного анализа, контент-анализа, ивент-анализа, сравнительного анализа.

Для анализа и интерпретации данных был использован гносеологический потенциал концепции коммуникационных режимов, разработанной автором на базе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия) [8, 15, 16, 18]. В 2020–2022 гг. методика анализа управляемости коммуникационных режимов была апробирована в ходе мониторингов стран постсоветского пространства [13, 14, 16, 22].

Результаты международных научных дискуссий по проблемам коммуникационных режимов отражены в совместных публикациях российских и зарубежных ученых, представленных на страницах журнала «Россия и мир: научный диалог» в 2022 и 2023 гг.

¹ Afghanistan's Mass Media Law. URL: <https://afjc.media/english/killed/afghanistan-mass-media-law>; Afghanistan's Access to Information Law. URL: <https://afjc.media/english/killed/afghanistan-s-access-to-information-law>.

² URL: <https://afjc.media/english/a-journalist-a-story>; Inside an Afghan news network's struggle to survive. <https://cpj.org/2022/08/inside-an-afghan-news-networks-struggle-to-survive/>; Reporting Afghanistan and Iraq: Media, military and governments and how they influence each other. <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/reporting-afghanistan-and-iraq-media-military-and-governments-and-how-they-influence>; Afghanistan's media crisis: One year after the Taliban takeover. <https://cpj.org/reports/2022/08/afghanistans-media-crisis/> и др.

Результаты исследования

Коммуникационный режим рассматривается нами как управляемая (с разной степенью управляемости), институционализированная (с разной степенью институционализации) система норм, правил, принципов, обычаев, традиций, структур, акторов, регулирующих коммуникационные процессы в стране. Коммуникационный режим регулирует: 1) содержание сообщений, контент (дискурс, новые понятия, слова, слоганы, нарративы, шаблоны, язык коммуникации и т.п.); 2) акторов коммуникации, каналы, форматы распространения, обмена информацией, выстраивания общественных и политических связей (например, традиционные и новые медиа, блогеры, киноиндустрия, искусство, формы взаимодействия социальных групп, общества и власти, публичные мероприятия и др.).

Когда мы говорим о коммуникационном режиме, то подразумеваем не только СМИ, но и коммуникации внутри общества (например, между племенами, институтами гражданского общества и др.) и коммуникации общества с разными институтами: властью, медиа, бизнесом, религиозными институтами и др. Правила и условия таких коммуникаций устанавливает власть и само общество, вырабатывая, институционализируя наиболее эффективные практики (они оформляются как обычаи, традиции, привычные поведенческие паттерны, стереотипы, мифы и т.п.).

С социальной точки зрения коммуникационный режим упорядочивает связи и содержание информации. В итоге он обеспечивает социальный порядок и самосохранение общественной системы. С политической точки зрения коммуникационный режим обеспечивает контроль содержания информации, информационных потоков, каналов и форм коммуникации. В итоге управляемый коммуникационный режим обеспечивает поддержку и воспроизведение политического порядка. Проблемы в коммуникационных режимах ведут к социальной дезорганизации, политической дестабилизации, потере субъектности, доверия и легитимности власти. Наш опыт показал, что исследование управляемости коммуникационных режимов позволяет прогнозировать социальные и политические флюктуации и возможные дестабилизации. По сути, политическая стабильность есть функция от управляемости коммуникационного режима. Условно это можно выразить формулой:

$$ПС = f(\text{УКР}),$$

где ПС – это политическая стабильность, УКР – управляемость коммуникационного режима, f – функция.

Чем более управляем коммуникационный режим, тем более вероятна общественно-политическая стабильность. Но до определенного предела, до некой меры. Иными словами, управляемость определяется нами как мера контроля со стороны управляющего центра (субъектов управления, принимающих решения в отношении правил и институтов коммуникации) при добровольном согласии объектов управления со степенью своей автономности и подчиненности.

В любом коммуникационном режиме есть «слепые зоны», в которых находятся, как правило, социокультурные регуляторы, когнитивные конструкты, определяю-

щие общественные и политические коммуникации. В «слепой зоне» находятся и новые практики коммуникации, которые трудно выявить и понять на начальных этапах их появления. Например, разные форматы цифровых коммуникаций (известны примеры гейм-мобилизации и др.).

Основу нашей методики анализа управляемости коммуникационных режимов составляют три значимых параметра:

степень конвенциональности центра управления коммуникационным режимом; место нахождения центра управления коммуникационным режимом (внутри страны или за пределами страны);

оценка показателей управляемости, к которым мы относим:

3.1) способность и возможность центров управления коммуникационным режимом бесконфликтно перевести его из одного состояния в другое;

3.2) способность контролировать и достигать целевых параметров коммуникационного режима;

3.3) способность использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации объектов управления.

На основе параметров 1 и 2 нами была предложена типология коммуникационных режимов в координатах его конвенциональности и места нахождения центра управления коммуникациями (каналами коммуникации и информационным контентом). Были выделены четыре типа коммуникационных режимов (см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Условная классификация типов страновых коммуникационных режимов

Figure 1. Conditional classification of types of country communication regimes

СТЕПЕНЬ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИЯМИ	Конвенциональный	1	2
	Неконвенциональный	3	4
	Внешний	Внутренний	
МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ СТРАНОВЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ			

Опыт исследования коммуникационных режимов в 14 странах показал отсутствие «чистых» типов 1, 2, 3, 4.

Применяя эту методику в контексте Афганистана, считаем, что он может быть отнесен к третьему типу внутреннего неконвенционального коммуникационного режима с особым типом влияния внешних центров управления.

Степень конвенциональности коммуникационного режима Афганистана

Оценивая первый показатель управляемости – степень конвенциональности коммуникационного режима Афганистана – по шкале от -10 (отсутствует) до +10 (прини-

мается и одобряется всеми), Афганистан получает -5 баллов. Установленные нормы и правила признаются лишь частью общества. Конвенциальность коммуникационного режима в современном Афганистане обеспечивается не должной легитимностью действующей власти и доверием к ней, а апеллированием власти к традициям и устоям ислама. По сути, мы имеем дело с феноменом навязываемого воспроизведения норм и правил, эффективность которых для управления обществом не высока. Это провоцирует сопротивление со стороны изменяющегося социума. Речь идет, как минимум, о нормах и правилах коммуникации с женщинами, жестком цензурировании СМИ, сужении возможностей гражданских коммуникаций и воспроизведение этно-племенных нередко конфликтующих между собой моделей коммуникации.

Отметим, что сложность оценки степени конвенциальности коммуникационного режима в Афганистане связана с мировоззренческим фокусом разных исследователей. Мы исходим из позиции необходимости развития открытого общества, создания механизмов влияния общества на динамику норм и правил коммуникации (в системах «власть – общество», «общество – общество», «власть – СМИ», «СМИ – общество» и др.), свободного и равного доступа к информации и информационным ресурсам и т.п. С этих позиций наши интерпретации, выводы и рекомендации будут в большей степени касаться развития недискриминационной культуры Афганистана. Если же мировоззрение исследователя будет близким к мировоззрению талибов, то установленные нормы и правила будут трактоваться с точки зрения их эффективности для сохранения управляемости в Афганистане и воспроизведения устанавливаемого политического порядка. Обе группы исследователей по-своему будут правы. Как говорится, с точки зрения штопора нож изогнут. Но факт того, что страну покинули тысячи афганцев, не согласных с новым режимом, а часть ушла в открытую или латентную оппозицию, – показатель того, что режим мало эффективен (если он вообще заинтересован в сохранении населения на территории Афганистана и его как минимум социально-экономическом развитии). Итак, первый признак неконвенциальности – вынужденные беженцы, второй – наличие оппозиционных групп, продолжающих вести борьбу внутри страны. Например, Центр журналистов Афганистана (AFJC)³ считается независимой, неправительственной организацией, действующей в соответствии с Законом страны о СМИ⁴ с целью защиты прав афганских журналистов и обеспечения свободы слова в Афганистане. Защитой интересов СМИ в Афганистане занимается и другая организация – Nai Supporting Open Media⁵. Действуют правозащитные организации женщин [12]. Можно по-разному относиться к деятельности этих центров, но они работают (по некоторым данным, в настоящее время сотрудники этих центров находятся за пределами Афганистана).

Третий признак неконвенциальности коммуникационного режима – создание зарубежных консолидированных сообществ, стремящихся изменить ситуацию в Аф-

³ До 2011 г. действовала под названием «Центр поддержки журналистов Афганистана» (CSJA, лицензия Министерства информации и культуры от 2009 г.). Официальный сайт AFJC: URL: <https://afjc.media/>.

⁴ Mass Media Law (Translation of Official Gazette). URL: <https://afjc.media/english/killed/afghanistan-mass-media-law>.

⁵ URL: <https://nai.org.af/>.

ганистане, публикующих информацию о политике власти Афганистана в отношении журналистов, СМИ, содержания информационного контента. Зарубежные страны поддерживают сообщества из числа выходцев из Афганистана, создавая из них группы, формирующие информационный контент, потребляемый не только вовне, но и внутри Афганистана. Например, в 2022 г. Федеральным министерством иностранных дел ФРГ и Уполномоченным федерального правительства по культуре и СМИ была запущена германская инициатива «Ханна Арендт», направленная на поддержку уязвимых работников СМИ из Афганистана⁶. Поддержка афганских журналистов, бежавших после прихода к власти талибов в августе 2021 г., заключается в материальной, методической, обучающей, информационной поддержке. Обучение строится на принципах Mobile reporting (качественное позиционирование себя в репортажах, сделанных в изгнании). В рамках проекта «Space for freedom» в 2022 г. было поддержано 20 журналистов, бежавших в соседние с Афганистаном страны, а в 2023 г. планируется включить в программу еще 45 журналистов. Все инструкторы родом из Афганистана и являются носителями языка дари или пушту. Сотрудники редакции DW^{*}, говорящие на дари и пушту, выступают в качестве наставников и при подготовке репортажей и обучают правилам журналистской безопасности.

С аспектом зарубежной поддержки НПО, специализирующихся на вопросах коммуникации, тесно связан второй критерий оценки управляемости коммуникационных режимов – место нахождения центра управления коммуникационным режимом.

«Множественность» центров управления коммуникационным режимом

Второй показатель управляемости коммуникационного режима – место нахождения центра управления – оценивается, как и первый, по шкале от -10 (центр находится за рубежом) до +10 (центр находится внутри). Оценка Афганистана +5 баллов, так как фиксируется внешнее влияние на общественные коммуникации по медиа-каналам, каналам НПО, диаспоральным связям и зависимость информационных систем от внешних акторов.

Анализ публикаций, посвященных эволюции медиапространства Афганистана, позволяет сделать вывод, что Афганистан никогда в современной истории не был суверенным субъектом своего коммуникационного режима. Он часто управлялся из зарубежных центров. С момента появления первой газеты «Шамсунахар» (1873), первого радиопередатчика (1920), первой телетрансляции (1978) СМИ Афганистана развивались при внешней поддержке. Почти все СМИ прямо или косвенно зависели и зависят от международных фондов. Когда международные фонды сократили (или прекратили) финансирование, СМИ Афганистана начали закрываться. По сути, коммуникационный режим никогда не имел только внутренний центр управления

⁶ Около 300 000 человек из Афганистана живут в Германии. URL: <https://www.deutschland.de/en/topic/life/the-afghan-community-in-frankfurt-rhine-main>.

коммуникациями. Отметим, что в 1970–1990-х гг. особую роль в формировании общественного мнения Афганистана играли иностранные СМИ, среди которых особо выделяется «BBC». Например, афганский автор Наби А. отмечает роль этого издания в формировании общественного настроя перед приходом к власти талибов в 1990-х гг.: талибы воспринимались обществом как сила без политических амбиций, сформировалось мнение, что их главная цель – привести к власти бывшего короля Захир-Шаха. Даже в период «расцвета» национальных медиа в Афганистане было много различных консультирующих и контролирующих органов. Так, Айеша Танзим (директор отделения Южной и Центральной Азии «Голоса Америки», бывший глава бюро по Афганистану и Пакистану) вспоминает, как работал медиааналитиком по контракту с посольством США в Кабуле в 2013 г. и следил за СМИ Афганистана⁷.

Внешнее влияние касалось не только медиакоммуникаций, но и гражданских коммуникаций путем регулирования деятельности НПО. Предпринимались попытки разрыва традиционных внутренних и межплеменных, межэтнических коммуникаций, о чем мы уже писали в одной из публикаций [18]. В случае успеха это позволило бы минимизировать «слепые зоны» коммуникационного режима и уменьшить влияние исторически сложившихся практик (традиций, стереотипов, обычаяев) на коммуникационный режим Афганистана. Иначе говоря, на практике почти сформировался феномен параллельного существования одного (официального) коммуникационного режима, сформированного официальной властью, и второго коммуникационного режима, сформированного общественными институтами. Ясно, что в случае несовпадения этих двух видов коммуникационных режимов высока вероятность серьезного общественно-политического напряжения.

Кроме указанных центров влияния нельзя упускать из виду влияние ИГИЛ⁸. Согласно информации МИД России, численность ИГИЛ⁹ в Афганистане – 4–6 тыс. человек. «В Афганистане действуют более 20 террористических организаций, общая численность боевиков – 20–23 тыс. чел., больше половины из них – иностранные граждане. Наиболее крупные формирования: ИГИЛ (ИГИЛ-Хорасан)¹⁰, «Аль-Каида»¹¹, Движение талибов Пакистана, «Лашкар-е Тайиба», Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ). Кроме того, в стране действует ряд мелких группировок численностью до нескольких сотен человек каждая: «Катиба Имам аль-Бухари» (провинции Джаузджан, Сари-Пуль и Фарьяб), Шариатское движение «Мохаммади» (уезд Вардудж провинции Бадахшан), «Союз исламского джихада» (уезды Имам-Сахиб

7 Event Extra: Afghanistan's Media Landscape Amid Taliban Rule (January 25, 2023). URL: <https://www.usip.org/publications/2023/01/event-extra-afghanistans-media-landscape-amid-taliban-rule>.

8 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

9 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

и Дашти-Арчи провинции Кундуз), «Лашкар-е Джангави», «Ансарулла» (Кундуз), «Группа призыва джихада» (Нангархар, Кунар, Нуристан), «Лашкар-е Ислам» (уезды Назиян, Ачин и Дурбаба провинции Нангархар), «Группа Аль-Бадр» (уезды Гошта, Назиян и Момандара провинции Нангархар, уезд Шигал провинции Купар), «Горух-е Махаз-е Федайи» (Уruzган, Кандагар и Гильменд), «Движение моджахедов», «Движение исламского джихада»¹⁰. Эти структуры имеют свои каналы коммуникации и влияния.

С точки зрения медиацентров влияния на общественное мнение, имеются как минимум пять групп каналов влияния:

- Медиа, находящиеся внутри страны (государственные и частные). Структура медиаресурсов Афганистана имеет свои особенности, суть которых в низкой доступности печатных медиа (по причинам низкой грамотности населения, недостаточного финансирования печати больших тиражей, сложной логистики доставки газет в сельские территории и, возможно, низкого уровня культуры и привычки чтения). По неофициальным данным, лишь 1% населения читает газеты. Телевидение охватывает примерно 40% населения (имеется частное телевидение), а радио – примерно 73%. Большой популярностью пользуются социальные сети (их структура была рассмотрена ниже).

- Местные отделения национального телевидения Афганистана (RTA) в настоящее время не работают, количество частных телеканалов заметно сократилось. На этом фоне большую роль в коммуникациях играет радио. В основном частные радиостанции. В настоящее время существуют частные радиостанции Oshkula, Talim-и-Islam, Sheikh Mati и Национальное радио, работающие в столице провинции Калате, и Surghar Radio в отдаленном районе Шаҳджой. Недавно открылась частная радиостанция Paigham в провинции Забул. Медиа внутри страны более других контролируются талибами.

- Внешние медиа, развиваемые журналистами, уехавшими из страны после прихода к власти талибов. Они ведут каналы на YouTube, веб-сайты, страницы в социальных сетях. Эти медиа не контролируются талибами. Заметим, что талибы в годы вооруженной борьбы против США достаточно эффективно использовали СМИ. Например, по уровню оперативности пресс-секретари талибов иногда обходили представителей властей и иностранных государств. Талибы достаточно эффективно пользовались тем принципом, что СМИ обязаны были отображать и их позицию.

- Внешние международные медиаорганизации, такие как «Голос Америки»¹¹, BBC¹², Deutsche Welle¹³, RFE/RL¹⁴, не контролируются талибами. Когда в Афганистане были закрыты их телепрограммы, то, например, «Голос Америки»¹¹ запустил круглосуточный спутниковый телеканал на языках дари и пушту, направляющий сигнал в Афганистан. При закрытии FM-радиостанций международные медиа перешли на короткие и средние волны.

- СМИ соседних стран, вещающих на языках, понятных населению Афганистана. Эти медиа тоже не контролируются талибами.

10 Информация МИД России о военно-политической ситуации в Афганистане по состоянию на апрель 2023 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnopoliticskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regional-nye-konflikty/obstanovka-v-afganistane/.

• Социальные сети. У талибов пока нет ресурсов, чтобы закрыть социальные сети. Это возможно, если только появится возможность полностью отключить Интернет. Но, вероятно, это не выгодно самим талибам, так как они пользовались соцсетями ранее¹¹ и пользуются ими сейчас. В соцсетях активно работают сторонники талибов. Например, недавно активисты афганской diáspora в Бельгии инициировали сбор подписей за выдворение из страны проталибского блогера¹².

Учитывая влияние Интернета, новых медиа, социальных сетей на современные общества, было важным проанализировать зависимость коммуникационного поля Афганистана от системы социальных сетей, браузеров, поисковиков, которые создают и контролируют возможности получения информации, возможности трансграничных коммуникаций и регулируют информационный контент. Для этого мы использовали инструмент веб-аналитики StatCounter.

Анализ структуры пользователей социальных сетей Афганистана (в динамике за период с мая 2020 г. по май 2023 г.) убедительно доказывает влияние этих ресурсов. Лидером среди пользователей, а следовательно, и лидером распространения контента является Facebook^{**}. Статистика социальных сетей Афганистана представлена в таблицах 1 (пользователи всех устройств) и 2 (в разрезе пользовательских устройств)¹³.

Таблица 1. Доля социальных сетей в Афганистане на всех устройствах (в %)
Table 1. The share of social networks in Afghanistan on all devices (in %)

Социальные сети	На всех устройствах			
	2020 май	2021 май	2022 май	2023 май
Facebook ^{**}	72,9	72,46	83,31	84,5
Twitter ^{**}	19,48	20,55	10,28	9,81
YouTube	2,9	2,68	2,33	2,0
Instagram ^{**}	1,12	1,45	1,56	1,74
Pinterest	2,85	1,93	1,63	1,34
Reddit	0,25	0,36	0,5	0,44
LinkedIn ^{**}	0,26	0,33	0,22	0,13
Другие	0,22	0,24	0,17	0,06

Источник: составлено автором на основе анализа данных StatCounter (URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/afghanistan>)

Source: compiled by the author based on the analysis of StatCounter data. Available from: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/afghanistan>

11 Емельянова О. Талибы захватывают соцсети // Афганистан.РУ, 23.10.2021. URL: <https://afghanistan.ru/doc/146717.html>.

12 <https://farsi.alarabiya.net/afghanistan/2023/06/15/>.

13 Статистика социальных сетей Афганистана. <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/afghanistan>.

Доля пользователей Facebook^{**} в Афганистане выше, чем в среднем в мире (69,97% – в мире), Twitter^{**} примерно так же (9,85% – в мире). По другим социальным сетям доля пользователей в Афганистане ниже, чем в среднем по миру.

Таблица 2. Доля социальных сетей в Афганистане в разрезе пользовательских устройств (в %)
Table 2. Share of social networks in Afghanistan by user devices (in %)

Социальные сети	Десктоп ¹⁴				Планшет				Мобильный			
	2020 май	2021 май	2022 май	2023 май	2020 май	2021 май	2022 май	2023 май	2020 май	2021 май	2022 май	2023 май
Facebook ^{**}	36,09	32,76	36,25	21,61	71,69	63,48	72,74	68,63	74,7	74,12	84,99	86,17
Twitter ^{**}	20,04	23,85	16,09	26,42	11,57	19,75	15,52	13,73	19,49	20,42	10,06	9,37
YouTube	21,76	22,5	23,9	28,64	6,46	7,69	5,4	5,88	1,97	1,85	1,56	1,29
Instagram ^{**}	0,61	0,77	0,78	- ¹⁵	1,04	2,08	2,16	-	1,15	1,48	1,59	1,78
Pinterest	15,5	10,85	9,56	8,75	8,27	5,47	3,1	7,84	2,21	1,55	1,35	1,13
Reddit	3,42	5,74	9,4	9,4	0,4	0,83	0,67	3,92	-	0,13	0,19	0,14
LinkedIn ^{**}	1,92	2,7	3,16	3,16	-	-	-	-	0,18	0,23	0,12	0,12
VKontakte	-	-	-	0,51	-	-	-	-	0,13	-	-	-
Tumblr	-	-	-	-	-	0,28	-	-	-	-	-	-
news.ycombinator.com	-	-	-	-	-	-	0,27	-	-	-	-	-
Другие	0,67	0,83	0,85	0,51	0,3	0,49	0,13	-	0,16	0,22	0,15	0,04

Источник: составлено автором на основе анализа данных StatCounter (URL: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/afghanistan>)

Source: compiled by the author based on the analysis of StatCounter data. Available from: <https://gs.statcounter.com/social-media-stats/all/afghanistan>

Материалы таблицы наглядно показывают ежегодное увеличение числа пользователей Facebook^{**} на мобильных устройствах. Если учесть динамику рынка мобильных устройств в Афганистане (Таблица 3), можно прогнозировать в перспективе рост влияния Facebook^{**} на коммуникационный режим Афганистана, в том числе на структуру коммуникации и ее содержание.

14 Десктоп – стационарный персональный компьютер.

15 Здесь и далее пропуск значений в ячейке означает, что в базе StatCounter нет данных.

Таблица 3. Доля мобильных устройств в структуре пользовательских устройств в Афганистане¹⁶
Table 3. Share of mobile devices in the structure of user devices in Afghanistan

	2020 май	2021 май	2022 май	2023 май
Мобильные устройства	75,95	78,32	78,39	82,24
Десктопы	23,32	21,01	20,96	17,36
Планшеты	0,74	0,67	0,64	0,4

Источник: составлено автором на основе анализа данных StatCounter (URL: <https://gs.statcounter.com/platform-market-share>)

Source: compiled by the author based on the analysis of StatCounter data Available from:
<https://gs.statcounter.com/platform-market-share>

Показателем возможного внешнего контроля коммуникаций в Интернете является доля рынка браузеров. Браузер – это, по сути, коммуникационное окно, от которого зависят особенности поиска информации, выгрузка контента (разного формата) на компьютерах или мобильных устройствах. Этот посредник между Интернетом и пользователями задает условия поиска и размещения информации, степень безопасности персональных данных и степень их доступности внешним акторам. Война браузеров ведется много лет. В настоящее время безоговорочным мировым лидером является Google Chrome (64,9% во всем мире). Safari составляет 19,21% мирового рынка. Другие браузеры занимают значительно меньший объем (менее 5%). Афганистан не стал исключением. Доля рынка Google Chrome среди всех браузеров в Афганистане равна 73,48%, Safari – 17,79%, Samsung Internet – 3,63%, Edge – 1,29%, Opera – 1,18%, UC Brauser – 1,06%, Firefox IE – 0,91%, Android – 0,19%. Доля иных браузеров – 0,23%. По сравнению с 2022 г. отметим, что в 2023 г. доля Safari снижается, а доля Google Chrome увеличивается. Иными словами, безопасность коммуникационного режима Афганистана в некоторой степени зависит от Google Chrome и политики ее владельцев – американской транснациональной корпорации (холдинг Alphabet).

Еще одним показателем контроля коммуникационных режимов является доля рынка поисковых систем, операционных систем и мобильных устройств. Мировым лидером является поисковая система Google (93,12% мирового рынка). В Афганистане доля Google в мае 2023 года составляла 96,64%. Среди прочих поисковиков в Афганистане отметим Bing (2,45%). Остальные (Yahoo!, Yandex, DuckDuckGo) имеют менее чем по 1%.

Среди операционных систем в мире лидируют Android (34,98% мирового рынка) и Windows (29,27%). В Афганистане также лидирует Android (66,12%), и он практически монополист. Windows (11,36%) занимает третью позицию после iOS (16,18%). Значительно меньшие показатели имеют OS X, Linux и др.

¹⁶ Для сравнения: доля мобильных устройств в Афганистане значительно выше, чем на мировом рынке, где мобильные устройства составляют 50,71% рынка, десктопы – 47,41%, планшеты – 1,88%.

В структуре мирового рынка мобильных устройств (на май 2023 г.) треть занимает Apple (31,44%), четверть рынка – Samsung (25,27%). В Афганистане иная ситуация. Здесь лидирует Samsung (56,39%), а Apple имеет 19,56% афганского рынка. Остальные (Xiaomi, Huawei, Oppo, Vivo и др.) занимают менее чем по 5% рынка.

Иными словами, и экономические, и социальные, и политические, и технологические особенности коммуникационного режима Афганистана показывают его зависимость от внешних акторов, несмотря на попытки талибов устанавливать рамки, правила и условия коммуникации внутри страны. Высока вероятность того, что рассмотренные центры влияния на коммуникационный режим, альтернативные действующей власти, станут движущими силами изменений.

Способность достигать целевых параметров, адаптироваться и использовать самоорганизующиеся сообщества

Показатель управляемости – способность контролировать и достигать целевых параметров коммуникационного режима.

Для любой системы управления сложно безошибочно определить и вербализовать в документах целевые показатели коммуникационного режима, то есть цели, ради которых выстраивается именно такая система норм, правил, акторов и каналов коммуникации, ради которых она реформируется (или разрушается).

За свою историю коммуникационный режим (точнее сказать, режимы) Афганистана не раз претерпевали существенные изменения. Эти изменения были связаны как с технологическим прогрессом (появление радио, телевидения, Интернета), так и с политическими факторами. Чаще всего изменения были обусловлены сменой политических режимов и, как следствие, сменой представлений правящих политических элит об идеальной модели коммуникации внутри страны. Целевые показатели современного режима определяются талибами «в рамках нашей культуры». Речь идет о культуре и ценностях, хорошо описанных М.А.Конаровским и ведущих к изолированности от внешнего мира части населения, живущего в удаленных районах сельской местности и горных долинах, «вследствие чего жизненный уклад, ценности не меняются в таких общинах веками. Авторитетом для них является скорее не эмир, а местный старейшина»¹⁷, в воспитании они ориентируются на «пуштунвалай», а «простойкой, выступающей толкователями воли Аллаха, выступают сельские муллы, которые в свою очередь и являются основным костяком «Талибана». Поэтому часть жителей Афганистана, по мнению М.А.Конаровского, «в той или иной мере разделяет ценности движения «Талибан» и, в основном, солидарна с целями, декларируемыми его руководством. Политика талибского руководства, касающаяся соблюдения шариата, положения женщин, соответствует представлениям сельского населения и значительной части жителей превратившихся в провинции афганских городов о нормах

¹⁷ Конаровский М.А., Белков Е.А., Зимин И.А. Афганистан: вызовы и перспективы. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/afghanistan-vyzovy-i-perspektivy/?phrase_id=102528128

общественной жизни и не вызывает у них ни малейшего отторжения»¹⁸. Вместе с тем, наблюдаются изменения (особенно среди городских жителей), проводниками которых были светские образовательные учреждения, НПО, медиаресурсы, оказывающие влияние на мировоззрение населения Афганистана. Изменяющееся афганское общество уже не готово в полной мере, некритично и безусловно принять рамки традиционной культуры, о которой говорят талибы. Это отмечают и некоторые российские эксперты. Например, о необходимости изменения талибов говорит в своем интервью директор второго департамента Азии МИД России, спецпредставитель Президента Российской Федерации по Афганистану Замир Кабулов¹⁹.

Обобщая сказанное, отметим, что общественное сопротивление (латентное или видимое) показывает, что талибы способны контролировать и достигать целевых параметров коммуникационного режима в основном силой и актуализацией эмоций страха.

По данным Центра журналистов Афганистана (AFJC), с мая 2022 г. по май 2023 г. совершено не менее 213 случаев насилия, угроз, задержаний, арестов журналистов (это составляет 64% от числа случаев за период с мая 2021 г. по май 2022 г.). Ответственность за часть случаев взяла на себя ИГИЛ²⁰, а остальные инциденты, по мнению AFJC²¹, были совершены «Талибаном»²². В 2022 г. Афганистан занял 156-е место (из 180 стран) во Всемирном индексе свободы прессы организации «Репортеры без границ» (RSF), опустившись со 122-го места в 2020 г. Отметим, что объективность данных организации «Репортеры без границ» (RSF) вызывает сомнения, так как в рейтинге свободы прессы рядом с Афганистаном находятся Россия (155-е место), Беларусь (153-е место), Азербайджан (154-е). Но в данной статье мы приводим результаты по Афганистану с той точки зрения, что на эти же данные ссылается ООН²³, принимая решения глобального уровня.

Показатель управляемости – способность и возможность центров управления коммуникационным режимом Афганистана бесконфликтно перевести его из одного состояния в другое.

Талибам пока не удалось бесконфликтно решить эту задачу. Несмотря на то, что официальный представитель правительства и исполняющий обязанности заместителя министра информации и культуры Забиулла Муджахид подтвердил, что закон о печати, принятый в марте 2015 г., остается в силе, правовое поле деятельности СМИ

18 Конаровский М.А., Белков Е.А., Зимин И.А. Афганистан: вызовы и перспективы. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/afghanistan-vyzovy-i-perspektivy/?phrase_id=102528128

19 Замир Кабулов: мы предугадали развитие ситуации в Афганистане еще 8 лет назад <https://www.interfax.ru/interview/821601>

20 World Press Freedom Day 2023: AFJC records 213 incidents of press freedom violations in a year. URL: <https://afjc.media/english/events/press-release/world-press-freedom-day-2023-afjc-records-213-incidents-of-press-freedom-violations-in-a-year>.

21 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

22 FUTURE OF AFGHANISTAN'S MEDIA IN THE BALANCE AS WORLD MARKS WORLD PRESS FREEDOM DAY. URL: <https://unama.unmissions.org/future-afghanistan%E2%80%99s-media-balance-world-marks-world-press-freedom-day>

весьма непродленное. СМИ получают указания от разных правительственные структур, в том числе от министерства культуры и информации, Главного управления разведки «Талибана»²⁴, министерства поощрения добродетели и подавления порока, Государственного центра СМИ и информации (GMIC)²⁵. Некоторые эксперты считают, что противоречия правоприменительной практики законов о СМИ и информации, неопределенность правил взаимодействия власти с журналистами, менеджерами и владельцами СМИ создают предпосылки для чрезмерной цензуры и неправовых действий власти, особенно в сельской местности.

По информации Миссии ООН по содействию Афганистану (UNAMA), с 2021 г. сектор СМИ в Афганистане пострадал не только от политики талибов, но и от экономического кризиса. Из Афганистана уехало большое количество журналистов, а оставшиеся вынуждены работать «в атмосфере запугивания и страха на фоне ужесточения ограничений со стороны де-факто властей Талибана»²⁶.

В настоящее время особенно пострадали женщины-журналисты по причине дополнительных ограничений²⁷. По неофициальным данным, до падения республики в медиасекторе по всей стране работало примерно 1 300 женщин-журналистов и работников СМИ. Сейчас число женщин в СМИ сократилось на 67%, 899 женщин потеряли работу в СМИ²⁸. По данным IMS²⁹, в 16 провинциях вообще нет работающих женщин-журналистов или сотрудниц СМИ³⁰. По данным Nai Supporting Open Media³¹, ранее в стране действовало 464 СМИ.

Показатель управляемости – способность талибов использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации объектов управления.

Такая способность в настоящее время невысока. Во-первых, потому что такие механизмы в нынешних условиях практически не развиваются внутри Афганистана (речь идет об общественных инициативах, инструментах обратных связей с гражданскими активистами и т.п.). Во-вторых, подорвано доверие и растет конфликтный потенциал даже тех сообществ, которые традиционно использовали механизмы само-

23 URL: <https://rsf.org/en/country/afghanistan>.

24 FUTURE OF AFGHANISTAN'S MEDIA IN THE BALANCE AS WORLD MARKS WORLD PRESS FREEDOM DAY. URL: <https://unama.unmissions.org/future-afghanistan%E2%80%99s-media-balance-world-marks-world-press-freedom-day>.

25 Ограничения на женщин-журналистов и работников СМИ, которые включают следующее: мужчины и женщины не могут работать в одной и той же телепрограмме, рабочие студии для мужчин и женщин должны быть разделены, женщины должны закрывать лица, появляясь на экране, и «Талибан»²⁴ может вмешиваться в то, кто может выступать в качестве аналитиков в политических программах, и ограничивать выступления критиков «Талибана»²⁴. Власти де-факто также объявили, что женщинам не разрешается выбирать журналистику для вступительных экзаменов в университеты. Это означает, что ни одна новая женщина не получит формального журналистского образования. Источник информации: The Taliban²⁴ wants Afghan women in media to become invisible. URL: <https://www.mediasupport.org/blogpost/the-taliban-wants-afghan-women-in-media-to-become-invisible/>.

26 Ibid.

27 IMS (International Media Support) – международная некоммерческая организация, основана в 2001 г. Штаб-квартира в Копенгагене (Дания), региональные офисы по всему миру. Основное финансирование – министерства иностранных дел Швеции, Дании и Норвегии.

28 The Taliban²⁴ wants Afghan women in media to become invisible. URL: <https://www.mediasupport.org/blogpost/the-taliban-wants-afghan-women-in-media-to-become-invisible/>.

организации для достижения своих целей (племена, кланы). Игнорирование новых механизмов и акторов, вероятно, приведет к усилению давления на коммуникационный режим низовых общественных структур. Талибы, вероятнее всего, вынуждены будут пойти на уступки в части либерализации норм общественной коммуникации или усилить контроль и репрессии. Однако в случае усиления давления, достижения предельных показателей будет превышена та мера, о которой мы говорили, давая определение управляемости, и коммуникационный режим выйдет из-под их контроля.

ВЫВОДЫ

Несмотря на жесткую политику талибов в отношении норм и правил общественной коммуникации (как в отношении нарративов и содержания информации, так и в отношении каналов коммуникации), несмотря на снижение возможностей СМИ и гражданского общества влиять на коммуникационные режимы, они все же остаются не полностью подконтрольными талибам.

Основными акторами коммуникационного режима в Афганистане являются: внутри страны – талибы, этнические, родоплеменные группы, СМИ, НКО; за пределами страны – инвесторы (международные фонды и правительства зарубежных стран); международные НКО; выехавшие представители политической элиты, имеющие ресурсы влияния на афганское общество; международные СМИ, социальные сети, международные корпорации, контролирующие информационные технологии сети.

Институциональную основу коммуникационного режима формально формируют талибы (хотя периодически вынужденные отступать от своих решений под давлением международных субъектов). Несмотря на то, что сохранена законодательная база, регулирующая СМИ, ее избирательное соблюдение со стороны талибов вызывает рост недоверия к ним, что делает их статус как центра управления все менее конвенциональным. Развитие дискриминационного типа культуры коммуникации провоцирует рост недовольства ущемленных групп населения.

В условиях навязывания норм «традиционной культуры» провоцируется ситуация, при которой законы отходят на второй план, а режим коммуникации регулируется неформальными, исторически сложившимися коммуникативными практиками, традициями и обычаями. В этих условиях круги коммуницирующих сужаются до «своих» людей. Высока вероятность роста радикализации и роста оппозиционности в этих коммуникационных кругах.

Обозначенные талибами целевые параметры коммуникационного режима, призванные в идеале консолидировать общество ради их достижения, наоборот, раскалывают общество на сторонников и противников. Репрессии против несогласных привели к формированию альтернативных центров влияния за пределами страны. Нарушение известного «закона Эшби» о необходимом разнообразии в конце концов приведет к неспособности системы адаптироваться к изменяющейся реаль-

ности. Высока вероятность ее саморазрушения, скорость которого будет зависеть и от силы влияния внешних акторов.

Коммуникационный режим современного Афганистана крайне неустойчив, характеризуется противоречивостью норм и правил общественной и политической коммуникации, несоответствием реальной практики регулирования режима и положений законов, многочисленными «слепыми зонами» (плохо видимыми, но влияющими на реальные каналы и содержание коммуникации). В условиях противоречивости норм и правил коммуникации, наличия внешних центров влияния и управления, низкого доверия к официальным каналам информации, высокой роли неформальных коммуникационных структур степень управляемости коммуникационного режима в современном Афганистане невысока. Данная статья подготовлена в рамках нашего пилотного проекта с Центром изучения современного Афганистана. Надеемся, что она заинтересует читателей и будет иметь продолжение в совместных исследованиях с российскими и зарубежными учеными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии [The Afghan knot and the security problems of Central Asia]. Алма-Ата: КИСИ, 2003. 163 с.
2. Бахадари А.Ф., Касеми М.А. Политическое развитие Афганистана после 2001 г [Political development of Afghanistan after 2001] / А.Ф. Бахадари // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 3(79). С. 816-828. DOI 10.35775/PSI.2022.79.3.020. EDN SMFSMG
3. Белокреницкий В.Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана – численность и расселение [Pashtuns and Pashtun tribes of Afghanistan – number of population and settlement] // Афганистан. Ру, 2022. 13 января. URL: <https://afghanistan.ru/doc/147751.html>
4. Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана [Authoritarianism and democracy in Afghanistan and Pakistan]. М.: ИВ РАН, 2013. 176 с.
5. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан' и перспективы Афганистана и Пакистана [The Taliban movement and the prospects of Afghanistan and Pakistan]. М.: ИВ РАН, 2014. 216 с.
6. Босин Ю.В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте [Afghanistan: Multiethnic Society and State Power in a historical context]. М.: Гуманитарий, 2002. 232 с.
7. Босин Ю.В. Этнический фактор во внутриафганском конфликте (исторический анализ) [The ethnic factor in the intra-Afghan conflict (historical analysis)] // Восток. 1999. № 5. С. 69-79.
8. Гасумянов В.И., Комлева В.В. (2020), Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы [Communication regimes as a factor of cross-country interactions: problem statement] // Международная жизнь. № 10. С. 38-49.
9. Искандаров К. Региональные и международные факторы распада Республики в Афганистане [Regional and international factors of the collapse of the Republic in Afghanistan] // Международные отношения и безопасность. 2022. №3(3). С. 49-62.

*Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

**включен в реестр иноагентов (на 25.06.2023 г), 18+

***Деятельность в России заблокирована по требованию Роскомнадзора, 18+

10. Катков И.Е. Социальные аспекты племенной организации пуштунов [Social aspects of the tribal organization of the Pashtuns] // Афганистан: История, экономика, культура. М.: Наука, 1989. С. 39–57.
11. Комлева В.В., Нессар М.О. Потенциал сетевого подхода в исследовании динамики политических порядков Афганистана [The potential of the network approach in the study of the dynamics of political orders in Afghanistan] // Восточная аналитика. 2023. Т. 14, № 1. С. 90-103. DOI 10.31696/2227-5568-2023-01-090-103. – EDN RIOPY.
12. Комлева В.В., Нессар М.О. Роль НПО в трансформации традиционной сетевой модели афганского общества [The role of NGOs in the transversal three-dimensional model of the Afghan community] // Обозреватель. 2023. № 3(398). С. 56-70. DOI 10.48137/2074-2975_2023_3_56. EDN CMRLMG.
13. Комлева В.В. (2021), Международные НКО на территории стран Центральной Азии [The role of NGOs in the transformation of the traditional network model of Afghan society] // Обозреватель – Observer. № 12. С. 5-12. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_12_5
14. Комлева В.В. (2021) Секьюритизация национальной идентичности в коммуникационных режимах стран Центральной Азии [Securitization of national Identity in the Communication regimes of Central Asian countries] // Международная жизнь. № 12. С.66-74.
15. Комлева В.В. (2021), Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен [Country communication regime as a socio-political phenomenon] // Россия и мир: научный диалог. № 1(1). С. 13-26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>
16. Комлева В.В. (2022), Методика анализа управляемости страновых коммуникационных режимов [Methodology for analyzing the manageability of country communication regimes] // Россия и мир: научный диалог. № 3(5). С. 94-107. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-94-107](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-94-107)
17. Комлева В.В. (2022), Управляемость страновых коммуникационных режимов [Manageability of country communication regimes] // Коммуникология. № 10(1). С.139-154. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154>
18. Комлева, В.В., Нессар М. О. Роль НПО в трансформации традиционной сетевой модели афганского общества [The role of NGOs in the transformation of the traditional network model of Afghan society] // Обозреватель. 2023. № 3 (398). С. 56-70. DOI 10.48137/2074-2975_2023_3_56. EDN CMRLMG.
19. Коноровский М.А. Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы [Afghanistan at the turn of the century: a new crossroads of fate]. М.: МГИМО-Университет, 2020. 355 с.
20. Коргун В. Г. История Афганистана. XX век [The history of Afghanistan. XX century]. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. 581 с.
21. Кушо Ф. Состояние образования в Афганистане после 11 сентября 2001 года [The state of education in Afghanistan after September 11, 2001] / Ф. Кушо // Историк. 2020. № 2(22). С. 163-171. EDN MWYPAG.
22. Лалетин Ю.П. Политическая система Афганистана как идеальный тип: воздействие племен [Afghanistan's Political System as an Ideal Type: the impact of Tribes]. М.: МГИМО-Университет, 2008. 105 с.
23. Леже И. (2022), Коммуникационный режим Республики Молдова: оценка управляемости [Communication Regime of the Republic of Moldova: Assessment of Manageability] // Россия и мир: научный диалог. №4(6). С. 86-109. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4\(6\)-86-109](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4(6)-86-109)
24. Мухаммад К. Особенности формирования и развития структуры официальных, независимых и оппозиционных СМИ в Афганистане (1980-1990-е годы) [Features of the formation and development of the structure of official, independent and opposition media in Afghanistan (1980-1990)]: специальность 23.00.03 «Политическая культура и идеология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1993. 22 с. EDN ZLEKQD.
25. Нессар М.О., Комлева В.В. Афганская модель децентрализованных сетевых структур. Взгляд на динамику политических порядков в Афганистане [The Afghan model of decentralized network structures. A look at the dynamics of political order in Afghanistan] // Обозреватель. 2022. № 2(385). С. 50-71. DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_50. EDN BUHTPW.
26. Нессар О. Политическое развитие Афганистана: оценки и прогнозы (2001–2014 гг.) [Political development of Afghanistan: Estimates and forecasts (2001–2014)]. М.: ИВ РАН, 2017. 140 с.
27. Нессар О. Правительство национального единства в Афганистане [Government of National Unity in Afghanistan] // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 3. С. 145–154.
28. Нессар О. Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане [The ethno-tribal factor and the political process in modern Afghanistan] // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 379–383.
29. Никитюк В.А. «Придворный либерализм»: общественно-политическая жизнь Афганистана в 1910 – 1920 гг. [“Court liberalism”: the socio-political life of Afghanistan in 1910 – 1920] // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 8(20). С. 540-544. EDN QXDXJD.
30. Пластун В. Пуштуны и их роль в политической жизни [Pashtuns and their role in political life] // Азия и Африка сегодня. 1995. № 10. С. 49-50.
31. Ромодин В.А. Некоторые историко-демографические данные об афганском (пуштунском) населении Афганистана [Some historical and demographic data on the Afghan (Pashtun) population of Afghanistan] // Страны и народы Востока. Вып. XV. Африка и Азия. М.: Наука, ГВРЛ, 1973. С. 169–172.
32. Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.) [The People's Democratic Party of Afghanistan at power. The period of Taraki-Amin (1978-1979)]. Симферополь: Симферопольский государственный университет, 1999. – 359 с.
33. Ханеев М.В. Этнический фактор в политическом строительстве афганской государственности [The ethnic factor in the political construction of the Afghan statehood]. Автореферат дис. ... канд. полит. наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2010. 25 с.
34. Христофоров В.С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. [Afghanistan: the military and political presence of the USSR, 1979–1989]. М.: ИРИ РАН, 2016. 544 с.
35. Шарифи М.Ш. Проблемы развития образования в Афганистане [Problems of education development in Afghanistan]: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Душанбе, 2010. 25 с. EDN QGZDDV
36. Pohanyar R.S. The role of scientific and academic institutions in strengthening peace in Afghanistan / R. S. Pohanyar. Actual Science. 2021;2(43):55-62. EDN LFUNCU.
37. Seyed H.M. Religious systems in Afghanistan / H. M. Seyed. Actual Science. 2021;2(43):73-79. EDN FAOIHV.
38. Ushakova E.V. The existence of Afghanistan in the conditions of a “stateless society”. Social Phenomena and Processes. 2022; 2: 18-26. EDN TCJMKZ.
39. Wahid S. Media role in Afghanistan presidential elections / S. Wahid // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2021. № 1. С. 427-431.

Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20 мая 2023. Одобрена после рецензирования: 25 мая 2023. Принята к публикации: 15 июня 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akimbekov S.M. The Afghan knot and the security problems of Central Asia. Alma-Ata: KISI, 2003:163 [In Russian].
2. Bahadari A.F., Qasemi M.A. Political development of Afghanistan after 2001. Voprosy politologii. 2022, Vol. 12, № 3(79):816-828. DOI 10.35775/PSI.2022.79.3.020 [In Russian].

3. Belokrenitsky V.Ya. Pashtuns and Pashtun tribes of Afghanistan – number of population and settlement. Afghanistan.<url>, 2022. 13 January. Available from: <https://afghanistan.ru/doc/147751.html> (accessed 20.02.2023) [In Russian].
4. Belokrenitsky V.Ya., Sikoev R.R. Authoritarianism and democracy in Afghanistan and Pakistan. Moscow: IV REN, 2013:176 [In Russian].
5. Belokrenitsky V.Ya., Sikoev R.R. The Taliban' movement and the prospects of Afghanistan and Pakistan. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2014:216 [In Russian].
6. Bosin Yu.S. Afghanistan: Multiethnic Society and State Power in a historical context. Moscow: Humanitarian, 2002:232 [In Russian].
7. Bosin Yu.S. The ethnic factor in the intra-Afghan conflict (historical analysis). Vostok. 1999. 5:69-79 [In Russian].
8. Gasumyanov V.I., Komleva V.S. Communication regime as a factor of cross-country interactions: problem statement. Mezhdunarodnaja zhizn'. 2020;10:38-49 [In Russian].
9. Iscandarov K. Regional and international factors of the collapse of the Republic in Afghanistan. Mezhdunarodnye otnosheniya i besopasnost'. 2022, 3(3):49-62 [In Russian].
10. Katkov I. Or. Social aspects of the tribal organization of the Pashtuns. Afghanistan: History, economy, culture. Moscow: Nauka, 1989:39-57 [In Russian].
11. Komleva V.S., Nessar M.O. The potential of the network approach in the study of the dynamics of political orders in Afghanistan. Vostochnaja Anaitica. 2023, Vol. 14, №1:90-103. DOI 10.31696/2227-5568-2023-01-090-103 [In Russian].
12. Komleva V.S., Nessar M.O. The role of NGOs in the transversal three-dimensional model of the Afghan community. Obosrevatel. 2023, 3(398):56-70. DOI 10.48137/2074-2975_2023_3_56 [In Russian].
13. Komleva V.S. The role of NGOs in the transformation of the traditional network model of Afghan society. Observatel-Observer. 2021, 12:5-12. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_12_5 [In Russian].
14. Komleva V.S. Securitization of national Identity in the Communication regimes of Central Asian countries. Mezhdunarodnaja zhizn'. 2021, 12:66-74 [In Russian].
15. Komleva V.S. Country communication regime as a socio-political phenomenon. Russia and the World: Scientific Dialogue. 2021, 1(1):13-26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26> [In Russian].
16. Komleva V.S. Methodology for analyzing the manageability of country communication regimes. Russia and the World: Scientific Dialogue. 2022, 3(5):94-107. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3 \(5\)-94-107](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3 (5)-94-107) [In Russian].
17. Komleva V.S. Manageability of country communication regime. Communicalighija. 2022, 10(1):139-154. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154> [In Russian].
18. Komleva V.S. Nessar M.O. The role of NGOs in the transformation of the traditional network model of Afghan society. Obosrevatel. 2023, 3(398):56-70. DOI 10.48137/2074-2975_2023_3_56 [In Russian].
19. Konarovskiy M.A. Afghanistan at the turn of the century: a new crossroads of fate. Moscow MGIMO-University, 2020:355 [In Russian].
20. Korgun V.D. The history of Afghanistan. XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Kraft+, 2004:581 [In Russian].
21. Cousho F. The state of education in Afghanistan after September 11, 2001. Historic. 2020, 2(22):163-171 [In Russian].
22. Laletin Yu.P. Afghanistan's Political System as an Ideal Type: the impact of Tribes. Moscow MGIMO University, 2008:105 [In Russian].
23. Leger I. Communication Regime of the Republic of Moldova: Assessment of Manageability. Russia and the World: Scientific Dialogue. 2022, 4(6):86-109. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4 \(6\)-86-109](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-4 (6)-86-109) [In Russian].
24. Mohammad K. Features of the formation and development of the structure of official, independent and opposition media in Afghanistan (1980-1990): specialty 23.00.03 "Political culture and ideology": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1993:22 [In Russian].
25. Nessar M.O., Komleva V.S. The Afghan model of decentralized network structures. A look at the dynamics of political order in Afghanistan. Observer. 2022, 2(385):50-71. DOI 10.48137/2074-2975_2022_02_50 [In Russian].
26. Nessar O. Political development of Afghanistan: Estimates and forecasts (2001-2014). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2017:140 [In Russian].
27. Nessar O. Government of National Unity in Afghanistan. Vestnic of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2018, 3:145-154 [In Russian].
28. Nessar O. The ethno-tribal factor and the political process in modern Afghanistan. Islam in the Middle East. 2015, 9: 379-383 [In Russian].
29. Nikityuk V.A. "Court liberalism": the socio-political life of Afghanistan in 1910-1920. Theory of Law and Interstate Relations. 2021. Vol. 1, № 8(20):540-544 [In Russian].
30. Plastun V. Pashtuns and their role in political life. Asia and Africa today. 1995, 10:49-50 [In Russian].
31. Romodin V.A. Some historical and demographic data on the Afghan (Pashtun) population of Afghanistan. Countries and peoples of the East. Issue XV. Africa and Asia. Moscow: Nauka, GWRL, 1973:169-172 [In Russian].
32. Slinkin M.F. The People's Democratic Party of Afghanistan at power. The period of Taraki-Amin (1978-1979). Simferopol: Simferopol State University, 1999:359 [In Russian].
33. Khaneev M.V. The ethnic factor in the political construction of the Afghan statehood. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences. Moscow: Russian Academy of State Services under the President of the Russian Federation, 2010:25 [In Russian].
34. Khristroforov V.S. (Afghanistan: the military and political presence of the USSR, 1979-1989). Moscow: IRI RAS, 2016:544 [In Russian].
35. Sharifi M.S. Problems of education development in Afghanistan: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of pedagogical sciences. Monday, 2010:25 [In Russian].
36. Pohanyar R.S. The role of scientific and academic institutions in strengthening peace in Afghanistan. Actual Science. 2021, 2(43):55-62 [In English].
37. Seyed H.M. Religious systems in Afghanistan. Actual Science. 2021, 2(43):73-79 [In English].
38. Ushakova E.V. The existence of Afghanistan in the conditions of a "stateless society". Social Phenomena and Processes. 2022, 2:18-26 [In English].
39. Wahid S. Media role in Afghanistan presidential elections. Vestnic of Young Scientists of St. Petersburg State University of Technology and Design. 2021, 1:427-431 [In English]

About the authors

Valentina V. KOMLEVA DSc (Soc.). Deputy Director on Scientific Work of the National Research Institute of Communications Development, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: 22/1, Korobeinikov per, Moscow, 119571, Russian Federation, komleva@nicrus.ru.

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Submitted: 20 April 2023. Approved after peer reviewing: 25 May 2023. Accepted for publication: 15 June 2023. Published: 25 June, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья

УДК 323.13

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-142-157](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-142-157)

Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти «Талибана»^{*1}:

взгляд из Таджикистана

Косимшо Искандаров[✉]

Национальная академия наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан

ikosimsho@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7933-2037>

Аннотация. В статье анализируется взгляд из Таджикистана на гуманитарную ситуацию и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти «Талибана»^{*} в августе 2021 г. Подчеркивается, что, в отличие от многих ведущих стран и государств региона, которых особенно не беспокоил переход Афганистана под контроль террористической организации «Талибан», это событие столкнулось с особой негативной реакцией в таджикском обществе. Общество Таджикистана впервые восприняло угрозу для таджиков Афганистана как угрозу для себя, своего языка, культуры, ценностей и в целом культурного ареала и самого существования нации. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон открыто и настойчиво настаивал на формировании инклюзивного правительства, на обязательный учет интересов этнических таджиков, которые составляют порядка 46 процентов населения Афганистана. Последствия прихода «Талибана»^{*} к власти впервые рассматриваются в Таджикистане как угроза национальной идентичности таджиков (и в целом для таджиков как нации).

¹ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

Социологические науки

Ключевые слова. Афганистан, «Талибан», гуманитарная ситуация, таджики, Таджикистан, безопасность

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Искандаров К. Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти «Талибана»^{*}: взгляд из Таджикистана // Россия и мир: научный диалог. 2023. No 2(8). С. 142-157, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-142-157](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-142-157)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-142-157](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-142-157)

Political sciences

Afghanistan Humanitarian Situation and Security Problems after Coming to Power the Taliban^{*2} movement: A view from Tajikistan

Kosimsho Iskandarov[✉]

National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan
ikosimsho@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7933-2037>

Abstract. The article analyzes the attitude of Tajikistan to the humanitarian situation in Afghanistan and to security problems in this country after the Taliban^{*} came to power in August 2021. Unlike many states in the region, which were not particularly worried about the transition of Afghanistan under the control of a terrorist organization, this event negative reaction in the Tajik society. It perceived the threat to the Tajiks of Afghanistan as a threat to itself, its language, culture, values and, in general, the very existence of the nation. Tajik President Emomali Rahmon openly insisted on the formation of an inclusive government, on the obligatory consideration of the interests of ethnic Tajiks, who are about 46 percent of the population of Afghanistan. The consequences of the coming of the Taliban^{*} to power are for the first time seen in Tajikistan as a threat to the national identity of the Tajiks, Tajiks as a nation.

Keywords: Afghanistan, Taliban^{*}, humanitarian situation, Tajiks, Tajikistan, security

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Iskandarov K. Afghanistan Humanitarian Situation and Security Problems After Coming to Power the Taliban^{*} Movement: A View from Tajikistan. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2(8): 142-157, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-142-157](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-142-157)

² Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

Введение

После бегства президента Исламской Республики Афганистан М.А.Гани из Афганистана 15 августа 2021 г. и перехода под контроль «Талибана»* всей территории страны сложилась очень сложная – как социально-экономическая, политическая, так и гуманитарная ситуация. События развивались стремительно, и, возможно, за исключением самого президента и его ближайших помощников, никто не мог представить, что так быстро и, главное, без сопротивления произойдет распад государства или просто его сдача террористической организации «Талибан», рассыпется 300-тысячная, подготовленная по стандартам НАТО армия. Хотя, если анализировать всю ситуацию последних лет, можно прийти к выводу, что распад республики не был внезапным, он произошел постепенно. Предпосылки распада государства были заложены еще в 2014 г., когда в результате массовой фальсификации результатов президентских выборов и начала глубокого политического кризиса, связанного с выборами, была поставлена под вопрос сама легитимность политической власти Афганистана. Хотя формирование Правительства национального единства на время приглушило остроту кризиса, тем не менее неэффективная политика и политические амбиции президента М.А.Гани, его эгоизм, невиданного уровня коррупция в государстве привели к дальнейшему ослаблению государства, недовольству населения и политической элиты страны. Это не могло не повлиять на настроение в армии, на политику зарубежных стран в отношении режима Исламской Республики Афганистан.

Очевиден тот факт, что в период переговоров между США и «Талибаном»* в столицах некоторых ведущих стран и государствах региона усилились стремления по налаживанию более широкого взаимодействия с «Талибаном»*, изменилась риторика по отношению к этой террористической организации. Многие страны предлагали свои услуги по проведению встречи между «Талибаном»* и представителями других политических сил Афганистана. На страницах печати и по телевидению началась компания по созданию нового имиджа движения «Талибан»*, которое стали называть «политической организацией», «национальным движением», считали его чуть ли не единственной реальной силой в борьбе против ИГИЛ-Хорасан* и т.д.

Сам этот процесс в условиях, когда деятельность «Талибана»* в этих странах была запрещена (как террористической организации) и ее лидеры состояли в черном списке ООН, выглядел не совсем понятным в Таджикистане.

В отличие от других стран политика Таджикистана по отношению к движению «Талибан»* не изменилась. Таджикистан не принимал участия во всех этих закулисных играх с талибами и, учитывая опыт 90-х гг. прошлого века, как всегда, придерживался ясной и недвусмысленной политики, рассматривающей движение «Талибан»* как террористическую организацию со всеми вытекающими последствиями. Вместе с тем руководство Таджикистана всегда выступало за политическое решение конфликта в Афганистане.

Научных работ в виде статей и монографий по данной тематике еще не очень много. Автор использовал работы как отечественных, так и зарубежных авторов, в которых затрагиваются такие вопросы, как история переселения афганских племен

на север Афганистана, попытки ограничения сферы применения языка дари и монополизации власти со стороны националистических кругов пуштунского истеблишмента, не потерявшие свою актуальность и сегодня. В частности, эта работа П.Алексеенкова [1], Р.Махмадшоева [3], Х.Назарова [5], афганского историка М.С.Фарханга [6]. Проблемы безопасности региона в контексте прихода к власти «Талибана»* рассматриваются, в частности, в работах Дж.Латифова [2], Ш.Ризоен и М.Гиёсова [4] и др.

Цель настоящей статьи – анализ видения сложившейся гуманитарной ситуации и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти «Талибана»* в Таджикистане.

Материалы и методы

При написании статьи использованы исторический метод исследования, а также методы сравнительного анализа, индукции и дедукции, наблюдения и т.д.

В работе использованы выступления и интервью президентов Российской Федерации В.В.Путина, Республики Таджикистан Эмомали Рахмона и бывшего президента Республики Узбекистан И.Каримова, министра обороны РФ С.Шойгу, секретаря Совета Безопасности РФ Н.Патрушева и директора Второго департамента Азии МИД РФ З.Кабулова и других, послужившие важнейшими источниками при написании данной работы.

Характер данной работы потребовал анализа большого объема эмпирического материала, содержащегося в таджикском сегменте «Фейсбука»*, книги стихов, выпущенных в поддержку борьбы панджшерцев, а также личных наблюдений автора за реакцией таджикистанцев на происходящие события в Афганистане.

Результаты исследования

29 февраля 2020 г. в столице Катара, в г. Дохе было подписано Соглашение между США и движением «Талибан»*, которое, по мнению многих экспертов, создало все предпосылки для передачи власти «Талибану»*. По мнению профессора Дж.Латифова, «участие «Талибан»* на переговорах было ширмой, спектаклем, за которым скрывалась цель захвата власти» [2, с. 69].

Точкой отсчета распада государства следует считать 14 апреля 2021 г., когда президент США Джо Байден заявил о полном выводе из Афганистана американского военного контингента к 11 сентября 2021 г. До того времени некоторые круги еще надеялись на межафганские переговоры в Дохе, на результаты Стамбульской конференции и формирование коалиционного правительства.

Талибы, по всей видимости, искали повод отказаться от участия в Стамбульской мирной конференции, чтобы предпринять меры по силовому захвату власти. Поэтому заявление Джо Байдена о завершении вывода войск к 11 сентября 2021 г. посчитали нарушением Дохинского Соглашения между движением «Талибан»* и США, которое пред-

усматривало полный вывод американских войск к первому мая 2021 г. «Талибан»³ объявил об отказе принять участие в работе Стамбульской мирной конференции и вообще от участия в каких-либо переговорах, пока не будут выведены иностранные войска. Кроме того, лидеры «Талибан»³ заявили, что считают себя свободными от взятых обязательств и обещали предпринять адекватные меры. Результатом адекватных мер талибов стал массовый силовой захват территории, находившихся под контролем государства.

Обращает на себя внимание тот факт, что представители ведущих стран мира, в том числе США, во всяком случае, в публичной форме еще в период продолжения переговоров предупреждали «Талибан»³ отказаться от силового захвата власти, призывали к формированию коалиционного переходного правительства, о недопустимости возрождения талибами режима Исламского эмирата. В противном случае обещали, что режим «Талибана»³ окажется в изоляции и без финансовой помощи. Такие заявления исходили из уст представителей «Тройки» (США, Россия, Китай) и «Тройка плюс» (США, Россия, Китай, Пакистан, Иран) в Москве. Теперь они без особой тревоги наблюдали за «триумфальным шествием» «Талибана»³, затем де-факто признали и Исламский эмирят «Талибан»³.

Создается впечатление, что многие ведущие страны и страны региона были в курсе происходящих закулисных игр, их особенно не беспокоил переход Афганистана под контроль террористической организации «Талибан»³. В некоторых официальных кругах России также считали, что «Талибан»³ не несет угрозу странам Центральной Азии. Более того, специальный представитель Президента РФ по Афганистану, директор Второго департамента Азии МИД России Замир Кабулов, выступая онлайн в ходе круглого стола, организованного Фондом поддержки публичной дипломатии им. Горчакова, заявил, что «присутствие талибов на севере Афганистана будет сдерживать рост угроз со стороны террористической группировки «Исламское государство»³ в отношении стран Центральной Азии»⁴.

Единственная страна, которая с самого начала выражала озабоченность происходящими событиями перехода под контроль «Талибана»³ обширных территорий, зачастую без сопротивления и по приказу из Кабула, была Республика Таджикистан. Руководство Таджикистана особенно беспокоило тот факт, что распад афганского государства и переход под контроль террористов начался с северо-восточных провинций, с районов, непосредственно граничащих с Таджикистаном. В 90-е годы талибы, несмотря на неоднократные попытки, не смогли захватить северо-восточные провинции, служившие основной базой антиталибовского сопротивления под командованием Ахмад Шаха Масуда. На этот раз талибами был учтен опыт 90-х гг. прошлого века, и, стремясь не дать возможность формирования нового антиталибовского сопротивления на севере, они взяли под контроль всю территорию по периметру афга-

³ Организация признана Верховным судом России террористической организацией. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 апреля 2023 г.). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>

⁴ В МИД объяснили необходимость присутствия талибов в Афганистане. URL: <https://ria.ru/20210803/afghanistan-1744148413.html?ysclid=li8xk6jtpb591177251>

но-таджикской границы. Сотни военнослужащих правительенных войск без особых сопротивления перешли на территорию Таджикистана.

После перехода приграничных уездов Афганистана под контроль «Талибана»³, как писала Национальное информационное агентство Таджикистана (НИАТ) «Ховар», «22 июля 2021 года в четыре часа утра по Приказу Президента Республики Таджикистан, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Таджикистана, впервые в истории независимого государства Таджикистан по всей республике началась проверка боевой готовности Вооруженных сил, правоохранительных органов и личного состава мобилизационных резервов под названием «Марз-2021» («Граница-2021»). В этом мероприятии 100 тысяч военнослужащих Вооруженных сил и правоохранительных органов, а также 130 тысяч офицеров и солдат мобилизационного резерва, в целом 230 тысяч человек, собрались по сигналу тревоги в обозначенных районах операции и проверили свою боеготовность. Кроме того, 20 тыс. офицеров и солдат мобилизационного резерва были дополнительно направлены в приграничные районы Таджикистана с Исламской Республикой Афганистан для пополнения подразделений Пограничных войск»⁵. Все это свидетельствовало об особой озабоченности руководства Таджикистана в связи со сложившейся «чрезвычайно сложной и неопределенной обстановкой» в соседней стране.

Передача талибам целых уездов и затем провинций разъяснялась в Кабульском Арге как тактическое отступление, с обещанием вернуть их под контроль государства. Однако по мере дальнейшего развития событий выяснилось, что никто не собирается не только вернуть утраченные территории, но и даже защитить хотя бы столицу страны.

После того как президент страны М.А.Гани и его ближайшие помощники покинули Афганистан и власть перешла к движению «Талибан»³, большинство людей в Афганистане охватил ужас. Люди пытались покинуть Афганистан как могли, даже взобравшись на шасси американского транспортного самолета.

Второе пришествие «Талибана»³ к власти столкнулось с особой негативной реакцией в таджикском обществе. В Таджикистане пристально наблюдали за событиями в этой стране и искренне переживали за тем, как рушатся достижения последних двадцати лет, надежды людей на свободу слова, на установление демократии, на соблюдение прав человека, прав женщин, прав непуштунских этнических групп, особенно таджиков. Различные слои населения в Таджикистане впервые начали воспринимать талибов как угрозу не только безопасности Таджикистана, о чем всегда говорилось, а «как антитаджикское явление, угрожающее прежде всего персоязычному населению Афганистана» [4, с. 266].

Следует отметить, что о негативных последствиях политики дискриминации и несоблюдения интересов различных этнических групп в Афганистане предупреждали и в других соседних странах. Например, президент Узбекистана И.Каримов еще 6 декабря 2001 г. в своей речи на VII сессии Парламента Республики Узбекистан

⁵ «МАРЗ-2021». В Таджикистане проверили состояние боеготовности 230 тысяч человек с объявлением тревоги. URL: <https://khovar.tj/rus/2021/07/marz-2021-v-tadzhikistane-proverili-sostoyanie-boegotovnosti-230-tysyach-chelovek-s-obyavleniem-trevogi/>

отмечал, что «исходя из многовековой истории этой страны, ситуация требует того, чтобы никто и никогда не забывал о том, что неполное соблюдение интересов всех слоев населения, проживающего на этой земле, принадлежащих различной национальности, народности и религии, было причиной множества кровопролитий и приводило к отрицательным последствиям»⁶.

Таджикскую интеллигенцию серьезно беспокоит политика «Талибана»* против языка дари, или таджикского, отстранение таджиков от власти и, вообще, против всего таджикского в афганском обществе. Об этом свидетельствует формирование временного правительства, которое состоит в основном из пуштунов и исключительно из числа сторонников «Талибана»*, за исключением символического присутствия в нем представителей таджиков и узбеков, издание и опубликование всех правительственные постановлений и распоряжений только на языке пушту и, таким образом, ограничение языка дари в государственном делопроизводстве. В прошлом неоднократно наблюдались попытки законодательного ограничения языка дари в делопроизводстве и в сфере образования, которые не увенчались успехом. В официальной газете «Ислах» 3 марта 1937 г. был издан указ короля о «развитии и возрождении афганского языка», согласно которому были предприняты меры по обучению всех чиновников в центре и на местах на курсах изучения языка пушту [6, с. 632]. Данная программа была рассчитана на три года, однако она не привела к какому-нибудь результату. Поэтому правительство было вынуждено продлить ее еще на три года. Более того, правительство неожиданно перевело обучение во всех школах страны на пушту. По словам М.С.Фарханга, «эти меры правительства кроме вреда системе образования и экономики страны ни к чему не привели. Но самый большой вред от реализации этой программы и в целом дискриминационной политики, состоял в возникновении чувства недоверия и вражды между различными народами» [6, с. 634]. Хотя в Конституции (Основной закон) Афганистана, которая была принята в 1964 г., языки пушту и дари были признаны официальными, однако спустя несколько лет вновь группа националистически настроенных депутатов в парламенте инициировала вопрос о придании только языку пушту статуса официального, что привело к острым дебатам в парламенте и получило большой резонанс в обществе. По словам Х.Назарова, «острые дебаты вокруг языка привели к обострению конфликта и национально-этническим противоречиям между таджиками и пуштунами» [5, с. 555].

Политика пуштунизации Афганистана четко просматривается в кадровой политике «Талибана» и на местном уровне. В настоящее время губернаторами во всех провинциях и ответственными чиновниками в органах государственной власти, командующими военных корпусов и других подразделений назначаются из числа пуштунов.

С приходом «Талибана»* вновь приобретает актуальность переселение пуштунов с южных и восточных регионов, и даже из Пакистана на территории прожива-

⁶ Для нас нет иной цели, кроме интересов нашего народа, нашей родины. Речь Президента Ислама Каримова на VII сессии Олий Мажлиса (6 декабря 2001 г.) // URL: [https://buxgalter.uz/doc?id=412972_vystuplenie_presidenta_islama_karimova_na_vii_sessii_olij_majlisa_\(6_dekabrya_2001_goda\)&prodid=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana&ysclid=licz0ws07z265118029#](https://buxgalter.uz/doc?id=412972_vystuplenie_presidenta_islama_karimova_na_vii_sessii_olij_majlisa_(6_dekabrya_2001_goda)&prodid=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana&ysclid=licz0ws07z265118029#).

ния непуштунских народов на север страны и насильственное переселение таджиков, узбеков, хазарейцев со своих исконных земель. Политика переселения, хотя и не новая в истории Афганистана, началась еще в конце XIX в. и призвана обеспечить пуштунское большинство в районах, населенных не пуштунами. Таджикский ученый Р.Мамадшоев пишет, что в Государственном архиве Республики Узбекистан имеется интересный документ, составленный на таджикском языке, следующего содержания: «Эмир Абдурахман приказал переселить из г. Герата и Кандагарской области 50 тысяч дворов афганцев (пуштунов) в Чорвилоят. 12 тысяч дворов уже переселены из Герата на береговую линию реки и наделены землей, освобождены от государственной повинности на 12 лет... 38 тысяч идут в Андхой, Акчу и Келиф на берег реки, где место для них подготовлено...» [3, с. 162]. Во время царствования Абдурахмана также были заселены несколькими тысячами афганцев районы Рустака и Чахаба [1, с. 84]. Весь район между Мазари-Шарифом и Балхом был заселен исключительно афганцами (пуштунами), где коренное население (таджики и узбеки) «остались жить островками в районе Давлатабада и нескольких кишлаках» [1, с. 83]. В дальнейшем политика переселения продолжалась и, по сути, пока не снята с повестки дня.

Не менее опасной политикой, осуществляющейся «Талибаном»*, является переименование исторических названий городов, уничтожение исторического и культурного наследия Афганистана под исламскими лозунгами. Например, историческое название г. Чарикар переименовано на «Имами Азам». Особую озабоченность вызывает тот факт, что талибы свою националистическую политику, или всеобщую пуштунизацию Афганистана, осуществляют под лозунгами ислама. На укрепление своего монопольного права на власть направлено и закрытие талибами сотен независимых газет и журналов, телевидения и радио, под запрет попали все политические партии и общественные организации, нет конституции и парламента.

Опыт почти 30-летней истории «Талибана»* показывает, что эта организация никогда не идет на уступки на переговорах, ни на йоту не отступает от своих принципов, даже ради мира и стабильности в Афганистане. Свидетельством этой недоговороспособности руководства «Талибана»* служит постепенное ужесточение политики в отношении прав женщин на учебу, работу и других свобод, отсутствие должного внимания к призывам международного сообщества о формировании инклюзивного правительства.

Поэтому значительная часть населения в Таджикистане пристально следила и следит за происходящими событиями в Афганистане в целом, особенно в Панджшере – единственной провинции, которая на время еще оставалась вне контроля «Талибана»*, и сын легендарного Ахмад Шаха Масуда Ахмад Масуд поднял знамя антиталибовского сопротивления.

На страницах печати и в социальных сетях уровень поддержки и солидарности различных групп и социальных слоев с бойцами сопротивления Панджшера поднялся на небывалую высоту. Многие в Таджикистане во время наступления талибов на позиции защитников Панджшера не спали ночами, призывая через социальные сети бордюровать «за Панджшер». Появились десятки групп в таджикском сегменте «Фейсбука»***, где делились новостями из Афганистана, печатали статьи и стихи.

Популярной была группа под названием «Панджшер – марзе номус» («Панджшер – рубеж чести»).

Впервые в Таджикистане точка зрения официальной власти и гражданского общества, различных слоев населения по отношению к происходящим событиям в Афганистане, к политике «Талибана»⁷ и солидарности со своими соплеменниками-таджиками в Афганистане тесно переплетались. Это свидетельствует о том, что таджикское общество восприняло события в Афганистане как угрозу для таджиков Афганистана, таджикского языка и культуры в целом.

Тема Афганистана и героического сопротивления в Панджшере стала актуальной в таджикской литературе. За короткий период появились сотни стихотворений, поэм и рассказов, воспевающих героизм панджшерцев и нового лидера сопротивления – молодого Ахмада Масуда. Были изданы и презентованы два литературных сборника под названиями «Хамосай Панджшер» («Поэма Панджшера») и «Нома ба Панджшер» («Письмо Панджшеру»).

Через СМИ и социальные сети таджики выражали сочувствие голодающим семьям в Афганистане, женщинам, лишенным прав на работу и учебу, чиновникам прежнего правительства, которые подвергались преследованиям талибов, и т.д.

Следует отметить, что такая радикальная трансформация во взглядах населения на афганские события во многом связана с очень смелой, четкой и устойчивой позицией Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в вопросах борьбы с терроризмом, по отношению к талибам, к монополизации власти и политической дискриминации непуштунских этнических групп, особенно в вопросе защиты интересов таджиков Афганистана.

25 августа в Душанбе Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон принял министра иностранных дел Исламской Республики Пакистан Махдума Шах Махмуда Курейши. В ходе встречи было отмечено, что на сегодняшний день одной из основных угроз региональной безопасности является нынешняя ситуация в Афганистане.

Основные пункты позиции Таджикистана относительно ситуации в Афганистане, заявленной на этой встрече, сводятся к следующему:

- для безотлагательного решения политических проблем безопасности соседней страны необходимо создать инклюзивное правительство с участием всех национальных меньшинств, в том числе таджиков Афганистана, которые составляют более 46% населения этой страны;
- государственный строй в этой соседней стране должен быть определен путем волеизъявления и с учетом позиции всех граждан страны.
- Таджикистан не будет признавать никакого другого правительства, сформированного в этой стране путем угнетения и преследования, без учета позиции всего афганского народа, особенно всех его национальных меньшинств;
- таджики должны занимать свое достойное место в будущем правительстве Афганистана⁷.

⁷ Встреча с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Махдумом Шах Махмудом Курейши. URL://<http://www.president.tj/ru/node/26368>.

Обращает на себя внимание тот факт, что президент Таджикистана Эмомали Рахмон на современном этапе кризиса в Афганистане особое внимание обращает, наряду с проблемами безопасности, именно на этническую составляющую кризиса в этой стране. Никогда прежде президент Таджикистана так открыто и настойчиво не настаивал на обязательном учете интересов этнических таджиков при формировании нового правительства Афганистана. Более того, он впервые заявил, что таджики составляют порядка 46 процентов населения Афганистана и должны занять достойное место в правительстве. Последствия прихода «Талибана»⁷ к власти рассматриваются в Таджикистане как угроза национальной идентичности таджиков и в целом для таджиков как нации.

Впервые таджики Таджикистана так солидарно признали таджиков Афганистана как своих соплеменников-таджиков. Никогда на уровне правительства и в целом общества не было такой солидарности с таджиками Афганистана, как в этот раз.

Следует отметить, что в Таджикистане, кроме специалистов и части творческой интеллигенции, даже после приобретения Таджикистаном своей независимости, всех граждан Афганистана всегда называли «афганцами», не было чувства восприятия их как части тех же таджиков, живущих по той стороне реки Пяндж-Амударья. Хотя автор этих строк, как человек, выросший на берегу реки Пяндж в таджикском Дарвазе, помнит, что в детстве по отношению к жителям афганского Дарваза не использовали слово «афганец», их называли «убарачи», т.е. живущие на той стороне («Пянджа»). Постепенно слово «убарачи» вообще исчезло из лексикона и жителей Дарваза, и дарвазцы этой стороны реки тех же дарвазцев того берега стали называть «афганцами».

Таким образом, приход талибов и установление жестких порядков, реализация политики притеснения и дискриминации в отношении к таджикам, способствовали повышению чувства солидарности с таджиками Афганистана и более четкому познанию своей этнической общности.

Однако такая поддержка таджиков и неприятие талибов не означает, что не было и нет в Таджикистане сторонников идеологии «Талибана»⁷. Хотя небольшая, но часть религиозно настроенной молодежи через социальные сети особо не скрывала свою радость от прихода талибов и, по их мнению, «установления истинного исламского режима» в Афганистане.

В мечетях Душанбе под влиянием реализации жестких мер со стороны «Талибана»⁷, в том числе запрета музыки, традиционных игр, учебы девушек, некоторые молящиеся осторожно начали вести пропаганду о якобы существовании в Коране стиха о недозволенности музыки, т.е. давали понять, что в мусульманском обществе не должно быть места для музыки.

С укреплением террористического режима «Талибана»⁷ некоторые сочувствующие им в Таджикистане в разговорах на рынках, в транспорте и других общественных местах открыто начали выражать им свою поддержку. Все это свидетельствовало, что вероятность распространения радикальных взглядов «Талибана»⁷ и других экстремистских и террористических групп, находящихся в Афганистане, остается очень высокой.

В экспертном сообществе Таджикистана и правоохранительные органы подчеркивали создание благоприятных условий для распространения радикальной

идеологии талибанизма через социальные сети, печать и другие средства, что оценивается как угроза национальной безопасности.

Конечно, внимание органов безопасности и правительства Таджикистана приковано к деятельности террористических организаций, в том числе иностранного происхождения, на севере Афганистана. По информации, поступающей из Афганистана, при поддержке «Талибана»* в Афганистане действует более 20 террористических организаций иностранного происхождения. Среди них более 10 группировок по своим идеологическим постулатам и радикальным взглядам аналогичны «Аль-Каиде»⁸: ИГИЛ⁹-Хорасан, «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ)¹⁰, «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)¹¹, «Джамаат Ансарулла» (Таджикистан)¹², «Катибат-аль Имам Бухари»¹³, «Джайши Мухаммад»¹⁴, «Тахреке талибане Пакистан» («Движение талибов Пакистана»)¹⁵, «Татбике шариати Мухаммад» («Осуществление шариата Мохаммада»)¹⁶, «Джамаат Ахрор»¹⁷, «Моджахеды аль-Бадр»¹⁸, «Лашкаре Тайиба»¹⁹, «Движение моджахедов Кашмира»²⁰ и др. Талибы защищают эти группы, несмотря на требования международного сообщества. По сообщениям различных источников, в последнее время активизирует свою деятельность ИГИЛ-Хорасан на севере Афганистана, сообщалось о формировании в июле 2022 г. организации «Тахреке талибане Таджикистан»²¹ («Движение талибов Таджикистана» на базе террористической организации «Ансарулла»²², состоящей из числа выходцев из Таджикистана.

Не менее тревожной для таджикистанцев является тот факт, что таджики входят в состав многих террористических групп, действующих в Афганистане, в том числе ИГИЛ-Хорасан*. Об этом свидетельствуют обнародованные данные об исполнителях террористических акций в Афганистане, Иране, Турции и т.д.

Экспертное сообщество Таджикистана также считает, что Афганистан, особенно север этой страны, превращается в безопасное убежище для международных террористических групп, в центр подготовки террористов. Некоторые таджикские эксперты пишут о наличии явных тенденций превращения Бадахшана в новый Северный Везиристан, а Афганистана – в новый мировой центр притяжения исламских радикалов. Этому может способствовать создание многочисленных школ джихада в каждой провинции, сети медресе и мечетей (наподобие Пакистана).

Поэтому решительные заявления Президента Республики Таджикистан и его твердая позиция относительно формирования инклюзивного правительства с участи-

8 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

9 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

10 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+; признано СБ ООН международной террористической организацией. Включено в перечень 11 сентября 2002 года в соответствии с пунктами 1 и 2 резолюции 1390 (2002) URL: <https://archive.is/lqM8k#selection-223.0-229.21>; 18+

11 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+; признана СБ ООН международной террористической организацией.

12 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

13 Признана СБ ООН международной террористической организацией. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/securitycouncil/content/khatiba-al-tawhid-wal-jihad-ktj>; 18+

14 Признана террористической организацией. По состоянию на апрель 2023 года. О военно-политической ситуации в Афганистане (информация). URL: https://www.mid.ru/tv-text/?id=17878&lang-center=ru&position=center&TSPD_101_R0=08765fb817ab2000e92c6fafbc4e0151c014953456c0efc2bf567f33e524d12d6a738b92f4dfb839089538ef1b143000c2117cc8e713229d7bc67c09f870c7615ae1c0dfed021e134797f326b307003baa3ded033b2de832c1a713ea15f1b73d; 18+

15 Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

16 Признана террористической организацией. По состоянию на апрель 2023 года. О военно-политической ситуации в Афганистане (информация). URL: https://www.mid.ru/tv-text/?id=17878&lang-center=ru&position=center&TSPD_101_R0=08765fb817ab2000e92c6fafbc4e0151c014953456c0efc2bf567f33e524d12d6a738b92f4dfb839089538ef1b143000c2117cc8e713229d7bc67c09f870c7615ae1c0dfed021e134797f326b307003baa3ded033b2de832c1a713ea15f1b73d; 18+

17 Признана террористической организацией. По состоянию на апрель 2023 года. О военно-политической ситуации в Афганистане (информация). URL: https://www.mid.ru/tv-text/?id=17878&lang-center=ru&position=center&TSPD_101_R0=08765fb817ab2000e92c6fafbc4e0151c014953456c0efc2bf567f33e524d12d6a738b92f4dfb839089538ef1b143000c2117cc8e713229d7bc67c09f870c7615ae1c0dfed021e134797f326b307003baa3ded033b2de832c1a713ea15f1b73d; 18+

18 Признана террористической организацией. По состоянию на апрель 2023 года. О военно-политической ситуации в Афганистане (информация). URL: https://www.mid.ru/tv-text/?id=17878&lang-center=ru&position=center&TSPD_101_R0=08765fb817ab2000e92c6fafbc4e0151c014953456c0efc2bf567f33e524d12d6a738b92f4dfb839089538ef1b143000c2117cc8e713229d7bc67c09f870c7615ae1c0dfed021e134797f326b307003baa3ded033b2de832c1a713ea15f1b73d; 18+

19 Признана террористической организацией. По состоянию на апрель 2023 года. О военно-политической ситуации в Афганистане (информация). URL: https://www.mid.ru/tv-text/?id=17878&lang-center=ru&position=center&TSPD_101_R0=08765fb817ab2000e92c6fafbc4e0151c014953456c0efc2bf567f33e524d12d6a738b92f4dfb839089538ef1b143000c2117cc8e713229d7bc67c09f870c7615ae1c0dfed021e134797f326b307003baa3ded033b2de832c1a713ea15f1b73d; 18+

20 Признана террористической организацией. По состоянию на апрель 2023 года. О военно-политической ситуации в Афганистане (информация). URL: https://www.mid.ru/tv-text/?id=17878&lang-center=ru&position=center&TSPD_101_R0=08765fb817ab2000e92c6fafbc4e0151c014953456c0efc2bf567f33e524d12d6a738b92f4dfb839089538ef1b143000c2117cc8e713229d7bc67c09f870c7615ae1c0dfed021e134797f326b307003baa3ded033b2de832c1a713ea15f1b73d; 18+

21 Признана террористической организацией. По состоянию на апрель 2023 года. О военно-политической ситуации в Афганистане (информация). URL: https://www.mid.ru/tv-text/?id=17878&lang-center=ru&position=center&TSPD_101_R0=08765fb817ab2000e92c6fafbc4e0151c014953456c0efc2bf567f33e524d12d6a738b92f4dfb839089538ef1b143000c2117cc8e713229d7bc67c09f870c7615ae1c0dfed021e134797f326b307003baa3ded033b2de832c1a713ea15f1b73d; 18+

22 Признана террористической организацией. По состоянию на апрель 2023 года. О военно-политической ситуации в Афганистане (информация). URL: https://www.mid.ru/tv-text/?id=17878&lang-center=ru&position=center&TSPD_101_R0=08765fb817ab2000e92c6fafbc4e0151c014953456c0efc2bf567f33e524d12d6a738b92f4dfb839089538ef1b143000c2117cc8e713229d7bc67c09f870c7615ae1c0dfed021e134797f326b307003baa3ded033b2de832c1a713ea15f1b73d; 18+

ем представителей всех основных этнических групп, в том числе достойное место таджиков в нем как условие признания правительства исходит из национальных интересов Таджикистана, интересов мира и стабильности в Афганистане и регионе в целом.

Конечно, для многих наблюдателей в Таджикистане и международных партнеров это решительное заявление президента Таджикистана стало неожиданностью. Особенно на фоне того, как основные союзники Таджикистана по ОДКБ и ШОС, в том числе Российской Федерации, Китай, Узбекистан, заняли не только выжидательную, но явно доброжелательную позицию в отношении «Талибана», налаживая взаимоотношение. На различных научных конференциях автор был свидетелем, как некоторые близкие к правительственный кругам эксперты разных стран подвергали критике президента Таджикистана за, по их мнению, «жесткую и особую позицию» в отношении «Талибана».

Тем не менее президент Таджикистана Эмомали Рахмон не изменил свою позицию по отношению к происходящим событиям в Афганистане. Более того, в дальнейшем он еще более четко обосновал ее, и нам представляется, что смог в некоторой степени убедить лидеров стран-союзников о трагических последствиях монополизации власти со стороны «Талибана», политики дискриминации, проводимой талибами в отношении непуштунских народов, а также о существующих явных угрозах для безопасности региона со стороны талибовского Афганистана.

Например, в своем заявлении Президент Российской Федерации В.В.Путин на заседании Международного клуба «Валдай» подтверждает слова Э.Рахмона о численности таджиков Афганистана. По его словам, [состав правительства, сформированного движением] «Талибан»* состоит сейчас в основном из пуштунских групп. «Но там есть таджики, – сказал Путин. – А их от 40 до 47 процентов по разным подсчетам. Поступайте, это много»²³.

Заявления представителей силовых структур и спецслужб России также свидетельствуют о том, что присутствие международных террористических групп в Афганистане и политика режима серьезно беспокоит их, надежда на талибов, способных эффективно бороться с ИГИЛ-Хорасан*, не оправдывается.

Министр обороны Российской Федерации, генерал армии Сергей Шойгу на встрече министров обороны России и государств Центральной Азии в июне 2022 г. заявил, что «лидеры международных террористов рассматривают афганскую территорию в качестве базы для проникновения в соседние страны и создания разветвленной сети джихадистского подполья, пополняемого, в том числе, за счет переброски боевиков из горячих точек»²⁴. А глава Совета Безопасности РФ Н.П.Патрушев в своем интервью «АиФ» от 10 января 2023 г., по сути, приравнивает движение «Талибан»* к таким одиозным террористическим группам, как «Аль-Каида»* и «ИГИЛ»*.

23 Таджиков в Афганистане много. Об этом заявил Президент России Владимир Путин на заседании Международного клуба «Валдай». URL: <https://khovar.tj/rus/2021/10/tadzhikov-v-afganistane-mnogo-ob-etom-zayavil-prezident-rossii-vladimir-putin-na-zasedanii-mezhdunarodnogo-kluba-valdaj/?ysclid=ldblc80ucy349551446>.

24 Сергей Шойгу: международные террористы рассматривают Афганистан как базу для внедрения в соседние страны. URL: <https://paodkb.org/events/sergey-shoygu-mezhdunarodnye-terroristy-rassmatrivaют-afghanistan-kak>.

«Сами (США. – К.И.) создавали для достижения своих целей террористические организации, такие как «Аль-Каида», «Движение Талибан» или ИГИЛ, и сами с ними же боролись. Устраивая показательную ликвидацию лидеров террористов, как Усама бен Ладен, сотню новых готовили и вооружали», – отметил он²⁵.

Известный российский эксперт А.Серенко в своей статье, опубликованной в «Независимой газете», приводит тезисы выступления лидера талибов маулави Хайбатулла Ахунда перед улемами (исламскими учеными) в Кабуле, которые не могут не беспокоить лидеров стран региона. Хайбатулла Ахунд, в частности, заявил, что «установление шариата в Афганистане – это только первый этап успешного джихада «Талибана»». По его словам, «в дальнейшем талибы и афганские улемы обязаны вести весь мир к шариатскому руководству»²⁶. Таким образом, по словам А.Серенко, главарь «Талибана» дал ясно понять, что джихад его боевиков не ограничится лишь территорией Афганистана.

Определенные круги в таких странах, как Россия, Иран, Китай и Узбекистан, начинают осознавать бесперспективность взаимодействия с «Талибаном»* на фоне, с одной стороны, не готового к компромиссу режима «Талибана», а с другой – активизации террористической активности ИГИЛ-Хорасан* и других террористических групп в Афганистане.

Тем не менее участники четвертой министерской конференции стран-соседей Афганистана в Самарканде, в которой принимали участие главы МИД России, Китая, Ирана, Пакистана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана, призвали новые фактические афганские власти сформировать инклюзивное правительство, отменив все ограничения в отношении женщин и нацменьшинств, и призвали США снять санкции со страны. Об этом сообщила «Независимая газета» 13 апреля 2023 г.²⁷ Однако это не означает, что руководство «Талибана»* готово прислушиваться к призывам участников конференции.

Поэтому возможно, что в условиях активизации террористических групп и повышения уровня угроз, исходящих из Афганистана, у них не остается другого пути, как вновь прибегнуть к поддержке Фронта национального сопротивления под руководством Ахмада Масуда или попытаться содействовать созданию на его основе более широкого антиталибовского фронта.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в силу многих причин в Таджикистане с тревогой и озабоченностью следят за происходящими событиями в Афганистане.

25 «Россию хотят превратить в Московию». Николай Патрушев – о Западе и Украине. URL: https://aif.ru/politics/world/rossiyu_hotyat_prevratit_v_moskoviyu_nikolay_patrushev_o_zapade_i_ukraine.

26 Серенко А. Лидер «Талибана» провозгласил курс на глобальный джихад. URL: https://www.ng.ru/world/2023-03-29/100_world29032023.html.

27 Петров Г. Россия и соседи Афганистана призвали США отдать Кабулу деньги. URL: https://www.ng.ru/world/2023-04-13/6_8706_afghanistan.html?ysclid=li8xpfjwre45289478.

В Таджикистане уверены, что «Талибан»* со своей идеологией, своей интерпретацией шариата, пуштунским национализмом представляет угрозу таджикам Афганистана. Таджики при «Талибане»* не только отстраняются от власти, но и политика «Талибана»* приведет к ограничению сферы применения языка дари (таджикского), который более тысячи лет являлся государственным языком, языком межнационального общения в этой стране. Режим «Талибана»* угрожает также уничтожению много-векового исторического и культурного наследия таджиков в этой стране.

В Таджикистане сильно обеспокоены возможностью проникновения на территорию Таджикистана членов террористических групп, распространения радикальной идеологии талибанизма. Несмотря на заверения «Талибана»* не допустить угрозы со стороны Афганистана соседним странам, тем не менее присутствие десятков террористических организаций в этой стране не может не беспокоить руководство Таджикистана.

Список источников

- Алексеенков П. Аграрный вопрос в афганском Туркестане [Agrarian issue in Afghan Turkestan]. Москва: Международный аграрный институт, 1933. 107 с.
- Латифов Дж. Л. Афганистан: шаг вперед, два назад [Afghanistan: one step forward, two steps back] // Международные отношения и безопасность. 2022. № 3 (3). С. 68-74.
- Махмадшоев Р. История этнополитического развития таджиков Хорасана (Афганистан) [The history of the ethno-political development of the Tajiks of Khorasan (Afghanistan)]. Душанбе: Ирфон, 2009. 205 с.
- Ризоен Ш., Гиёсов М. Афганистан: взаимоотношения до и после прихода «Талибана» во власть [Afghanistan: relationships before and after the Taliban came to power] // Kazakhstan Journal of Foreign Studies. 2022. №1-2 (3-4). С. 98-117.
- Назаров Х. Мавкеи тоҷикон дар таърихи Афғонистон [Назаров Х. Мавкеи тоҷикон дар таърихи Афғонистон/Tajiks Place in the history of Afghanistan]. Душанбе: Дониш, 1998. 657 с. (на таджикском языке).
- Фарҳанг М.М.С. Афғонистон в пять последних веков [Afghanistan in the last five centuries]. Т.2. Тегеран: Ирфон, 2005. 1170 с. (на персидском языке)

Информация об авторе

ИСКАНДАРОВ Косимшо. Доктор исторических наук (ВАК Минобрнауки РФ). Главный ученый секретарь Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан, <https://orcid.org/0000-0002-7933-2037>, Адрес: 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 33, ikosimsho@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

*The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; 18+

*** Деятельность в России заблокирована по требованию Роскомнадзора, 18+

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 апреля 2023. Одобрена после рецензирования: 5 мая 2023. Принята к публикации: 2 июня 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Alekseenkov P. Agrarian issue in Afghan Turkestan. Moscow: International Agrarian Institute, 1933:107. [In Russian].
2. Latifov J. L. Afghanistan: one step forward, two steps back. International relations and security. 2022; 3 (3):68-74. [In Russian].
3. Makhmadshoев R. The history of the ethno-political development of the Tajiks of Khorasan (Afghanistan). Dushanbe: Irfon, 2009:205. [In Russian].
4. Rizoен Sh., Giyosov M. Afghanistan: relationships before and after the Taliban came to power // Kazakhstan Journal of Foreign Studies. 2022; 1-2 (3-4):98-117. [In Russian].
5. Nazarov H. Tajiks Place in the history of Afghanistan. Dushanbe: Donish, 1998:657. [In Tajik].
6. Farhang M. M. S. Afghanistan in the last five centuries. Vol.2. Tehran: Irfon, 2005:1170. [In Persian].

About the author

Kosimsho ISKANDAROV. Doct Sc. (Hist.) Chief Scientific Secretary of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan, <https://orcid.org/0000-0002-7933-2037>, Address: 33, Rudaki Ave, ushanbe, Republic of Tajikistan, 734025, ikosimsho@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received by the editorial office: April 25, 2023. Approved after peer review: May 5, 2023. Accepted for publication: June 2, 2023. Published: June 25, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Женский вопрос в Афганистане при талибах

Убайд Вафобекович Окимбеков[✉]

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
ubayd@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3452-3630>

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопроса прав и положения женщин в афганском обществе за последние более чем 30 лет, то есть после завершения эпохи секулярной системы управления страной. В ней дается краткий обзор развития данного вопроса с начала XX века, показывается место и положение афганских женщин в обществе после прихода к власти моджахедов, а затем талибов, изучается процесс развития образования и вовлечения женского населения в социально-экономическую и политическую жизнь после 2001 года, а также изменения ситуации в этом направлении с повторным приходом к власти талибов.

Ключевые слова: Афганистан, права женщин, образование, шариат, талибы, моджахеды

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Окимбеков У.В. Женский вопрос в Афганистане при талибах // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2(8). С. 158-170, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-158-170](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-158-170)

Women's issue in Afghanistan under the Taliban^{*1}

Ubaid V. Okimbekov[✉]

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ubayd@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3452-3630>

Abstract. The article is devoted to the study of the rights and status of women in Afghan society over the past 30 years, after the end of the secular system in the country. A brief overview of the situation since the beginning of the 20th century is given, the place and position of Afghan women in society after the coming to power of the Mujahideen and then the Taliban^{*} is shown, the development of education and the process of involving the female population in socio-economic and political life after 2001 and the change in the situation with the return to power of the Taliban are studied.

Keywords: Afghanistan, women's rights, education, Sharia, Taliban^{*}, Mujahideen

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Okimbekov U.V. Women's issue in Afghanistan under the Taliban^{*}. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2(8): 158-170, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-158-170](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-158-170)

Введение

Права женщин в Афганистане всегда находились в центре внимания, но особо актуальными они стали после повторного прихода к власти талибов в августе 2021 г. и остро обсуждаются в материалах СМИ, отчетах международных организаций, работающих или работавших в этой стране. В научной литературе пока что не встречаются отдельные работы, посвященные изучению этого вопроса в период нахождения у власти талибов, и лишь местами он затрагивается при рассмотрении тех или иных сторон жизни афганского общества. Однако имеются статьи [2, 3], в которых на основе полевых материалов ООН и других некоммерческих организаций комплексно изучаются гендерные отношения при Исламской Республике (2001–2021 гг.).

¹ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

Материалы и методы

При написании статьи автором использовались общеизвестные методы научного исследования, такие как системный анализ, синтез, сравнение и сопоставление данных. Источниковой базой исследования послужили научные статьи и монографии отечественных и зарубежных авторов, а также материалы афганских информационных интернет-ресурсов, статистические данные.

Результаты исследования

Население Афганистана, по разным оценкам, составляет от 33² до 40³ млн человек, из которых 49% приходится на долю женской половины. Роль и место женщин в афганском обществе относятся к тем вопросам, которые при разных правительствах и режимах на протяжении всего периода после восстановления политической самостоятельности (1919 г.) трактовались по-разному, оставаясь при этом постоянно актуальными. Принесший Афганистану независимость король-реформатор Аманулла-хан (1919–1928 гг.) предпринял первые попытки расширить права женщин, в частности, на получение образования, труда и других вопросов, но затем кратковременный приход к власти Бачаи Сакао (январь – ноябрь 1929 г.) снова вернул общество в жесткие рамки, ограничивая во всех сферах. С того времени на протяжении более чем шестидесяти лет, то есть до апреля 1992 года, когда власть захватили моджахеды, Афганистану удалось сделать значимые шаги в рассматриваемом вопросе. Непродолжительное правление правительства моджахедов, а позже появление на политической арене движения «Талибан»⁴ и захват ими власти (1996) вернули страну в состояние всестороннего кризиса. Надежда на реставрацию положения женщин в афганском обществе появилась после свержения режима талибов в 2001 году, когда в последующие двадцать лет в большей степени под воздействием внешнего мира произошли определенные позитивные изменения. Повторный захват власти талибами (август 2021 г.) вновь стал болезненным, в первую очередь для женского населения Афганистана.

Действия талибов в вопросе определения места и роли женщины в обществе вызывает удивление не только представителей западного сообщества, но и всего исламского мира. Среди афганцев большая часть населения не готова воспринимать ограничения, введенные властями талибов в отношении женщин. Особо сильно политику талибов критикуют бывшие чиновники и политики, находящиеся ныне за

² Afghanistan Statistical Yearbook 2020. National Statistics and Information Authority. Kabul, 2021. P. 7–9.

³ World Population Dashboard, Afghanistan. United Nations Population Fund. URL: <https://www.unfpa.org/data/world-population/AF>.

⁴ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+.

пределами Афганистана. В частности, есть и те полевые командиры моджахедов, а также их наследники, власть которых сама в начале 90-х гг. прошлого столетия с первых дней своего существования поступала аналогичным образом. В августе 1993 г., например, Верховный суд правительства моджахедов издал фетву следующего содержания:

Мусульманские женщины нашего исламского государства по-прежнему продолжают работать в правительственные учреждениях, школах, на радио и телевидении. Они по-прежнему расхаживают по базарам без исламского покрыва. Таким образом, никаких перемен по сравнению с прошлым не наблюдается. В связи с этим выражается серьезное и настойчивое требование ко всем ответственным лицам принять незамедлительные практические меры по претворению в жизнь всех божественных указаний, особенно в части, касающейся ношения чадры и устранения женщин из государственных учреждений. Женские школы, на деле являющиеся рассадниками прелюбодеяния и проституции, надо закрыть, а всех женщин с радио и телевидения уволить [1, с. 119–120; 4, с. 170].

Лидер Исламской партии Афганистана Г.Хекматяр, являющийся одним из тех, кто, находясь в Кабуле, открыто выступает сторонником женского образования и права женщин на трудоустройство, в 90-х годах будучи премьер-министром правительства моджахедов, велел уволить женщин из всех государственных учреждений [1, с. 120; 4, с. 171]. Тогда своего пика данная проблематика достигла с захватом власти движением «Талибан»⁴, о чем подробнее будет сказано ниже. В современной истории Афганистана этот период можно назвать одним из самых сложных, в частности, для женского населения, но сама история, как видно, для афганских женщин снова повторяется.

С приходом к власти моджахедов в апреле 1992 г. и вплоть до распада режима движения «Талибан»⁴ в октябре 2001 г. введенные в стране строгие нормы сильно ограничивали права и участие женщин в афганской общественной жизни. На протяжении последних двух десятилетий, после свержения режима талибов и образования Исламской Республики Афганистан (2001–2021 гг.), женская половина афганского населения принимала более активное участие в социальной, экономической и политической жизни страны, что было одним из немногих достижений действовавшей власти при поддержке мирового сообщества. За указанные годы открылись начальные и средние школы для девочек, университеты, где наряду с мужчинами обучалась и женская половина населения, женщины получали места в парламенте, работали на разных должностях в государственных учреждениях, занимались коммерцией, работали в сфере искусства, культуры. В крупных городах и центрах вопрос о правах женщин был менее актуальным, чем в провинциях, что в определенной степени объяснялось безопасностью, психологией сельского населения, отсутствием соответствующих условий (в образовательной сфере – начиная от необходимых учебников и заканчивая наличием самих школ).

Официально на законодательном уровне закреплялись и гарантировались права женщин. Конституция Исламской Республики Афганистан, принятая в начале 2004 г., гласила, что

граждане Афганистана, как мужчины, так и женщины, имеют равные права и обязанности перед законом» (статья 26). Основной закон гарантировал образование для женщин (Правительство несет ответственность за создание баланса и развитие образования для женщин, ... разработку и внедрение эффективных программ (44 статья), обеспечивал равное право в участии на выборах в «Волуси Джирга» – нижнюю палату парламента (статья 83), выделяя минимальные квоты для женщин (2 места в провинциальных палатах парламента), а президент имел право назначать 50% членов «Мешраны Джирга» – верхней палаты парламента из числа женщин (статья 84).

Женщины могли занять ключевые позиции во многих министерствах и ведомствах, занимались в качестве специалистов и работников государственных учреждений. Чтобы показывать, в каком направлении двигалось афганское общество за эти два десятилетия, в каких сферах и провинциях проявляло большую активность женское население Афганистана, обратимся к данным официальной афганской статистики.

Начиная с 2002 г. в Афганистане постепенно открывались государственные и частные начальные и средние школы как для мальчиков, так и для девочек, а число учащихся с каждым годом стремительно росло. Хотя при республике «мертвые души» имелись как в отчетах силовых структур, так и в системе образования, все же имеющиеся сведения в определенной мере отражают реальную картину. Так, к 2004 г. общее число учащихся в начальных и средних школах составляло 5 425 тыс., из которых 1 306 тыс.⁵ человек, или 24%, приходилось на долю девочек. К 2010 году общий показатель вырос на 24% и составил 7 101 тыс. учеников, а доля девочек в нем достигла 38% – 2 710 тыс., что в два раза больше показателя 2004 г.⁶ По данным статистики 2020 г., по всему Афганистану школ посещали 9 135 тыс. учащихся, из которых 3 561 тыс., или 39%, были учениками школ для девочек⁷.

По регионам и провинциям показатели сильно различались. Согласно данным тех же источников, в Кабуле в 2004 году из общей численности школьников в 652 тыс. около 38% (248,6 тыс.) составляли девочки⁸, а к 2010 году наметился существенный рост – доля учеников школ для девочек достигла 44% (376 тыс. из 854 тыс.)⁹, и в по-

5 Afghanistan Statistical Yearbook 2005. The Economic Ministry's Central Statistics Office. Kabul, 2006. P. 44.

6 Afghanistan Statistical Yearbook 2011-12. Central Statistics Organization. Kabul, 20012. P. 56.

7 Afghanistan Statistical Yearbook 2020. National Statistics and Information Authority. Kabul, 2021. P. 61.

8 Afghanistan Statistical Yearbook 2005. The Economic Ministry's Central Statistics Office. Kabul, 2006. P. 44.

9 Afghanistan Statistical Yearbook 2011-12. Central Statistics Organization. Kabul, 2012. P. 80.

следние годы существования республики (2020 г.) она увеличилась до 47% (546 тыс. человек и 1 148 тыс.)¹⁰.

Что касается регионов, то в 2004 г. только в трех провинциях доля девочек в начальных и средних школах находилась выше 40% (Бадахшан – 44%, Тахар – 41%, Балх – 40%), а в четырех других – ниже 10% (Пактия и Гильменд – по 6%, Кандагар и Уruzган – по 8% в каждой)¹¹. К 2010 г. количество провинций с долей ближе к полусотни выросло до 11 (Бадахшан – 47%, Герат – 46%, Нуристан – 45%, Бамиан и Лагман – 44%, Балх, Дайкунди, Нимроз и Фарьяб – 43%, Тахар – 42%, Панджшер – 40%). В том же году относительно низкими были показатели по провинциям: Урузган (11%), Гильменд (20%), Забуль и Пактия (по 21% в каждой), Пактика (22%)¹². За десять лет провинций с наибольшим числом учеников женских школ стало только на одну единицу больше. Точнее, по состоянию на 2020 г. в 12 провинциях свыше 40% девочек имели доступ к начальному и среднему образованию. Самым высоким был показатель в провинциях, Панджшер (47%), затем шли Бадахшан, Бамиан, Герат и Дайкунди (по 46% в каждой), далее Балх – 45%, Сари-Пуль – 44%, Нуристан и Тахар – 43%, Саманган и Джаузджан – 42%, Лагман – 40%. Наименьший показатель традиционно имелся в провинциях: Урузган – 11%, Пактика – 15%, Гильменд – 21%, Забуль – 22 и Кандагар – 25%¹³.

В государственных и частных высших учебных заведениях ситуация немного отличалась, поскольку в 2004 г., согласно данным статистики, из 39,5 тыс. студентов женская половина составляла 8,3 тыс. человек (21%)¹⁴; в 2010 г. общее число студентов стало заметно больше (84 тыс.), а число девочек хоть и относительно выросло (15 тыс.), однако в общем показателе его доля уменьшилась (18%)¹⁵. Численность студентов также к 2020 году существенно росла, достигнув 388 тыс., из которых 109 тыс.¹⁶, или 28%, составляли представители женского пола.

Имеются сведения и по численности занятых в Афганистане, согласно которым из 276 тыс. работников госучреждений в 2004 г. 18% составляли женщины. Традиционно в двух больших (по численности работников) сферах – образование и здравоохранение – их активность (если не считать министерство по делам женщин) была самой высокой (25 и 21% соответственно)¹⁷. Здесь также сравнительный анализ показывает небольшой рост активности в последующие годы. В 2010 г. на долю женского населения пришлось 20% всех занятых в госучреждениях, в частности, 25% в сфере

10 Afghanistan Statistical Yearbook 2020. National Statistics and Information Authority. Kabul, 2021. P. 61.

11 Afghanistan Statistical Yearbook 2005. The Economic Ministry's Central Statistics Office. Kabul, 2006. P. 44.

12 Afghanistan Statistical Yearbook 2011-12. Central Statistics Organization. Kabul, 2012. P. 80.

13 Afghanistan Statistical Yearbook 2020. National Statistics and Information Authority. Kabul, 2021. P. 61.

14 Afghanistan Statistical Yearbook 2005. The Economic Ministry's Central Statistics Office. Kabul, 2006. P. 64.

15 Afghanistan Statistical Yearbook 2011-12. Central Statistics Organization. Kabul, 2012. P. 46.

16 Afghanistan Statistical Yearbook 2020. National Statistics and Information Authority. Kabul, 2021. P. 87.

17 Afghanistan Statistical Yearbook 2005. The Economic Ministry's Central Statistics Office. Kabul, 2006. P. 27, 35.

образования и 22% – здравоохранения¹⁸; в 2020 году соответственно 26, 33 и 24%. В 2020 г. в двух других министерствах женщины составляли большинство занятых: это министерство труда и занятости – 65% из всех занятых в 6 080 человек – и министерство по делам женщин – 54% из 789 занятых¹⁹.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о достигнутом за период существования Исламской Республики (2001–2021 гг.) прогрессе в деле вовлечения женского населения в социально-экономическую жизнь общества. Однако, движение в обратном направлении началось с первых дней повторного захвата власти талибами (август 2021 г.). За последние полтора года власти «Талибан»* по мере относительной стабилизации обстановки в стране допускало открытие средних школ, но только для мальчиков, а девочки старше шестого класса сначала могли посещать занятия только в Герате, Балхе и некоторых других местах. В вузах по-прежнему занятия продолжали посещать представители обоих полов, частично женщины могли трудоустроиться. К концу 2022 г., постепенно ограничивая права афганских женщин во всех сферах, талибы вовсе закрыли им доступ и к высшим учебным заведениям. Таким образом, на сегодняшний день права афганских женщин являются самой большой проблемой, вызывающей озабоченность как афганского общества, так и внешнего мира.

Напомним, что проблемы, связанные с правами афганских женщин, и процессы, которые ныне происходят в Афганистане, имели место во второй половине 90-х гг. прошлого столетия точно в той же форме, что и сегодня. Как и тогда, нынешние представители власти талибов приводят самые разные причины и доводы в защиту принятых руководством решений: одни объясняют это необходимостью соблюдения требований норм шариата, другие говорят об экономической почве вопроса, трети связывают ограничения с обычаями и культурой афганцев. На первой пресс-конференции, состоявшейся в Кабуле 17 августа 2021 г., пресс-секретарь талибов Забиалла Моджахед заявил, что «талибы уважают право женщин на образование и работу, но эта деятельность будет проходить в рамках законов шариата»²⁰.

Вокруг мотивов «Талибана»* относительно женского вопроса существуют самые разные мнения. Афганский эксперт, ныне покойный Вахид Можда (в 90-х гг. XX в. был сотрудником МИД талибов) видел корни жестких отношений к женскому вопросу в социальном происхождении членов движения. Он считал, что:

талибы происходили из сельских районов страны, и среди жителей деревень существовал своего рода пессимизм по отношению к городу. Многие придерживались мнения, что городская система способствует росту безбожия... Эта группа сельских жителей с подозрением смотрела на учащихся светских школ. В отдаленных деревнях не имелось женских школ. Талибы пришли в город с тем же мышлением, и среди них те,

18 Afghanistan Statistical Yearbook 2011-12. Central Statistics Organization. Kabul, 2012. P. 24.

19 Afghanistan Statistical Yearbook 2020. Central Statistics Organization. Kabul, 2012. P. 54.

20 Для афганских женщин Талибан» – больше, чем вопрос жизни и смерти [Dlya afganskih zhenshchin Taliban» – bol'she, chem vopros zhizni i smerti]. Independent Persian, 19.08.2021. URL « .) independentpersian.com).

у кого было более ясное видение, также попали под влияние большинства, не желавшее растворяться в городской среде, принимать ценности городской системы, и пытавшееся превратить город в деревню» [5, с. 109].

Он, однако, дал талибам двоякую характеристику, которая говорит о противоречиях между ценностями и реальными действиями многих членов движения. В теории

мир, к которому привыкли молодые талибы, состоял из единообразных людей. ... Чтобы выглядеть в глазах людей правильным мусульманином, они стремились иметь внешность, соответствующую шариату... Женщина не имела права входить в их среду. Образованная горожанка считалась опасным существом», ... [однако] ... внутренний мир большинства талибов был склонен к другому,циальному от всего этого. После захвата Кабула, Мазари-Шарифа и Герата многие талибы женились на горожанках и образованных девушках.

Мулла Мухаммад Гаус, один из лидеров «Талибана»*, будучи министром иностранных дел, сказал группе врачей из международной организации «Врачи без границ»: «То, что говорят, что «Талибан»* выступает против образования для женщин, не правда. Я сам мечтаю, чтобы моя будущая жена была врачом!» [5, с. 33].

Повторим, что в те годы, как и сегодня, руководство движения разными способами, порою крайне примитивными доводами старалось перед представителями других стран и разных организаций оправдывать принятые решения относительно доступа женщин к образованию и труду. Так, министр иностранных дел талибов на встрече с делегацией Организации Объединенных Наций следующим образом объяснял ограничения прав женщин:

У нас есть перед нашими боевиками обязательства, одно из которых не позволяет женщинам учиться и работать. Если мы нарушим это обязательство, солдаты покинут фронт и вернутся в свои деревни. Поэтому, пока перед нами противники и нам нужны воины из деревень и племен для борьбы с ними, мы вынуждены продолжать эту политику. Ее можно изменить, когда закончится война» [5, с. 110–111].

Каждый раз, когда талибы по-новому интерпретировали принятое решение, внешний мир, предлагая свою помощь для выхода из ситуации, загонял их в тупик. Так, в очередной раз руководство движения ссыпалось на наличие экономических проблем, препятствовавших предоставлению женщинам безопасного и соответствующего шариату образования. Международное сообщество, не мирившееся с этой дискриминацией, пыталось разными способами заставить талибов изменить свою политику, в том числе тем, что европейское сообщество согласилось оплачивать расходы пяти женских школ в Кабуле на условиях, выдвинутых талибами. Находившиеся в Кабуле представители власти талибов изъявили готовность принять поступавшие извне предложения, но каждый раз «вопрос был отклонен Кандагаром» [5, с. 110–111].

Тогда тоже представители «Организации Исламская конференция» во время встречи в Кандагаре попросили высокопоставленных чиновников талибов указывать на существующие моменты в шариате, не позволяющие обучать женщин, чтобы вместе обсудить «является ли проблема талибов шариатской, политической или социальной». Но и здесь Кандагар не смог дать четкий ответ, и по традиции замминистра иностранных дел талибов Шер Мухаммад Аббас Станакзай в Кабуле всеми силами старался объяснять, что это не официальная линия политики талибов в отношении женского населения, а временные меры [5, с. 111]. Тогда, действительно, отдельные лица из числа министров и заместителей министров понимали абсурдность многих решений, но радикальное крыло движения всегда имело большее влияние и силу [5].

Заявления представителей движения показывают, что в целом талибы формально разделились на две группы: первая, состоявшая из официально назначенных лиц, принимавших ранее участие на переговорных процессах с США и другими странами, находится в Кабуле, а другая, возглавляемая эмиром и его окружением, – в Кандагаре. Политиков из Кабула, судя по заявлениям и выступлениям, можно называть умеренными, более прогрессивными, а из Кандагара – консервативными. Кабул иногда прямо, а местами косвенно выражает недовольство по поводу некоторых принятых Кандагаром решений, в частности по женскому вопросу. Однако есть мнение, что это всего лишь игра талибов для отвода глаз, затягивания времени и «серьезных разногласий и конфликтов между лидерами талибов по поводу образования девочек не существует». Следовательно, разделением талибов на «умеренных» и «радикалов» в течение многих лет «пользуется ряд политических активистов и экспертов, которые так или иначе чувствуют себя близкими к движению, но любой, кто знаком со структурой организации талибов, знает, что принятие решений в руководстве талибов находится в руках нескольких человек в Кандагаре, и, если кто-то из высших должностных лиц имеет возражения против амир ал-муъминина, его противостояние никуда не приведет и ничего не изменит. В такой ситуации говорить об умеренных и экстремистских талибах бессмысленно и бесполезно. Всегда следует помнить, что принятие решений в группе талибов строго централизовано и ориентировано на Кандагар». Таким образом, заключают, что талибы по своей природе категорически выступают против присутствия женщин в обществе, хотят распространить «отсталые ценности сельской среды» на все афганское общество, особенно город²¹. В какой-то мере такое мнение может иметь место в той части, где говорится о менталитете, поскольку, судя по вышеупомянутым данным статистики, большая часть женских школ с наибольшей посещаемостью находились в непуштунских областях.

Что касается отношений между руководством движения по разным вопросам, то здесь с выводами афганского автора полностью согласиться нельзя, поскольку, с одной стороны, возможно, кто-то из чиновников и выдает себя за умеренного, но в

21 [تالبانیسم اپ نا قیشو دنویاب و مسین اپلابط] Талибанизм и его тесная связь с женоненавистничеством]. 8 Sobh, 03.10.1401. URL: <https://8am.media/talibanism-and-its-close-connection-with-misogyny/>.

целом в Кабуле на уровне власти много несогласных с решениями высшего руководства из Кандагара. Нынешние талибы (по крайней мере, чиновники, находящиеся в Кабуле), несомненно, кардинально отличаются от тех, кто правил Афганистаном во второй половине 90-х гг. прошлого века, но женский вопрос, как видно, с тех пор никак не сдвигается с мертвой точки. По многим вопросам имеется видимый прогресс, но позиция верховного руководства движения в отношении прав женщин остается такой же жесткой. Нет оснований полагать, что проблема имеет экономическую почву, так как здесь талибы не демонстрируют заинтересованность в принятии рекомендаций или материальной помощи внешнего мира, как это охотно делается по другим направлениям. То есть оправдания, доводы и аргументы талибов в пользу принятых решений, как в 90-х гг. XX вв., так и сегодня, пока что говорят о неготовности руководства движения идти по женскому вопросу на какие-либо компромиссы или навстречу. Можно выдвинуть несколько версий относительно причин настойчивости талибов. Возможно, руководство движения намерено продемонстрировать новую, под лозунгом «правильного ислама», особую модель правления обществом, воплотить что-то своеобразное, необычное, чего не было при прежней власти или не имеется в других мусульманских странах. Иными словами, кажется, что в Афганистане идет попытка проведения очередного неудачного эксперимента, подобно тем, которые многократно испытывало на себе афганское общество (в период первой англо-афганской войны (1838–1842 гг.) реформы административной и налоговой систем, армии, при нахождении у власти Народно-демократической партии (1978–1992 гг.) в первую очередь отмечают неудачные земельные реформы, последние 20 лет правления Исламской Республики до ее распада, вмешательства США и их союзников по коалиции во все сферы жизни). Но нынешний, связанный с полным отречением женского населения от социально-экономической жизни, является уникальным и может стать серьезной проблемой как для самих его авторов, так и жителей. С другой стороны, это может быть политической комбинацией, при которой предельно сильно актуализируя проблему женского образования, отойдет на второй план вопрос инклюзивного правительства.

Через введение подобных запретов Афганистан может лишиться значительных ресурсов. Достаточно привести результаты оценки ООН, согласно которым афганский бюджет от такой политики может ежегодно лишиться до 1 млрд. долл.²². Очевидно то, что действия талибов, вне зависимости от преследуемых ими целей, в перспективе могут создавать тупиковую ситуацию и кризис в социально-экономической жизни. Вытеснение женщин из системы здравоохранения, во-первых, приводит к закрытию целого сектора социальной сферы, во-вторых, вынуждает население все больше выезжать в соседние страны, прежде всего Пакистан, на обследование и лечение, а Афганистан лишается доходов. Тем не менее руководство движения не

22 Ограничения на трудоустройства женщин нанесут экономике Афганистана ущерб на один миллиард долларов [Ogranicheniya na trudoustroistva zhenshchin nanesut ekonomike Afganistana ushcherb na odin milliard dollarov]. 8 Sobh, 27.08.1401. URL: <https://8am.media/restrictions-on-womens-work-will-harm-the-afghan-economy-by-one-billion-dollars/>.

интересует мнение ни международных организаций, от гуманитарной и экономической помощи которых во многом зависят дальнейшие успехи нынешнего Кабула, ни заявления мусульманских ученых из других стран, поскольку оно понимает, что внешняя помощь афганскому народу будет поступать при любом исходе. Понятно, что полный запрет в условиях доступа к Интернету, дающий возможность получения образования в дистанционном режиме, реализовать не получится. За последние 20 лет выросло поколение, достаточно знакомое с современной технологией связи, что позволяет дистанционно получать новые знания. Тем не менее страдать от такой политики будут все афганские семьи, особенно те, в которых представитель женского пола является единственной кормилицей, а таких в стране достаточно много. Если талибы рассчитывают, что с помощью ограниченных финансовых ресурсов они смогут компенсировать потери семей, то это вряд ли получится. Проблема заключается еще в том, что представители движения, видимо, не имея в своих рядах профессиональных специалистов, недооценивают потери от своих действий.

Выходы

Каковы бы ни были конечные цели талибов по женскому вопросу, ясно одно: на вопрос прав женщин они смотрят с точки зрения религии, при этом руководствуются исключительно собственной, особой интерпретацией шариата. То есть введенные ими ограничения в отношении женщин являются продуктом возврений самих лидеров движения, однако это преподносится как требования религии. Возможно, гендерная политика претерпит положительные изменения по мере смены руководства, с приходом к власти представителей нового поколения, контактировавших с внешним миром, а также под натиском социально-экономических потребностей и жизненных реалий. Сталкиваясь в будущем с проблемами экономического и социального характера, властям придется изменить свое отношение к женскому вопросу. В противном случае грозит столкновение с более глубоким экономическим и политическим кризисом, чем сегодняшний.

Список источников

1. Белокренцкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан* и перспективы Афганистана и Пакистана [The Taliban* movement and prospects for Afghanistan and Pakistan]. М.: ИВ РАН, 2014. 214 с.
2. Векуа Л. Положение женщин в современном Афганистане [Status of women in modern Afghanistan. All about Afghanistan]. Все об Афганистане. 27.02.2008. <https://afghanistan.ru/doc/11394.html>.
3. Новикова О.Н. ООН и права женщин в Афганистане [UN and women's rights in Afghanistan] // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 3. С. 183–206.
4. Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет [Taliban*: religious and political portrait]. М.: ИВ РАН, 2004. 256 с.
5. Можда В. Пять лет правления Талибана*. Тегеран, 2004 [Mozhda V. Pyat' let pravleniya Talibana*. Tegeran, 2004/Five years of the Taliban* rule]. [Перс. яз.]

Информация об авторе

Окимбеков Убайд Вафобекович. Кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, <https://orcid.org/0000-0002-3452-3630>. Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, ubayd@inbox.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 марта 2023. Одобрена после рецензирования: 1 мая 2023. Принята к публикации: 15 мая 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belokrenitsky V.Ya., Sikoev R.R. The Taliban* movement and prospects for Afghanistan and Pakistan. Moscow, IV RAN, 2014:214 [In Russian]
2. Vekua L. Status of women in modern Afghanistan. All about Afghanistan. 02/27/2008. Available from: <https://afghanistan.ru/doc/11394.html> [In Russian]
3. Novikova O.N. UN and women's rights in Afghanistan. Actual problems of Europe. 2015; 3: 183–206 [In Russian]
4. Sikoev R.R. Taliban*: religious and political portrait. Moscow: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. 2004:256 [In Russian]
5. Mozhda Wahid. Afghanistan and five years of the Taliban 5 rule. Tehran, 2003:206 [In Persian].

*Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

About the author

Ubayd V. OKIMBEKOV. CandSc (Economic). Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, <https://Orcid.Org/0000-0002-3452-3630>. Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, ubayd@inbox.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 2, 2023. Approved after peer review: May 1, 2023. Accepted for publication: May 15, 2023. Published: June 25, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure. Social Institutions and Processes

Научная статья

УДК 323.22 /28

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-171-181](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-171-181)

Социологические науки

Социальные вызовы новому правительству «Талибана»*¹.

Илья Андреевич Зимин[✉]

Институт мировой экономики и международных отношений РАН им. Е.М. Примакова, Москва, Россия

guzhev.ilya1999@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8302-028X>

Аннотация. Статья посвящена мерам, которые предпринимает новое афганское правительство в лице «Талибана»* в социальной политике с целью удержания хотя бы относительной внутренней легитимности и в то же время проведения радикального курса, нацеленного на жесткую исламизацию афганского общества. Изложена конкретная реализация проводимых талибами мер в ответ на наиболее серьезные социальные вызовы (по мнению автора), а также проанализирован вклад непосредственно новых афганских властей в стабилизацию гуманитарной ситуации.

Ключевые слова: Афганистан, социальная политика, гуманитарная ситуация, природные катаклизмы, права женщин, «Талибан»*

Благодарности: Статья подготовлена в рамках инициативного проекта Центра изучения современного Афганистана (Россия, г. Москва)

Для цитирования: Зимин И.А. Социальные вызовы новому правительству «Талибана»* // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2(8). С. 171-181, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-171-181](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-171-181)

¹ * Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-171-181](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-171-181)

Sociological sciences

The Social Challenges to the New Government of Taliban*

Ilya A. Zimin✉

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia.
guzhev.ilya1999@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8302-028X>

Abstract. The article is devoted to the measures taken by the new Taliban* Afghan government in social policy to get relative internal legitimacy and at the same time pursue a radical course aimed at the harsh Islamization of Afghan society. It is shown how the Taliban are implementing measures in serious social situation, and the contribution of the new Afghan authorities to the stabilization of the humanitarian situation is analyzed.

Keywords: Afghanistan, social politics, humanitarian situation, natural disasters, women rights, Taliban*

Acknowledgments: The article was prepared as part of an initiative project of the Center for the Study of Modern Afghanistan (Russia, Moscow)

For citation: Zimin I.A. The Social Challenges to the New Government of Taliban*. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2(8): 171-182, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2\(8\)-171-182](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-2(8)-171-182)

Введение

Пришедшее к власти в Афганистане 15 августа 2021 г. новое правительство в лице членов движения «Талибан» столкнулось с чрезвычайно острыми вызовами в социально-экономической сфере. Например, разрушительные землетрясения и сели, происходившие в 2022 году, нехватка гуманитарных и продовольственных товаров, наличных денежных средств, рабочих мест и т.д. Согласно некоторым прогнозам, Афганистан в ближайшие годы ждет длительная засуха, которая, вероятно, усугубит и без того бедственное положение афганцев². От степени решенности вышеуказанных проблем зависит в том числе и прочность нового афганского режима, его внутренняя легитимность.

В настоящее время социально-экономическая и гуманитарная ситуация осложняется тем, что финансовые активы афганского правительства оказались «заморо-

² Assem Mayar. Global Warming and Afghanistan: Drought, hunger and thirst expected to worsen / Afghanistan Analyst Network. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/economy-development-environment/global-warming-and-afghanistan-drought-hunger-and-thirst-expected-to-worsen/>.

женены» в банках Европы и США по настоящему последних³. Параллельно с этим в провинциях Панджшер и Баглан против новых талибских властей развернулись боевые действия с участием т.наз. Фронта национального спасения Афганистана во главе с Ахмадом Масудом-младшим и Амруллоем Салехом. Террористическую войну против новых властей Афганистана развернуло афганское отделение «Исламского государства»⁴, против чего новое правительство талибов не смогло организовать успешные меры безопасности.

Таким образом, новым властям Афганистана пришлось иметь дело с крайне сложными вызовами социально-экономического и природного характера. Тем не менее уже больше года правительство Исламского Эмирата Афганистан продолжает контролировать большую часть страны и так или иначе реагировать на брошенные вызовы, коллапса государства так и не случилось. Данная статья ставит своей целью проанализировать усилия нового правительства в лице движения «Талибан» по стабилизации внутриполитической обстановки путем реагирования на существующие социальные вызовы.

Среди наиболее опасных вызовов, брошенных новому правительству Афганистана, которые потенциально угрожают его целостности и стабильности, оказались: беженцы (в особенности внутренне перемещенные лица), социальное недовольство ограничением фундаментальных прав женщин и девочек, природные катаклизмы. В данной статье будет разобран подход правительства «Талибана» к решению каждой из вышеуказанных проблем.

В силу «свежести» указанной темы достаточного освещения в научной и публицистической литературе социальная политика талибов еще не получила, однако есть ряд статей, рассматривающих этот аспект в то время, когда «Талибан» был в оппозиции [1]. Вместе с тем новый период правления «Талибана» (с 2021 г.) правильнее сравнивать с периодом 1996–2001 годов. Черты, характерные для социальной политики прошлого периода правления, рассмотрены в книге Питера Марсдена «Талибан. Война и религия в Афганистане» [2], особенно то, что касается дискриминационной политики талибов в отношении женщин. Многие из этих аспектов были освещены в фундаментальной работе Р.Р. Сикоева «Талибан. Религиозно-политический портрет» [3], не утратившей своей актуальности до сих пор. Феномен же «воющего Талибана» в период нахождения движения в оппозиции рассмотрен в книге итальянского исследователя Антонио Джустоцци [4].

³ Christina Goldbaum. Biden's Decision on Frozen Funds Stokes Anger Among Afghans / NY Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/13/world/asia/afghanistan-funds-biden.html>

⁴ Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

Материалы и методы

Выделены три ключевых социальных вызова, с которыми столкнулось правительство «Талибана»* после своего прихода к власти. Последовательно проанализированы официальная риторика текущего афганского правительства, статистические данные и сообщения международных организаций, а также оппозиционных афганских СМИ. На основе данных эмпирических материалов сделаны выводы о степени уязвимости режима талибов текущим вызовам и перспективах ее динамики. В качестве методологической базы в исследовании использовались: принцип историзма, который подразумевает изучение явлений в их развитии и эволюции, принцип объективности, подразумевающий рассмотрение феноменов в аспекте их взаимосвязей с широким кругом факторов.

Источниковой базой исследования послужили статистические и аналитические данные ООН и Всемирного банка, сообщения официального информационного агентства афганского правительства Bakhtar, а также пресс-конференции медиацентра при правительстве Афганистана, материалы интернет-СМИ, распространяемые на персидском, английском и пушту языках (в том числе и оппозиционные правительству талибов), оперативные данные НПО, работающих в Афганистане, и некоторые другие источники. Историография представлена рядом отечественных и зарубежных работ, которые посвящены тематике «Талибана»* на современном этапе.

Результаты исследования

Беженцы

Согласно данным ООН, число афганцев-беженцев, покинувших страну, к 2022 году составляет 2,2 млн человек. Число внутренне перемещенных лиц (далее – ВПЛ) достигает 3,5 млн человек⁵, что составляет около 10% от примерного числа всех жителей Афганистана⁶. Министерство по делам беженцев и репатриантов, работавшее и до прихода к власти талибов, было возглавлено видным функционером «Талибана»*, радикальной его части «сети Хаккани», Халилом ур-Рахманом Хаккани⁷, включенным в санкционный список ООН за финансирование террористической деятельности⁸.

Регулярные посты в Твиттер-аккаунте* министерства сообщают о командировках его главы в разные проблемные точки. Также в нем публикуются отчеты об оказанной денежной и продуктовой помощи семьям ВПЛ, возвращении беженцев из Ирана и Пакистана.

5 Afghanistan situation / UNHCR. URL: <https://reporting.unhcr.org/afghanistsansituation>.

6 Afghanistan population / Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/afghanistan-population/>.

7 Хабаргозари-йе Tasnim, 16.06.1400. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1400/06/16/2567767> ارزو-یه اس-ادش-مال-عاتسین اغفار-دن ابل-اطدی-ج-بتلود/ .

8 KHALIL AHMED HAQQANI / UN Security Council. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1988/materials/summaries/individual/khalil-ahmed-haqqani>.

В целом же Халил ур-Рахман Хаккани на публике появляется не так часто, по сравнению с другими функционерами «Талибана»*, что, возможно, связано с его подсанкционным статусом. Например, по этой же причине глава клана Хаккани, племянник Халил ур-Рахмана и одновременно глава МВД Сираджуддин долгое время скрывал свое лицо на публике⁹. Такие опасения ряда лидеров «Талибана»* кажутся вполне обоснованными после предположительной ликвидации лидера «Аль-Каиды»¹⁰ Аймана аз-Завахири, якобы укрывавшегося в Афганистане и уничтоженного при помощи американского беспилотника 31 августа 2022 г.¹¹. Чуть позже, 7 сентября, распространился слух о смерти Халил ур-Рахмана в ходе аналогичной атаки, который, впрочем, был опровергнут¹².

Представлено также министерство по делам беженцев и на конференции в рамках программы по отчетности перед народом, которую талибы запустили летом 2022 г., приурочив ее открытие к годовщине нахождения у власти¹³. Заместитель министра Арсала Хароти перечислил основные достижения ведомства за год. Им были открыты представительства во всех провинциях Афганистана, а также в Иране, Пакистане, Турции. На родину по итогам работы министерства в сотрудничестве с международными организациями было возвращено около 622 тыс. афганцев. На наиболее крупных погранпереходах (например, Ислам-Кала на границе с Ираном или Торхам, Спин-Булдак на границе с Пакистаном) были открыты центры размещения и помощи беженцам. Также, по сведениям замминистра, около 78 тыс. семей из числа внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) были возвращены домой, около 86 тыс. семей из числа ВПЛ регулярно получают продуктовую, медицинскую помощь, а также помощь в восстановлении жилья¹⁴. Впрочем, из приведенных выше цифр неочевидна роль непосредственно афганского министерства в достижении указанных результатов.

Вместе с тем за год правления режима талибов в отношении беженцев и ВПЛ наметился по крайней мере один позитивный тренд: их количество по причине военного конфликта неуклонно сокращалось. Если до 2021 г. количество ВПЛ и беженцев стабильно увеличивалось на 380 тыс. в год, то к июню 2022 г. количество новых (с лета 2021 г.) ВПЛ составило 7,4 тыс. человек¹⁵. Главной причиной миграции, в том числе внутренней, стала безработица и нищета, а также отсутствие доступа к здравоохранению и образованию. Социальная незащищенность внутренних беженцев приводит к распространению таких явлений, как вынужденный детский труд, продажа детей, на-

9 Fararu, 14.12.1400. URL: <https://fararu.com/fa/news/537300>.

10 *Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

11 Иктисад-ньюз [İktisad-n'yuz], 11.05.1401. URL: <https://www.eghtesadnews.com/>

12 Арья-пресс [Ar'ya-press], 5.09.2022. URL: <https://ariapress.org/>.

13 Телеграм-канал «Herat-Times», 1.08.2022. URL: <https://t.me/HeratTimess/75066>.

14 Канфранс-е хабари-йе вазарат-е амур-е мохаджерин ва 'удат-конендаган, 23.05.1401 / GMIC Afghanistan, 13.09.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aAgqof2PfMA>.

15 One year on: the Taliban takeover and Afghanistan's changing displacement crisis / ReliefWeb. URL: <https://reliefweb.int/report/afghanistan/one-year-taliban-takeover-and-afghanistans-changing-displacement-crisis>.

сильственные браки, в том числе с детьми, попрошайничество. Также это превращает беженцев в социальную базу для набора сторонников среди радикальных организаций, оппозиционных новым властям¹⁶, например, Исламское государство в Хорасане.

Природные катаклизмы

Афганистан находится в сейсмологически активной зоне и периодически подвергается разрушительным землетрясениям. Среднее количество смертей в год от последствий землетрясений – 560 человек в год¹⁷. 22 июня 2022 г. в провинции Хост произошло крупнейшее за 20 лет землетрясение магнитудой 5,9, в ходе которого погибли более 1 000 человек, а ранеными оказались более 1 500 человек, множество людей оказались без жилья, целые деревни оказались уничтожены¹⁸. В тот же день официальные ресурсы «Талибана»^{*} опубликовали воззвание лидера движения за помощь к международному сообществу¹⁹. Согласно официальным данным, для эвакуации из разрушенных районов использовались вертолеты, предоставленные Минобороны²⁰, а Мохаммад Хасан Ахунд, председатель правительства талибов, распорядился предоставить 1 млрд афгани²¹ для предоставления денежной помощи пострадавшим от землетрясения²², позже отчеты о раздаче средств публиковались на официальных страницах МЧС «Талибана»²³.

Вскоре после землетрясения (июль-август 2022 г.) восточные провинции Афганистана ввиду сильных ливней подверглись наводнениям. По данным талибской комиссии по борьбе с ЧС²⁴, было уничтожено: 12 тыс. единиц жилья, множество плотин, дамб и каналов, необходимых для ведения сельского хозяйства, миллионы плодовых деревьев, около 50 тыс. голов малого и крупного рогатого скота, также 1,7 млн гектар сельхозпосевов оказались затоплены, погибли 1,57 тыс. человек, а ущерб оценен в 2 млрд долларов. Также были эвакуированы с мест своего проживания около 18 тыс. семей, которые вряд ли смогут вернуться и восстановить свое жилье и быт в ближайшее время, пополнив тем самым число ВПЛ.

16 Protection Analysis Update. Afghanistan. Q1 2022 / Global Protection Cluster. URL: <https://www.globalprotectioncluster.org/old/wp-content/uploads/Protection-Analysis-Update-PAU-Q1-2022-fv.pdf>.

17 2022 Afghanistan Earthquake / Center for Disaster Philanthropy. URL: <https://disasterphilanthropy.org/disasters/2022-afghanistan-earthquake/>.

18 Аль-Джазира, 22.06.2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/6/22/afghanistan-live-news-earthquake-kills-at-least-920-people>.

19 Бахтар [Bahtar], 1.04.1401. URL: <https://bakhtarnews.af>.

20 Бахтар [Bahtar], 1.04.1401. URL: <https://bakhtarnews.af/en/mod-helicopters-medical-teams-arrived-south-to-assist-earthquake-victims/>.

21 Афгани – валюта Афганистана с 1926 г.

22 Бахтар [Bahtar], 1.04.1401. URL: <https://bakhtarnews.af>

23 Сафар-е мо'ин-е мали ва идари ва сарпастар-е вазарат-е давлат дар амур-е расидаги бахавадис ба пактика; комак-хаи нокди бараи маджрухин ва вареса шохадаи залзала ахир тавзи' щод / Министерство по Чрезвычайным ситуациям ИЭА, 9.07.2022. URL: <https://www.andma.gov.af/dr/>.

24 Канфранс-е хабари-ье вазарат-е амур-е мохаджерин ва 'удат-коненданаган, 23.05.1401 / GMIC Afghanistan, 13.09.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DUqjVozOYNk&t=58s>.

В ходе мероприятий по борьбе со стихией талибы раздали около 100 тыс. палаток, 350 тыс. одеял, 100 тыс. медицинских комплектов, 160 тыс. продуктовых наборов и 2 млн долларов наличными. Наибольший ущерб пришелся на сферу сельского хозяйства, профильные ведомства (министерство по возрождению деревни и минсельхоз) оценили срочные затраты на восстановление инфраструктуры в 200 млн и 60 млн долларов соответственно. Понимая масштаб бедствий, талибы запросили финансовой и гуманитарной помощи у мирового сообщества²⁵.

Стихийные бедствия не прибавляют режиму талибов прочности, но от того, насколько им удастся справляться с последствиями природных катаклизмов, зависит во многом уровень их внутренней легитимности. Пока, впрочем, ведущая роль в преодолении последствий находится у международных организаций, что уже более года берегает Афганистан от гуманитарной катастрофы.

Женский вопрос

Ущемление талибами фундаментальных прав женщин и девочек сделало талибам репутацию дикарей еще в первый период их нахождения у власти в Афганистане (1996–2001). Однако в 2021 году, когда они оказались у власти во второй раз, пресс-секретарь движения Забиулла Муджахид на первой конференции «Талибана»^{*} заявил, что права женщин будут сохранены, включая право на образование, в том числе в университетах²⁶. Движение призвало женщин соблюдать хиджаб, но обязательным требованием это не объявлялось. Таким образом, у мирового сообщества сложились определенные надежды на сохранение хотя бы тех прав женщин, которые у них были в республиканский период (2001–2022). Главным образом, это право на получение образования, в том числе высшего, и право на работу, в том числе ведение бизнеса²⁷.

Актуальность данного вопроса в регионе в целом за период 2021–2022 годов только возросла. Например, проблема ограничения женщин в правах и чрезмерная строгость положений об обязательном соблюдении исламского дресс-кода оказались среди ключевых факторов, способствовавших эскалации иранского протesta в сентябре-октябре 2022 г.. Неудовлетворенные своим неясным положением жительницы афганских городов (по примерным оценкам, они составляют около 25% от общего числа женщин²⁸) также неоднократно выходили на протесты, солидаризируясь с иранками²⁹. Несмотря на протесты в Иране, многие образовательные организации в Иране предложили различные возможности для образования афганок, включая онлайн-образование³⁰.

25 Хаама-пресс, 1.09.2022. URL: <https://www.khaama.com/persian/archives/103009>.

26 Спутник Афганистан, 17.08.2021. URL: <https://af.sputniknews.com/20210817/>.

27 Толо-ньюз, 13.06.1400. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-174753>.

28 Urban population (% of total population) – Afghanistan / WorldBank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=AF>.

29 Афганистан-Интернейшнл, 29.04.1401. URL: <https://www.afintl.com/202209200185>.

30 Саламат-ньюз [Salamat-n'uz], 5.10.1401. URL: <https://www.salamatnews.com/news/349489>.

Эксперты также считают «право на образование», в том числе для девушек, наиболее ярким показателем «адекватности» нового афганского режима. Возможность обучения детей является одним из основных вопросов, над которым задумываются потенциальные афганские репатрианты [2, с. 105-106]. Настаивают на открытии школ для девочек в том числе некоторые афганские богословы³¹: в стране около 3 млн школьниц и около 100 тыс. женщин, занятых в сфере образования, которые не работают или работают на полулегальном положении.

Также вопрос о возобновлении женского образования в Афганистане стал объектом пристального внимания со стороны мирового сообщества. Он стал одним из условий дипломатического признания режима талибов³². С сентября 2021 г. школы для девочек старше 6-го класса оставались закрытыми по неким «техническим причинам», мальчики этого возраста в школы пошли³³. Запрет на образование нельзя обосновать исламскими ценностями³⁴, поэтому в дальнейшем насчет запрета образования для девочек в риторике талибов будет сохраняться «пространность формулировок», например, необходимость создания «исламской среды»³⁵. Вместе с тем стоит отметить, что в некоторых провинциях (Балх, Кундуз, Сари-Пуль, Бамиан, Герат) средние и старшие школы для девочек (некоторые – временно) все же были открыты осенью 2021 года³⁶.

С течением времени надежды на открытие школ для девочек переместились на конец марта 2022 г.³⁷. Специпредставитель США по Афганистану в начале 2022 г. заявил, что если талибы откроют школы для девочек в марте, то США возьмут расходы по зарплатам учителям³⁸. Однако надежда не оправдалась, и 23 марта 2022 г. школы для девочек остались закрытыми до выработки особой «исламской программы» и «школьной формы»³⁹, что сильно подорвало доверие к режиму «Талибана» и отодвинуло вопрос его признания на неопределенный срок. Сохранение прав женщин на образование для мировой общественности являлось некой «лакмусовой бумажкой» в вопросе признания режима талибов, так как, в отличие от других требований к ним (например, снижение уровня террористической и наркотической угрозы), обеспечить права женщин, хотя бы декларативно, они были в состоянии.

31 Афганистан-Интернешнл [Afghanistan-Interneshn], 11.04.1401. URL: <https://www.afintl.com/202205013553..>

32 Taliban Seek Recognition But Offer Few Concessions to International Concerns / United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/publications/2021/09/taliban-seek-recognition-offer-few-concessions-international-concerns..>

33 Taliban ban girls from secondary education in Afghanistan / The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/sep/17/taliban-ban-girls-from-secondary-education-in-afghanistan..>

34 Сахих аль-Бухари. Книга знания (хадисы 59–134). URL: <https://isnad.link/book/sahih-al-buhari/3-kniga-znaniya/35-glava>.

35 Киллид-групп [Killid-grupp]. 15.07.1400. URL: <https://tkg.af/Pashto/>

36 Толо-ньюз, 17.07.1400. URL: <https://tolonews.com/fa/afghanistan-174966>.

37 21 марта (в высокосный год – 22 марта), по солнечной хиджре, начинается Новый год («Навруз») в Афганистане, после него начинается, соответственно, новый учебный год.

38 TOLO News / Twitter. URL: <https://twitter.com/tolonews/status/1484443647303389187?lang=en>

39 Bakhtar / Twitter. URL: <https://twitter.com/bakhtarna/status/1506479246625103872?lang=en>

Кроме того, по мере затягивания талибами выполнения возложенных на них требований откладывался вопрос дипломатического признания талибов. Это привело к тому, что решение проблемы женского образования было отложено. 20 декабря вышел указ эмира «Талибана»* об оставлении школ закрытыми до дальнейшего указания. В интервью по этому поводу министр высшего образования шейх Мухаммад Надим обосновал выпуск указа следующими причинами⁴⁰: 1) девушки за получением образования не должны отправляться в другие провинции без маҳрама⁴¹; 2) большинство девушек не соблюдает «полный хиджаб», вместе с тем образца такового талибами представлено не было; 3) в большинстве учебных заведений нет возможности организовать раздельное обучение девушек и юношей; 4) девушки не должны изучать специальности, которые не подобает им учить, согласно афганским традициям (например, инженерию).

Такой запрет, вместе с дальнейшим запретом на работу для женщин в неправительственных организациях (НПО), привел к тому, что Миссия ООН по содействию Афганистану (МООНСА) приостановила ту самую денежную помощь наличными средствами для Центрального банка Афганистана⁴². Однако уже 14 января 2023 г. Центробанк Афганистана заявил об очередном транше финансовой помощи⁴³. Связать это, очевидно, можно с разрешением талибов для медицинских и офисных работниц НПО (International Rescue Committee⁴⁴, Save the Children) продолжить свою работу. Таким образом, женщины Афганистана и их положение становятся предметом политического торга талибов и мирового сообщества, что вызывает недовольство, особенно городской и эмигрантской прослойки афганцев.

Выводы

С приходом к власти движения «Талибан»* Афганистан продолжает сталкиваться с многочисленными проблемами, имеющими в том числе социальный характер. Чтобы не потерять хотя бы относительную внутреннюю легитимность, которой талибы пользуются, им приходится так или иначе решать эти проблемы. Захват власти талибами в стране положительно повлиял на ситуацию с внутренне перемещенными лицами, чье число впервые за долгое время афганского гражданского конфликта сокращалось. Вместе с тем собственного внутреннего ресурса (финансового и управленческого) для комплексного и глубокого решения социальных проблем

40 Тер амрисани пури д унасо д похантунуно д бандедо пы ара д лваро здакро сарпараст вазир сара дзангера марака / RTA Pashto. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qJ0MtZL5wKE>.

41 Маҳрам – близкий родственник мужского пола, с которым женщинам дозволяется выходить на улицу в Афганистане, по указу правительства «Талибана».

42 Da Afghanistan Bank – Afghanistan / Twitter. URL: <https://twitter.com/afgcentralbank/status/1602948874859151362?s=46&t=K4XpA8fXCWH7Yy5oqhBqpg>.

43 Da Afghanistan Bank – Afghanistan / Twitter. URL: https://twitter.com/afgcentralbank/status/1614212925635559430?s=46&t=_DitbIVdD6_ecGOsGXRVcA.

44 Operational Note: Update on IRC's Operations in Afghanistan as of January 13 / International Rescue Committee URL: <https://www.rescue.org/press-release/operational-note-update-ircs-operations-afghanistan-january-13>.

талибам для этого не хватает, что прекрасно понимают международные гуманитарные организации, цель которых не допустить гуманитарной катастрофы в Афганистане. Поэтому ведущая роль в реагировании на существующие вызовы находится в руках последних. Вместе с тем работа гуманитарных проектов в стране осложняется наложенными на «Талибан» санкциями, вследствие чего, например, Миссия ООН по содействию Афганистану вынуждена ввозить деньги в Афганистан наличными средствами для последующей раздачи населению в рамках гуманитарной помощи⁴⁵.

Отдельной проблемой является женский вопрос, в решении которого возобладала консервативно-радикальная линия политики «Талибана». Представляется, что текущий статус-кво связан с неспособностью некой публичной прослойки верхушки «Талибана», которая представлена такими функционерами, как Абдул Гани Бародар, Мулла Якуб, Сираджуддин Хаккани и некоторые другие, договориться с Западом о дипломатическом признании Исламского Эмирата или о хотя бы частичном снятии санкций.

Таким образом, можно констатировать, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе установленное равновесие сохранится: Запад продолжит оказывать существенную гуманитарную поддержку новому афганскому правительству, пока правительство талибов будет осуществлять поиск вариантов модернизации своей политики. При этом возобладавшая жесткая линия политики в отношении женщин уже привела к сокращению объемов помощи и, как следствие, ухудшению социального положения населения Афганистана.

Список источников

1. Окимбеков У.В. Социально-экономическая жизнь под параллельной властью талибов [Socio-economic life under the parallel rule of the Taliban] // Восточная аналитика. 2019. Выпуск №4. С. 91-103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afghanistan-sotsialno-ekonomicheskaya-zhizn-pod-parallelnoy-vlastyu-talibov> [In Russian].
2. Марсден П. Талибан. Война и религия в Афганистане [War and Religion in Afghanistan]. Москва: ООО «Городец-издат», 2002. 173 с.
3. Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет [Taliban: a religious and political portrait]. Москва: Институт Востоковедения РАН, Издательство Крафт+, 2004. 256 с.
4. Giustozzi A. The Taliban at war 2001-2021. Oxford University Press: London, 2022. 408 pp.

Информация об авторе

ЗИМИН Илья Андреевич. Младший научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М.Примакова. Аспирант Института востоковедения РАН, Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-8302-028X>. Адрес: 117418, Российская Федерация, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23, guzhev.ilya1999@mail.ru

45 Спутник Афганистан, 07.12.2022 / Телеграм-канал. URL: <https://t.me/sputnikaf/17544>.

*Организация признана Верховным судом России террористической. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 25 июня 2023 года). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

The organization has been recognized a terrorist organization by the Russian Supreme Court. Unified federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 25, 2023). URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>, 18+

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 марта 2023. Одобрена после рецензирования: 1 мая 2023. Принята к публикации: 15 мая 2023. Опубликована: 25 июня 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Okimbekov U.V. Socio-economic life under the parallel rule of the Taliban*. Eastern analytics. 2019; 4: 91-103. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/afghanistan-sotsialno-ekonomicheskaya-zhizn-pod-parallelnoy-vlastyu-talibov> [In Russian].
2. Marsden P. Taliban*. War and Religion in Afghanistan. Moscow: LLC "Gorodets-izdat", 2002:173 [In Russian].
3. Sikoev R.R. Taliban*: a religious and political portrait. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, Kraft+ Publishing House, 2004:256 [In Russian].
4. Giustozzi A. The Taliban* at war 2001-2021. Oxford University Press: London, 2022:408 [In English].

About the author

Илья А. ЗИМИН. Junior Researcher at IMEMO RAS named after E. M. Primakov. Postgraduate student, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-8302-028X> Address: 23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russian Federation, 117418, guzhev.ilya1999@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 2, 2023. Approved after peer review: May 1, 2023. Accepted for publication: May 15, 2023. Published: June 25, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизведения коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизведения коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружественность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружественности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, масс-медиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружественности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружественности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в странах добрососедства;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружественного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций в странах добрососедства и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

В следующих выпусках журнала «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» мы продолжим знакомить вас с проектами Национального исследовательского института развития коммуникаций. Ваше участие в исследованиях вы можете обсудить с руководителями проектов, направив заявку по адресу: komleva@nicrus.ru.

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЛЕТИЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

Редактор-переводчик – д-р фил. н. Л.Е.Бушканец

Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА

Издательский дом «Проект Медиа Групп» (Департамент медиапроектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2 Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 25.06.2023

Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 2000 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, Professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

Editor-translator – DSc. (Filol) Leah E. Bushkanets

Proofreader – CandSc (Filol) Ilya A. Ermelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS

Publishing House «Project Media Group» (Department of media-projects)
5, 2d building, 1st floor, 2d office, Gagarinskiy pereulok, Moscow Tel. +7 495 146 83 02

Signed in the press on 25.06.2023

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pechati» 80/42, Revolusionnyj prospect, Podolsk, Moscow oblast
Circulation 2000 copies

ISSN 2782-3067

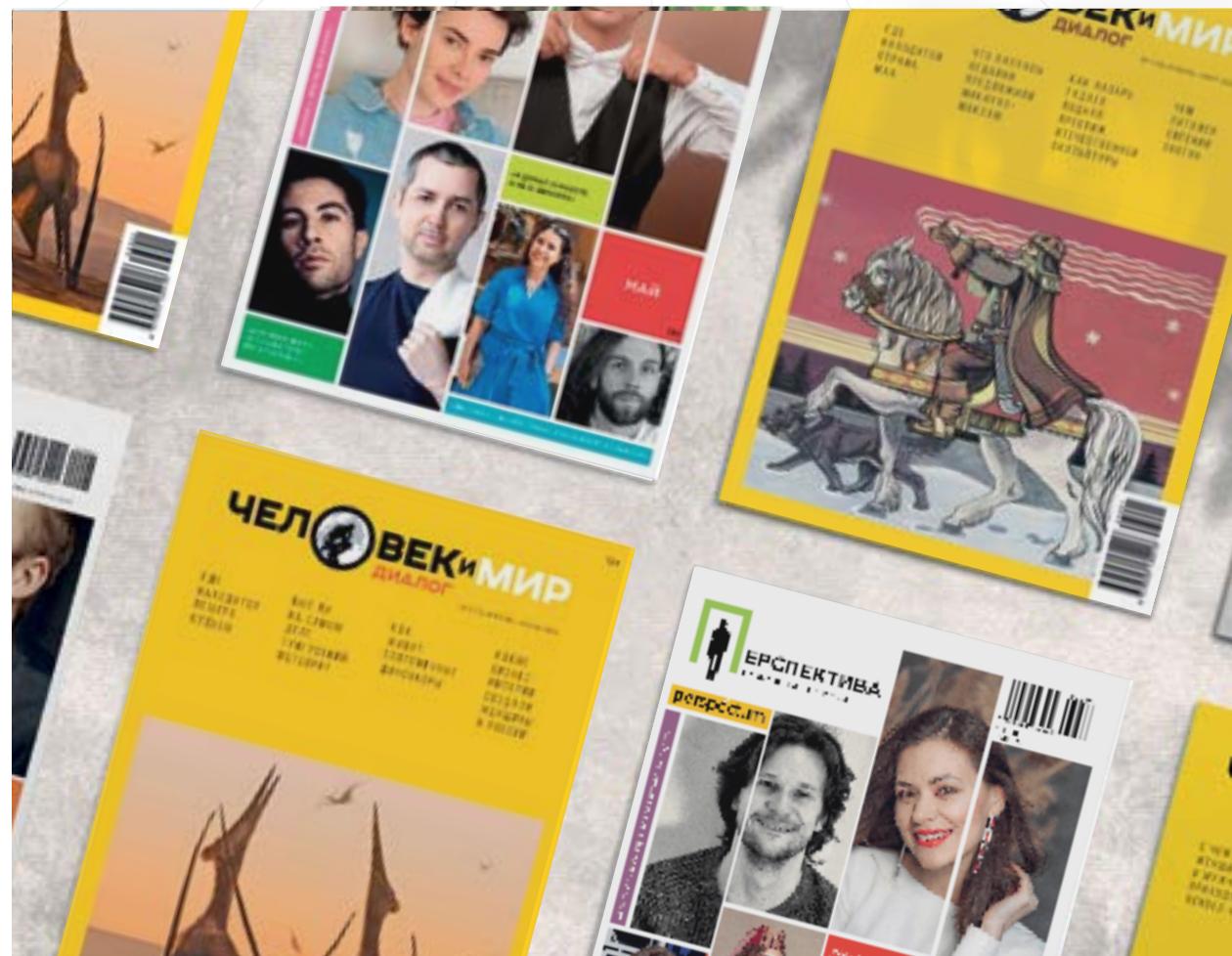

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

Дизайн обложки выполнен по мотивам творчества
Василия Васильевича Кандинского (1866, Москва – 1944, Нёйи-сюр-Сен).

Русский художник, один из основоположников школы абстракционизма, а позднее и теоретик изобразительного искусства. Вступил на этот путь в 30 лет и оказал огромное влияние на развитие современной мировой культуры. В Мюнхене он стал одним из основателей группы «Синий всадник»; участвовал в выставках художественного объединения «Бубновый валет», занимался преподавательской деятельностью в Москве и Берлине, выступил теоретиком школы Bauhaus. Творческое наследие Василия Кандинского продолжает вдохновлять художников, дизайнеров, архитекторов всего мира и сегодня. В июне 2017 года «Картина с белыми линиями», которую до 1974 года могли видеть посетители Третьяковской галереи, была продана на аукционе Sotheby's за 42 млн долларов.

